БЕЛАРУСЬ У ЖЫЦЦІ І ТВОРЧАСЦІ А. С. ПУШКІНА

Семен Букчин

“...НАРОД, ИЗДРЕВЛЕ НАМ РОДНОЙ”

Так сказал Пушкин о белорусах в 1836 году. Эти слова появились в первой книге только что основанного им журнала “Современник” в рецензии на “Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского”. Вышедшие в 1835 г. в Петербурге “Сочинения” Конисского сразу же привлекли внимание поэта. Причину этого интереса он объясняет уже в начале рецензии: “... Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории”.

И в этом случае Пушкин оказался прозорлив... Имя Конисского вошло в крупнейшие энциклопедические издания. Ученик Феофана Прокоповича, он в свою очередь был учителем другого знаменитого ученого и просветителя XVIII в. — Григория Сковороды. В 1755 г. Конисский, к тому времени ректор Киевской духовной академии, профессор философии и пиитики, становится белорусским православным архиепископом в Могилеве. И начинает многолетнюю упорную борьбу с влиянием Ватикана на территории Белоруссии и Украины, против Брестской унии 1596 г. С восхищением пишет Пушкин об этой деятельности Конисского, его бесстрашии. Писатель-полемист, ученый, блестящий оратор — эти грани личности Конисского особенно привлекательны для Пушкина. Архиепископ не был ортодоксальным теологом, высоко ценил идеи Коперника, Галилея, Декарта. Его исторические записки, интермедии, стихи и речи наполнены деталями живого народного быта, элементами социальной критики. “Политические речи его имеют большое достоинство”, — говорит Пушкин. В Конисском он видит защитника национальных интересов белорусского народа. Когда в 1762 г. короновалась в Москве Екатерина II, “Георгий... принес ей вместе с поздравлениями тихие сетования *народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиями войны*” (курсив мой. — *С. Б.*).

Рецензия в “Современнике” свидетельствует о значительной осведомленности Пушкина в истории Белоруссии. С горячим сочувствием

он говорит о земле, изнывавшей под игом “католического фанатизма”, упоминает о народном бедствии в Орше в 1759 г., когда католические миссионеры “возмутили шляхту и жолнеров”, о Слуцкой конфедерации, собравшейся в 1767 г. для защиты православного населения.

И это только небольшая часть знаний Пушкина о нашем крае. О том, что они были шире и глубже, говорят десятки фактов, событий, географических названий и имен, вошедших в его исторические материалы, предварительные наброски. Подготовительные тексты к “Истории Петра” пестрят названиями белорусских городов и деревень. С документальной точностью фиксирует Пушкин происходившие на нашей земле события войны со шведами:

“Петр приказал всем начальникам спешить в Минск. И сам... отправился в Минск же, пробыв неделю в Орше”.

“4 августа получил он известие о переходе Карла, под Могилевом, через Днепр и о походе его к Пропойску. Войско наше пошло к Могилеву, а Петр с половиною пехоты прибыл в Мстиславль”.

“Петр в Мстиславле узнал, что Карл с частию войска, другую отправя к Гомлю, пошел к Чирикову”.

Пропойск — это сегодняшний Славгород, а Гомль и Чириков — конечно же, Гомель и Чериков. Встречаем мы в “Истории Петра” и Чаусы “при реке Проне” и “Крычев (в пяти милях от Чирикова)”. Попали в нее и совсем незавидные белорусские деревеньки: Писаревчизна, где Петр, “осмотрев тамошние болота, сам избрал переправу и войско свое перевел”, Долгие Мхи, где за рекою стоял шведский корпус Левенгаупта.

“Ночью Петр переправился и нагнал его о полудни под Лесным, стоящего за болотом в месте неприступном”.

Подробно описывает Пушкин битву под могилевской деревушкой Лесной и гордо заключает: “Победу под Лесным Петр называл потом матерью полтавской победы, последовавшей через 9 месяцев... На сию победу выбиты две медали”.

В “Исторических записях” Пушкин упоминает знаменитый “домашний театр” графа Зорича, владельца Шклова. А в “Истории Пугачева” говорится, что будущий предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. одно время скрывался “в раскольничьей слободе Ветке”, неподалеку от Гомеля. В черновике “Полтавы” есть строчка о сподвижнике Кочубея:

... Искра в древнем Могилеве.

Внимательный читатель пушкинских текстов обнаружит и другие белорусские реалии. Все они еще раз подтверждают хорошо известные факты пушкинских исторических штудий — внимательного изучения

научных трудов, документов, кропотливой архивной работы. Именно поэтому слова поэта о белорусах — “народ, издревле нам родной” — следует воспринимать не только как эмоциональную характеристику, но прежде всего как свидетельство глубокой исторической убежденности. В них, безусловно, отразились и личные наблюдения, непосредственные впечатления от встреч с Белоруссией, с ее народом.

Первая произошла в мае 1820 г. 2 апреля министр внутренних дел Кочубей получил политический донос на Пушкина. 19 апреля Карамзин сообщил Дмитриеву, что полиция узнала “о стихах Пушкина на вольность”, об эпиграммах на властителей и друзья поэта “опасаются следствий”. Друзья бросились на выручку. Правительство неожиданно увидело, что двадцатилетний поэт пользуется широкой общественной поддержкой. Первоначальное намерение сослать в Сибирь или на Соловки уступило место решению перевести Пушкина по службе из столицы, где он числился в Коллегии иностранных дел, в южные губернии, под начало генерала Инзова в качестве сверхштатного чиновника впредь до особых указаний. Политическую ссылку замаскировали служебным переводом. Получалось, что официально Пушкин отсылался на юг курьером, которому поручалось передать генералу Инзову документы чрезвычайной важности. Другого курьера не нашлось...

6 мая Дельвиг и Яковлев, старые лицейские друзья, проводили Пушкина до Царского Села. Последние поцелуи, слова прощания, и бричка покатила по Белорусскому тракту. Вместе с поэтом следовал в изгнание только его дядька, крепостной Никита Козлов. Словно предчувствуя свою судьбу, Пушкин писал в середине апреля Вяземскому: “Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих...”

Конечным пунктом в подорожной был указан Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Но довелось поэту тем летом побывать и в донских степях, и на Кавказе, и в Крыму, и в Кишиневе...

В самом начале цепи новых впечатлений была Белоруссия. В подорожной указывались местечки и города, уклоняться от которых запрещалось. Вот он, белорусский маршрут Пушкина, ехавшего в южную ссылку: Полоцк, Витебск, Бабиновичи, Орша, Могилев, Чечерск, Белица.

> Катит по-прежнему телега,
> Под вечер мы привыкли к ней
> И дремля едем до ночлега,
> А время гонит лошадей.

О чем думалось по дороге? Какие были встречи? Что запомнилось поэту? Об этом в рукописях Пушкина, кажется, ни слова. Кажется, что пять или шесть дней, проведенных на дорогах Белоруссии в мае 1820 г., не оставили ни малейшего следа. Нет ни стихов, ни дневнико-

вых записей, ни писем с дороги. Но вот в “Записках молодого человека”, отрывке из ненаписанной повести, встречается картина, которая вполне могла быть навеяна белорусскими впечатлениями. Впрочем, прежде упомянем о некоторых совпадениях этого отрывка с биографией Пушкина. Герой “Записок молодого человека” *6 мая 1825 г.* получает “повеление отправиться в полк в местечко Васильков...”. 9-го он выезжает из Петербурга. Вспомним, что *Пушкин выехал из Петербурга 6 мая*. В черновой рукописи отрывка место службы прапорщика было обозначено точнее: город Васильков Киевской губернии, Черниговский полк. Тот самый полк, который под командованием С. И. Муравьева-Апостола поднял знамя восстания в последних числах декабря 1825 г. Мы не знаем плана повести, но можно представить себе, какие события ожидали беспечного молодого офицера, мечтавшего “об удовольствиях пути и приключениях...”

Если прапорщика еще ждут политические события, то Пушкин уже выслан по политическим причинам. Поэтому серия картинок, которые рассматривает герой “Записок” на деревенской почтовой станции, воспринимается прежде всего как ироническая аллегория, содержащая намек на только что происшедшее с самим Пушкиным в Петербурге, главным образом на отношение властей к его стихам, к его общественному поведению. На картинках “изображена история блудного сына... изображено яркими чертами дурное поведение развратного молодого человека... представлено возвращение его к отцу своему”.

Второй “реминисценцией” из мая двадцатого года представляются деревенские наблюдения прапорщика, путь которого из Петербурга до Василькова (как и Пушкина до Екатеринослава) проходил через Белоруссию. Вот он на станции ждет лошадей:

“Я сел под окно. Виду никакого. Тесный ряд однообразных изб, прислоненных одна к другой. Кое-где две-три яблони, две-три рябины, окруженные худым забором, отпряженная телега с моим чемоданом и погребцом.

День жаркий. Ямщики разбрелись. На улице играют в бабки златовласые, замаранные ребятишки. Против меня старуха сидит, перед избою подгорюнившись. Изредка поют петухи. Собаки валяются на солнце или бродят, высунув язык и спустя хвост, да поросята с визгом выбегают из-под ворот и мечутся в сторону безо всякой видимой причины.

Какая скука! Иду гулять в поле. Развалившийся колодец. Около него — мелкая лужица. В ней резвятся желтенькие утята под надзором глупой утки, как балованные дети при мадаме.

Я пошел по большой дороге — справа тощий озимь, слева кустарник и болото. Кругом плоское пространство. Навстречу одни полосатые версты. В небесах медленное солнце, кое-где облако”.

Удивительно в этом отрывке буквально “кинематографическое видение” Пушкина: лаконизм, точность детали, переданной скупо и просто. Где же видел он эту картину? Под Оршей? Или в Бабиновичах? “Тощий озимь”, кустарник и болото вполне вписываются в пейзаж северной Белоруссии...

Дважды в этом маленьком отрывке повторяется: “Какая скука!” И конечно же, очень скоро окружившие поэта красоты “полуденного брега” окончательно затмили печальные виды Белорусского тракта. Затмили, но не изгладили из памяти...

Конечно же, были на этом пути у поэта разнообразные встречи, и неожиданные, и те, к которым он стремился. Трудно, например, сомневаться в том, что, проезжая через Витебск, Пушкин не заглянул к служившему там отцу Антона Дельвига. Наверняка, прощаясь с другом в Царском Селе, Дельвиг просил его об этом и, возможно, дал письмо к отцу.

А вот уже не предположение, а документ, точнее, краткая запись-загадка. На обороте письма к Дельвигу, относящегося к началу 1827 г., рукой Пушкина написано: “в Мог. губ. Рогачев. Пет. Ив. Сюбека, д. Городн.” Кто он, этот Петр Иванович Сюбека, проживавший в доме городничего в Рогачеве Могилевской губернии? Возможно, Пушкин проезжал через Рогачев (в том же 1820 г. или четыре года спустя) и там познакомился с этим человеком. Возможно, что он останавливался в доме городничего. К сожалению, даже дотошнейший словарь “Пушкин и его окружение” называет П. И. Сюбеку “неустановленным лицом”.

Могла состояться во время этой поездки по белорусской земле и самая дорогая для Пушкина встреча. Могла, но не состоялась... О том, как это произошло, рассказал в своих знаменитых воспоминаниях Иван Пущин, “друг бесценный”. Откроем еще раз эту книгу:

“В генваре 1820 года я должен был ехать в Бессарабию к больной тогда замужней сестре моей. Прожив в Кишиневе и Аккермане почти четыре месяца, в мае возвращался с нею, уже здоровою, в Петербург. Белорусский тракт ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя: “Какой это Пушкин?” Мне и в мысль не приходило, что это может быть Александр. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич, едет, кажется, на службу, на перекладной, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе (время было ужасно жаркое). Я тут ровно ничего не понимал — живя в Бессарабии, никаких вестей о наших лицейских не имел. Это меня озадачило.

В Могилеве, на станции, встречаю фельдъегеря, разумеется, тотчас спрашиваю его: не знает ли он чего-нибудь о Пушкине. Он ничего не мог сообщить мне об нем...”

Только в Петербурге узнает Пущин обо всем, что случилось с другом. А через много лет он, вспомнив об этом эпизоде на Белорусском тракте, горько вздохнет:

“Проезжай Пушкин сутками позже до поворота на Екатеринослав, я встретил бы его дорогой, и как отрадно было бы обнять его в такую минуту! Видно, нам суждено было только один раз еще повидаться, и то не прежде 1825 года”.

В июле 1823 г. Пушкин переезжает из Кишинева в Одессу. Здесь его жизнь осложнилась конфликтом с новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронцовым. Полиция перехватывает его письмо, в котором он называет себя сторонником чистого атеизма (“афеизма”). Все это привело к тому, что его уволили со службы и отправили в ссылку в псковское имение родителей — село Михайловское под надзор местных властей.

И вновь дальняя дорога... 31 июля 1824 г. коллежский секретарь Пушкин выехал из Одессы на север по маршруту, предписанному одесским градоначальником Гурьевым, дав обязательство нигде не останавливаться в пути...

Можно представить себе настроение поэта: после оживленной Одессы он должен был поселиться в глухой деревне...

5 августа он проезжает Белицу и Чечерск, а вечером 6-го въезжает в Могилев. Но здесь, пожалуй, лучше всего предоставить слово свидетелю:

“6 августа 1824 года, когда перед манежем полковая музыка играла вечернюю зорю, а публика, пользуясь праздничным днем и приятною погодою, гуляла по Шкловской улице, проезжала на почтовых, шагом, коляска; впереди шел кто-то в офицерской фуражке, шинель внакидку, в красной шелковой, русского покроя рубахе, опоясанной агагиником. Коляска поворотила по Ветряной улице на почту; я немедленно поспешил вслед за нею, желая узнать, кто приезжает. Смотритель сказал мне, что едет из Одессы коллежский асессор Пушкин; я тотчас бросился в пассажирскую комнату и, взявши Пушкина за руку, спросил его:

— Вы, Александр Сергеевич, верно, меня не узнаете? Я — племянник бывшего директора Лицея — Егора Антоновича Энгельгардта; по праздникам меня брали из корпуса в Царское Село, где вы с Дельвигом заставляли меня декламировать стихи.

Пушкин, обнимая меня, сказал:

— Помню, помню, Саша, ты проворный был кадет”.

Они виделись семь-восемь лет назад. За это время “проворный кадет” Александр Распопов превратился в ладного офицера. Ему шел двадцать первый год, и он служил в Лубенском гусарском полку. А в Могилев был прислан для “усовершенствования по службе” и вместе с

другими молодыми офицерами состоял в учебной кавалерийской команде при главной квартире 1-й армии.

Свои воспоминания о встрече с Пушкиным в Могилеве Александр Петрович Распопов опубликовал в журнале "Русская старина" в 1876 г. В ту пору ему было уже семьдесят три года. Естественно, что память могла и подвести. Тем более что вспоминался эпизод полувековой давности. Если картина появления Пушкина на могилевской улице безусловно достоверна, как и сама встреча с поэтом на почтовой станции, то некоторые детали из последующего рассказа навеяны позднейшим чтением как произведений самого Пушкина, так и различной литературы о нем.

"И, от радости такой неожиданной встречи, не знал, что делать; опрометью побежал к гулявшим со мною товарищам известить их, что проезжает наш дорогой поэт А. С. Пушкин (в то время все заинтересованы были "Евгением Онегиным", вышла VI глава этого романа о дуэли Евгения с Ленским). Все поспешили на почту. Восторг был неописанный. Пушкин приказал раскупорить несколько бутылок шампанского. Пили за все, что приходило на мысль: за здоровье няни, Тани и за упокой души Ленского".

Конечно, поводы для тостов были самые разнообразные. Но вот пить "за здоровье няни, Тани и за упокой души Ленского" гусары никак не могли. Ведь о пушкинском "романе в стихах" они еще ничего не знали: первая глава появилась в печати в феврале 1825 г., а упомянутая Распоповым шестая вышла только в марте 1828 г. Но вспоминавшему этот день, точнее вечер, престарелому А. П. Распопову показалось, что под звон бокалов с шампанским поминались именно герои "Евгения Онегина". Видимо, дело не только в аберрации памяти, но и в том сильнейшем, неизгладимом впечатлении, которое производили на читателей главы знаменитого романа, начавшего печататься через полгода после встречи в Могилеве.

Да и мудрено было спустя полвека припомнить все детали... Тем более что пирушка, начавшаяся в зале почтового двора, перенеслась на квартиру жившего поблизости Распопова, а затем перешли к его другу — корнету А. А. Куцынскому. "Пушкин был в самом веселом и приятном расположении духа, он вскочил на стол и продекламировал:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово "пей"
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен".

Распопов запомнил, что Пушкин читал именно это стихотворение — “Веселый пир”. А его другу Куцынскому запомнился разговор с поэтом о поэме “Бахчисарайский фонтан”, опубликованной весной того же 1824 г. Куцынского, уже отставного генерала от кавалерии, расспрашивал в августе 1873 г. в Варшаве неутомимый археограф П. И. Бартенев, которому наука о Пушкине обязана поистине бесценными сведениями. Немногое сообщил старый генерал. И все-таки запись его рассказа, сделанная Бартеневым, добавляет новые штрихи к картине пребывания Пушкина в Могилеве.

Когда Куцынский “прямо объявил” поэту, “что он и его товарищи зачитываются “Бахчисарайским фонтаном”, Пушкин заметил, “что в печатном тексте один стих не так, а надо:

Корана заповедь святую
Не строже соблюдает он”.

Замечание Пушкина относилось к вмешательству цензуры в текст поэмы. Но и Куцынский неточно передал одну строку. О “злом эвнухе” в поэме сказано:

Святую заповедь Корана
Не строже соблюдает он.

Вероятно, поэт поделился впечатлениями своей одесской жизни — “Воронцова он поносил”. Пушкин расспрашивал молодых офицеров об их службе. Куцынскому запомнился неожиданный вопрос о том, “сколько должно быть в России денщиков”. Стали подсчитывать, и вышло, что до ста тысяч. “Сто тысяч загубленного народа, который должен сапоги чистить!” — восклицал и горячился Пушкин.

Кто же еще участвовал в этой встрече с Пушкиным кроме Распопова и Куцынского? Воспоминания Распопова сохранили имена двоих — штабс-ротмистра Елизаветградского гусарского полка князя Михаила Оболенского и поручика Мариупольского гусарского полка Станислава Юрьевича. Вино разгорячило головы, и восторженный Оболенский предложил сделать “нашему кумиру ванну из шампанского”. Распопов вспоминает, что “Пушкин, улыбнувшись, сказал:

— Друзья мои, душевно благодарю, действительно было бы отлично, я не прочь пополоскаться в шампанском, но спешу: ехать надо.

Это было в 4 часа утра. Мы всей гурьбой проводили его на почту, где опять вспрыснули шампанским и, простившись, пожелали ему счастливого пути”.

Путь предстоял уже недолгий, но еще достаточно утомительный. И надо полагать, что при прощании Юрьевич посоветовал Пушкину передохнуть в имении его дяди И. С. Деспот-Зеновича. Возможно, была

передана с поэтом и записка к дяде. Но, заехав в село Колпино Себежского уезда Витебской губернии, Пушкин не застал отлучившегося хозяина. Тем не менее его здесь приняли гостеприимно, о чем свидетельствует и оставленная перед отъездом записка:

“Александр Пушкин сердечно благодарит Игнатия Семеновича Зеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренно сожалея, что не имел счастия познакомиться с почтенным хозяином.

8 августа 1824”.

На следующий день Пушкин прибыл в Михайловское. Начались томительные дни “осадного сидения” в псковской деревне...

А молодые офицеры в Могилеве не раз вспоминали о своей встрече с поэтом. Когда в июне 1825 г. закончились занятия в учебной команде и все отправлялись по своим полкам, ехавшие вместе Распопов и Юрьевич решили по дороге навестить И. С. Деспот-Зеновича и завернули в Колпино. Конечно же, при встрече зашел разговор о Пушкине. Гусары рассказали Игнатию Семеновичу о том, какой прием они устроили поэту в Могилеве. А хозяин Колпина с гордостью сообщил о посещении его дома Александром Сергеевичем. Тут же родилась идея вместе навестить Пушкина в Михайловском.

“Мы с удовольствием в тот же день отправились, — вспоминает Распопов, — переночевали в гор. Опочке, а на другой день, не доезжая села Михайловского, встретили в лесу Пушкина: он был в красной рубахе, без фуражки, с тяжелой железной палкой в руке. Он нас сейчас узнал, а Зенович, неповоротливая и неловкая фигура, от радости стал бросать свою шапку вверх, крича: “виват, Пушкин!”, но никак не мог на лету схватить ее. Пушкин от души хохотал, потом обнял его, благодаря за хороший прием в его доме”.

На крыльце дома в Михайловском гостей приветливо встретила Арина Родионовна. Четыре дня провели они у Пушкина. Ездили вместе с ним в Тригорское к П. А. Осиповой, где в это время среди гостей была и Анна Петровна Керн. Здесь читались стихи, танцевали, устраивали “живые картины”. Засиделись так долго, что были оставлены радушной хозяйкой ночевать...

Очень коротки воспоминания Распопова — всего три странички. Еще меньше запись, сделанная со слов Куцынского Бартеневым. Ничего не рассказали о встрече с Пушкиным Оболенский и Юрьевич. Воспоминания последнего могли быть особенно интересны. И не только потому, что он, как и Распопов, встречался с Пушкиным в Могилеве и Михайловском. Белорусский шляхтич по происхождению, Станислав Осипович Юрьевич после выхода в отставку был в 1853–1859 гг. витебским губернским предводителем дворянства. И по службе и по месту жительства он мог встречаться со многими людьми из псковского

окружения Пушкина (с теми же Осиповыми, например) и при жизни поэта и после его смерти. Возможно, были еще встречи и с самим поэтом...

Когда думаешь о белорусских впечатлениях Пушкина, невольно вспоминается эпизод, рассказанный Куцынским Бартеневу. Как-то в приемной графа Бенкендорфа поэт увидел бумагу, на которой был вычерчен маршрут предстоящего путешествия по России Николая I. Пушкин взял бумагу и "против каждого города и местечка" поставил "отметки, чем они замечательны". Этот своеобразный путеводитель Бенкендорф "сложил в четверку и, отправляясь к государю, заткнул себе за рукав".

Судьба "путеводителя" неизвестна. Вполне возможно, что он скрыт в архивных недрах. И что он содержит пушкинские записи о Витебске, Орше, Могилеве, других белорусских городах и местечках, где довелось побывать поэту. А вот судьба другого пушкинского документа — дневника, в котором также могли быть не только подобного рода сведения, но и записи о встречах с разными людьми на белорусской земле, судьба этой драгоценнейшей пушкинской рукописи известна исследователям давно. Получив известия об аресте друзей-декабристов, Пушкин там же, в Михайловском, сжег дневник, который вел почти пять лет: он понимал, что если его тетради попадут в руки властей, то сделанные в них откровенные записи смогут "замешать многих, а может быть, и умножить число жертв..."

И все-таки у истинного художника непосредственные жизненные впечатления никогда не пропадают даром. Все так или иначе идет в дело. Белорусские реалии всплыли в памяти Пушкина семь лет спустя, когда он приступил к новой работе.

В рассказах о Пушкине, записанных Бартеневым от близких друзей поэта Павла Воиновича Нащокина и его жены Веры Александровны, есть такое место: "Роман "Дубровский" внушен был Нащокиным. Он рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из именья и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подьячих, потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге".

Ах, если бы Бартенев расспросил Нащокина подробнее! Когда и где именно происходили эти события? В остроге какого города видел Нащокин Островского и как тот выглядел?.. Вопросов можно было задать множество. Но для Бартенева это был лишь один из фактов творческой биографии Пушкина. Будем благодарны ему и за эти несколько строк...

Пушкин начал "Дубровского" 21 октября 1832 г. и к 1 ноября написал восемь глав. Последняя глава помечена 6 февраля 1833 г. Они

виделись с Нащокиным в сентябре 1832 г. в Москве. Видимо, впечатление от рассказа друга было настолько сильным, что, вернувшись в Петербург, Пушкин тут же засел за работу. 2 декабря он пишет Нащокину: "...честь имею тебе объявить, что первый том "Островского" кончен и на днях будет прислан в Москву на твое рассмотрение..."

Пушкину важно не просто впечатление друга, вкус которого он высоко ценил, но, видимо, прежде всего свидетельство человека, знавшего прототипа его героя и связанные с ним события. Каким же образом Нащокин мог быть осведомлен о судьбе небогатого белорусского дворянина Островского? Современный исследователь биографии П. В. Нащокина Белянчиков установил, что его отцу принадлежало имение Старицы в Себежском уезде Витебской губернии. Впоследствии оно перешло к сестре Павла Воиновича Анне Воиновне, а затем, до самой смерти в 1906 г., им владел ее племянник, старший сын Павла Воиновича Александр. Естественно, что Павел Воинович бывал в этом имении отца, знал соседей, белорусских дворян. Поэтому история Островского была ему известна не понаслышке. И самого Островского, уже заключенного в острог, он мог видеть скорее всего в губернском Витебске. Последнее предположение подтверждается анонимными воспоминаниями современника Пушкина.

Автор этих записок, обращаясь к событиям начала 30-х годов, рассказывает о нашумевшем "романтическом" ("вроде Ринальда-Ринальдини") разбойнике Островском, о котором он "наслышался в Витебске":

"Островский проказничал долго, лет пять-шесть: или его преследовали не так усердно, или он умел вести свои дела так, что его трудно было поймать. У него, кажется, не было шайки: крал и грабил один. Он был несколько образованный шляхтич, т. е. знал грамоту, учился где-то в уездном училище и пошел на этот промысел, чуя в себе богатырскую силу и любя свободу по своим понятиям. Он грабил с разбором: у кого лишнее, он отнимал это лишнее; встретясь в лесу или на дороге с нищим, он делился с ним тем, что сам имел. Поэтому у него было много покровителей, даже между дворянами; ему сочувствовали даже некоторые дамы из помещиц средней руки, начитанные романами. Несмотря на это — его поймали наконец, и я имел случай видеть его несколько раз: его вели однажды по Офицерской улице [ныне улица Суворова в Витебске. — *С. Б.*], вероятно, к допросу, он шел в тяжелых цепях на ногах, в сером сюртуке, фуражке набекрень и с железным толстым прутом на руках. Он весело шутил с четырьмя своими конвойными, смешил их, срывал рукою яблоки, которые выставлялись из садов за забор улиц, и иногда, шутя, покручивал наручной прут так, что он скрипел ужасно. Он был роста выше обыкновенного человека: его голова была выше всякого забора, мимо которого его вели. Лицом он

был очень красив, с черными усиками; но взгляд его больших серых глаз был ужасный. Когда он сидел еще в полиции, его смотрели многие, давали ему деньги, разговаривали с ним в присутствии полицейских чиновников. Многие слабонервные, не только женщины, но и мужчины, не могли вынести его взгляда, так он был не то чтобы свиреп, а поразителен. Все знали, что он не был убийца, а боялись подходить к нему. Не знаю, чем он кончил, я уехал уже в Петербург, а он сидел в остроге.

Долго спустя говорили, что он ушел, перекрутив на улице, при конвойных, свои цепи. Как это было, мне неизвестно; но Островский не был сослан тогда".

Очевидна перекличка этих сведений об Островском с тем, что рассказывает о своем герое Пушкин. "Грабил с разбором", делился с бедными, — сообщает анонимный мемуарист. "Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием", — говорится в "Дубровском". Вспомним историю с деньгами небогатой вдовы Анны Савишны Глобовой, рассказанную ею самою за столом у Троекурова. Дубровский, явившийся к ней переодетым генералом, говорит, что он "нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, в убийствах его никто не обвиняет..." Последнее обстоятельство подчеркнуто и в приведенных выше воспоминаниях — "он не был убийца". Островскому "сочувствовали некоторые дамы... начитанные романами". У Пушкина "барышни... втайне ему доброжелательствовали, видя в нем героя романического..." Наконец, и Островский и Дубровский умеют "вести свои дела" и потому неуловимы.

Записки пушкинского современника об Островском расширяют и уточняют те сведения, которые сообщил поэту Нащокин. Они подтверждаются и архивными разысканиями минского литературоведа И. Г. Степунина. Как указывают документы, "гроза края" Павел Островский был родом из деревни Рованичи Игуменского уезда Минской губернии. Сегодня родина прототипа пушкинского героя в составе Червенского района, от нее до Минска 92 километра. Родовое же имение Островских — Оржехневичи (или Островщизна) находилось в Дисненском уезде Минской губернии. В нем было "до 20 душ крестьян мужеска пола". Во время французского нашествия в 1812 г. и эти немногие крестьяне "разбеглись по разным неизвестным местам, а некоторые из болезни умерли, и таким случаем ни одной крестьянской души после сей войны не осталось". Тем не менее Островские ведут борьбу, доказывая свои права на имение. И здесь оказывается, что доказать эти права почти невозможно, так как "все документы... истреблены вместе с некоторыми жилыми строениями огнем и другими случаями". Ситуация, совпадающая с драмой старика Дубровского, у которого во время

пожара сгорели бумаги на владение Кистеневкой. Отсутствие этих документов сыграло роковую роль в тяжбе Дубровского с Троекуровым.

Павлу Островскому в 1832 г. было двадцать два года (пушкинскому Дубровскому двадцать три). К этому времени дело об имении было уже проиграно, документы называют его безземельным шляхтичем. Видимо, его родители по каким-то причинам вынуждены были еще до войны 1812 г. поселиться в Игуменском уезде или отдать сына на воспитание жившим здесь родственникам. В 20–30-е годы родственники Павла Островского — это обедневшие дворяне, живущие "из милости" у другого помещика — в "застенке", или же "однодворцы".

Архивные документы, просмотренные И. Степуниным, ничего не говорят о том, что именно послужило причиной мятежных действий Павла Островского. Пролить свет на нее могло бы его судебное дело. Но оно пока не обнаружено. Хранящиеся же в Центральном государственном историческом архиве БССР материалы свидетельствуют главным образом о действиях властей, озабоченных поимкой "опасного разбойника", об его аресте, побеге и новых, но безрезультатных поисках.

Начало 30-х годов ознаменовалось на территории Северо-Западной Белоруссии выступлениями шляхты, которые шли на волне восстания, начавшегося в Варшаве и охватившего всю Литву. Естественно, что эти события волновали жителей и других районов Белоруссии. Особое беспокойство властей вызывали настроения в Игуменском уезде. 29 апреля 1831 г. могилевский гражданский губернатор М. Н. Муравьев, будущий знаменитый "вешатель", сообщал начальнику штаба военных поселений Клейнмихелю о "мятежных замыслах и приготовлениях многих злонамеренных лиц" в этом уезде. А в рапорте шефу жандармов Бенкендорфу он же докладывал, что в Игуменском уезде "класс людей необузданных и не оседлых старается в корчмах и народных скопищах возбуждать крестьян к неповиновению".

Несомненно, "класс людей необузданных и не оседлых" — это молодые безземельные шляхтичи. Видимо, не последнюю роль среди них играл Павел Островский, раз игуменская городская полиция сообщала минскому вице-губернатору П. Н. Скопину о своих "неусыпных наблюдениях" за ним. Справедливо предположение И. Степунина, что не только личная обида (потеря имения), но и дух бунтарства мог двигать Павлом Островским.

Островский был арестован в имении минского помещика Помарнацкого, где он жил в качестве учителя (как здесь не вспомнить Дубровского, жившего под именем француза Дефоржа, учителя в доме Троекурова). И. Степунин считает, что то обстоятельство, что Помарнацкий не понес никакого наказания за укрывательство "разбойника"

в своем доме, позволяет думать, что помещик выдал своего учителя, замешанного в “разбойничьих” замыслах. В октябре 1831 г. Островского вместе с другими арестованными мятежниками отправили в Витебск, а затем в Псков. В здешней тюрьме были собраны многие участники повстанческого движения, поляки и белорусы, которых после суда, как правило, отправляли в Сибирь.

12 марта 1832 г. Островский бежал из тюрьмы; по словам рапорта, отправленного витебскому генерал-губернатору Н. Н. Хованскому, — “неизвестно куда отлучился”. Беглеца безуспешно разыскивали по всей Белоруссии, особенно на родине, в Минской губернии. В конце 30-х годов поиски его были прекращены и скорее всего по той причине, что не стало слышно о связанных с его именем “разбойничьих” делах. Дальнейшая судьба Павла Островского неизвестна.

Вспомним заключительные строки пушкинского романа: “Никто не знал, куда он девался. Сначала сумневались в истине сих показаний... Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу”. Возможно, что последняя строка отражает и факт биографии Павла Островского.

Итак, совпадения личностей и судеб реально существовавшего Павла Островского и романного Владимира Дубровского более чем очевидны. Они позволяют предполагать, что сведения, сообщенные Пушкину Нащокиным, были достаточно пространны. Нащокин немало знал об Островском: его возраст, потеря имения, мятежные настроения, таинственный образ жизни неуловимого “разбойника”, бывшего одно время учителем в доме богатого помещика, наконец, его неожиданное исчезновение — все эти важные факты и подробности перешли в роман из самой жизни. О том, что Пушкин и не думал уходить далеко от “оригинала”, говорит и первоначальное название романа — “Островский”, и первый его план, согласно которому герой “по смерти отца возвращается в деревню, о которой идет тяжба... заступается за своих людей... делается разбойником”.

Разумеется, Пушкин не просто скопировал рассказ Нащокина. Творческая свобода художника нашла выражение и в авантюрной фабуле романа, и в выразительно выписанных типах крепостной России: здесь и быт помещика-самодура, и портреты “крапивного семени” — заседателя, земских судей, и крестьянский мир с его человечностью, честностью, стойкостью. Под пушкинским пером “бедный дворянин” Павел Островский вырос в героя, символизирующего протест против социальной несправедливости, идущего в народ для борьбы с помещичьим государством. И за всем этим самая глубокая жизненность. В этом убеждают нас рассказ Нащокина и подтверждающие его архивные документы.

Пушкин работал над “Дубровским” в то самое время, когда полиция и жандармерия усердно разыскивали бежавшего из псковской тюрьмы Павла Островского. Роман не был завершен. Считается, что от работы его отвлек новый замысел, осуществленный позднее в “Капитанской дочке”. Думается, что наряду с этим именно неизвестность судьбы Островского заставила Пушкина отказаться от написания последующих глав, обозначенных в планах романа.

Положив в основу образа главного героя историю белорусского дворянина Островского, Пушкин перенес действие в Центральную Россию, на берега Волги. Явно белорусских реалий в романе нет. Но можно ли сомневаться в том, что глубочайшая жизненная правда романа, составляющая его социальный фон, навеяна и белорусскими впечатлениями? Белорусская действительность, “исторгнувшая” из своих глубин прототипа Дубровского, имела не только общегосударственные черты позорного деспотизма душевладельцев, продажности и растленности бюрократии, но и несомненные признаки непокорности народа, стремления к свободе. Не случайно в этих условиях возникла захватившая воображение Пушкина мятежная фигура Павла Островского.

1984

KAMUNIKAT.ORG

Давид Симанович

ПОДОРОЖНАЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

(Отрывок из книги)

[...] Быстро катилась коляска, больше похожая па кочевую цыганскую кибитку. В ней сидели двое — молодой, небольшого роста, смуглый, с голубыми глазами и высокий, степенный, почти старик. Как было уже многие годы, рядом с Пушкиным и в этой дороге находился верный дядька поэта, потомственный крепостной крестьянин Никита Тимофеевич Козлов. Редко упоминают его, рассказывая о ближайшем пушкинском окружении. А он был одним из самых любящих и преданных поэту людей. Как добрая няня заботился о своем Александре Сергеевиче с детских лет и до того страшного часа, когда вносил в дом на руках после дуэли, а потом провожал в последний путь в Святые Горы.

Тебе, читатель, наверно, будет интересно узнать, что женой Никиты Козлова была дочь Арины Родионовны — Надежда. Так породнились близкие сердцу поэта любимая няня и верный дядька.

Коляска, которая спешила по бесконечной дороге, тоже была приобретением и заботой Никиты Козлова: купил ее в Одессе перед самым отъездом. И сейчас сидел рядом с Александром Сергеевичем, готовый оберегать от жары и от мух, от простуды и любой другой напасти.

Катилась коляска. И лежал в ней среди рукописей и прочих бумаг важный документ — подорожная. Этот открытый путевой лист давал право на смену лошадей и точно указывал города, через которые надо было проехать. Николаев, Елизаветград, Чернигов, Белица, Чечерск, Могилев, Орша, Витебск, Полоцк, Опочка... Всего 1621 верста. И по числу их на прогоны к месту назначения на три лошади было выдано под расписку 389 рублей и 4 копейки.

О высочайшем повелении императора отбыть на место новой ссылки одесский градоначальник доносил Воронцову: “Пушкин завтрашний день отправляется отсюда в г. Псков, по данному от меня маршруту...”

А затем Пушкину дали прочесть и подписать бумагу, где было сказано: “Нижеподписавшийся сим обязывается по данному от г. одесского градоначальника маршруту без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу, а по прибытии в Псков явиться к гражданскому губернатору”.

Палило южное солнце. Оседала пыль на траву и на листья. И редко, лишь в пунктах, означенных в подорожной, останавливалась коляска.

Он выполнял предписание. А подорожная была документом на проезд и географической картой одновременно.

В Чернигове, на почтовой станции, его случайно встретил молодой поэт Андрей Подолинский, который потом, через много лет, вспоминал:

“Утром, войдя в залу, я увидел в соседней буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого, по месту прогулки и по костюму, принял за полового. Наряд был очень непредставительный: желтые, нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная, измятая рубаха, подвязанная вытертым черным шейным платком; курчавые довольно длинные и густые волосы развевались в беспорядке. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: “Вы из Царскосельского лицея?” На мне еще был казенный сюртук, по форме одинаковый с лицейским.

Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо.

— А! Так вы были вместе с моим братом, — возразил собеседник.

Это меня озадачило, и я уже вежливо просил его назвать мне свою фамилию.

— Я Пушкин; брат мой Лев был в вашем пансионе.

...Он рассказал нам, что едет из Одессы в деревню, но что усмирение его не совсем еще кончено, и, смеясь, показал свою подорожную, где по порядку были прописаны все города, на какие именно он должен был ехать...”

Эта встреча произошла 4 августа. Но таким, наверно, и в такой же одежде видели его и в другие дни на других станциях.

Серыми сумрачными красками началась белорусская земля.

Конечно, тебе, читатель, хотелось бы скорей узнать подробности о пребывании Александра Сергеевича Пушкина в Белоруссии. Или — еще лучше — прочесть его поэтические строки, посвященные белорусской земле.

Но таких строк нет. И знаем мы очень мало о встречах поэта в нашем крае. И все же эти встречи были. Дважды — в мае 1820-го и августе 1824 г. — пушкинские дороги проходили через Белоруссию.

...Двадцать лет назад я жил и работал на маленькой станции Крынки, недалеко от Витебска. Возле самой школы, в которой я рассказывал на уроках о творчестве Пушкина, прямо под окнами проходила дорога. Старики называли ее Екатерининским трактом. И в самом деле этот тракт был проложен еще в давние времена.

Широкий, прямой, со старыми березами по сторонам, тракт уходил куда-то вдаль. И тут под шелест листвы, среди белоснежных стволов, хорошо было проводить уроки родной истории и литературы. Часто приходил я с ребятами сюда. И нам казалось, что где-то вдалеке, в пыли, вот-вот покажется пушкинская коляска, остановится рядом с нами, и молодой взволнованный поэт, протягивая нам руку, скажет:

— Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Так нам казалось, потому что ведь именно по этому тракту ехал Пушкин. А Крынки расположены рядом с Бабиновичами, которые отмечены как пункт, через который он проезжал.

В "Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина", составленной известным пушкинистом М. А. Цявловским, названы многие белорусские города и местечки: Белица, Чечерск, Могилев, Орша, Бабиновичи, Витебск, Полоцк.

Часто — десять раз! — упоминается Витебск. А это значит, что город вошел в летопись его жизни, летопись его дорог и встреч.

Какой след оставили белорусские дороги в душе поэта? Какой вызвали прилив мыслей и чувств? Об этом нам остается только догадываться.

Краткие слова документов. Письма. Даты. За ними — живой облик поэта, минуты, связанные с землей Белоруссии.

Далеко за горизонт тянулась однообразная дорога.

"Белорусский тракт ужасно скучен, — писал друг Пушкина Иван Пущин, проезжавший этим же путем в мае 1820 г. — Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя: "Какой это Пушкин?" Мне и в мысль не приходило, что это может быть Александр. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич едет, кажется, на службу, на перекладной, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе..."

Тогда, четыре года назад, Пушкин проезжал здесь, отправляясь в южную ссылку. До Царского Села провожал его Антон Дельвиг. Искристым вином скрасили печаль расставания. И, может, потому не такой пыльной казалась дорога. Но это было давно...

А теперь совсем неожиданно с торжеством и радостью встретили поэта в Могилеве.

"6 августа 1824 года, — вспоминает офицер гусарского полка, расквартированного в Могилеве, А. П. Распопов, — когда перед манежем полковая музыка играла вечернюю зорю, а публика, пользуясь праздничным днем и приятною погодою, гуляла по Шкловской улице, проезжала на почтовых, шагом, коляска; впереди шел кто-то в офицерской фуражке, шинель внакидку, в красной шелковой, русского покроя ру-

бахе, опоясанной агагиником. Коляска поворотила по Ветряной улице на почту; я немедленно поспешил вслед за нею, желая узнать, кто приезжает. Смотритель сказал мне, что едет из Одессы коллежский асессор Пушкин; я тотчас бросился в пассажирскую комнату и, взявши Пушкина за руку, спросил его:

— Вы, Александр Сергеевич, верно, меня не узнаете? Я — племянник бывшего директора лицея — Егора Антоновича Энгельгардта; по праздникам меня брали из корпуса в Царское Село, где вы с Дельвигом заставляли меня декламировать стихи.

Пушкин, обнимая меня, сказал:

— Помню, помню, Саша, ты проворный был кадет.

Я, от радости такой неожиданной встречи, не знал, что делать; опрометью побежал к гулявшим со мною товарищам известить их, что проезжает наш дорогой поэт А. С. Пушкин... Все поспешили на почту. Восторг был неописанный... в восторге, что между нами великий поэт Пушкин, мы взяли его на руки и отнесли, по близости, на мою квартиру..."

Там веселая встреча продолжалась. Звучали гитарные переборы. Пели "Черную шаль". Под рокот грозы, бушевавшей над Днепром, Пушкин читал стихи, которые в рукописях ходили по России и которые при жизни его так и не были опубликованы.

Гречанка верная! не плачь, — он пал героем!
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем
Назначила кровавый чести путь?..

Может, и ему назначен судьбой такой же путь?..

"Пушкин, — по воспоминаниям, — был в самом веселом и приятном расположении духа... Мы всей гурьбой проводили его на почту... и, простившись, пожелали ему счастливого пути".

Поэт потом не раз вспоминал, рассказывал няне и друзьям, как его принимали в Могилеве.

В пятом часу утра 7 августа выехали из Могилева.

Следующей на пути была Орша. [...]

Из статей "Полного собрания законов Российской империи" я выписал те, что касаются Витебска и губернии.

"12 мая 1812 года. О взимании прогонов по 5 коп. по трактам Белорусскому, Лифляндскому... а по прочим в сей империи по три коп. на версту на каждую лошадь".

"27 февраля 1817 года. О построении почтовых домов в губерниях..." Первой названа Витебская.

Вижу почтовую станцию в Витебске, куда прибыл Пушкин со своим дядькой Никитой Козловым. Тут записывали в книгу подорожные,

меняли лошадей, брали плату за них, кормили проезжих поздним нехитрым обедом и поили чаем.

И никому в пассажирской комнате не было дела до усталого человека в желтых шароварах и цветной рубашке. Он хлебал щи, вместе со всеми требовал, чтобы вовремя (да побыстрее!) подготовили лошадей, и все поглядывал в засиженное мухами оконце, будто хотел увидеть там, вдалеке, что-то одному ему ведомое.

А может, только делал вид, что смотрит в окно, а сам слушал и замечал все, что происходило здесь, в почтовом доме, чтобы потом, когда-нибудь через годы, написать с такой теплотой и сердечностью о простом смотрителе, которого мог наблюдать и знать на десятках станций Российской империи.

Видно, сказал он устами своего героя и о себе: "...почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела..."

Может, вспомнились ему строки друга Петра Андреевича Вяземского:

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Через шесть лет, болдинской осенью, он поставит эти слова эпиграфом к одной из повестей Белкина — к "Станционному смотрителю" и начнет его словами, которые не раз, наверно, приходили на ум в дорожной сутолоке и суете:

"Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе".

Думал ли Пушкин в тот вечер о тяжкой судьбе российских смотрителей или о чем другом, но нам сегодня трудно представить, что, так никем и не встреченный, он затерялся в толпе проезжих. Нет, не затерялся. Любовью нашей и благодарной памятью он через полтора столетия выхвачен, вынесен из этой толпы, выделен как брат и друг,

словно мы там, рядом с ним. А уж мы-то могли бы встретить великого поэта...

Дорожный день 7 августа был, как и другие, с редкими остановками. Сначала проехали 71 версту от Могилева до Орши, потом еще 37 верст до Бабиновичей и 47 — до Витебска. А всего — 155!

Но если судить по его подорожной, очевидно, Витебск в этот день — 7 августа — был последним пунктом на пути, и ясно — Пушкин задержался здесь, на станции. Ведь на следующий день предстояло (опять если судить по подорожной) проехать самый длинный прогон — отрезок пути в 213 верст да еще успеть в Колпино сделать остановку на несколько часов.

Чем запомнился ему Витебск? О чем думал поэт, проходя (или проезжая) мимо ветхих домиков и сверкающих куполами церквей?

Ровно два месяца назад ему исполнилось двадцать пять лет, а сегодня — день рождения Дельвига. И снова — день, проведенный в разлуке. Трудно сказать, что сулит жизнь, во всяком случае — не только славу.

Пять лет уже тянется ссылка. И еще суждено немало унижений, вплоть до надзора и слежки в родительском доме в Михайловском, сплетен и клеветы в Петербурге и Москве. Но и самое главное тоже впереди — его гениальные творения, его озаренные ярчайшим солнцем дни созидания...

А Витебск был лишь короткой остановкой, хотя потом еще долго по-разному откликался в его жизни. То в плане работы над историей Петра I он записывал Минск, Могилев, Оршу и Витебск. То в одной из рецензий сказал с горечью о сетованиях белорусов, "народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиями войны". Белорусом оказался управляющий болдинским имением Осип Матвеевич Пеньковский. И прообразом Дубровского — одного из самых любимых пушкинских героев, стал человек, который жил в нашем крае...

Трудно представить, чтобы непоседливый и любознательный поэт просидел весь вечер на скучной станции. И, наверно, всполошился Никита, обнаружив, что нет Александра Сергеевича на почтовом дворе. Наверно, искал его, как приходилось делать не однажды. Нашел ли? Сам ли быстро вернулся в этот короткий тихий вечер?

Может, поэт летящей своей походкой лишь промелькнул по темным улицам? (В Витебске еще не было фонарей. Они зажглись только через три года, в 1827-м.)

А может, неторопливо бродил под высоким небом по набережной Двины и повторял недавно написанные строки, как и многие другие, не попавшие при жизни в печать. Он смотрел на Двину, а думал, конечно, о море, о судьбах друзей и близких, с которыми расстался, и о собственной судьбе.

Над Витебском, как и над всей Российской империей, стояла зловещая тишина. Ничто как будто не предвещало грозы. И все-таки она зрела. Ее готовили друзья поэта, те, кого потом назовут декабристами. И среди их бумаг найдут пушкинские вольнолюбивые строки, которые тоже помогли разгораться пламени будущего восстания.

А пока дремал губернский город. Созревали яблоки в прибрежных садах. И веяло предосенним холодком.

Уже осыпались августовские звезды, падали куда-то в придвинские леса, пересекая тонкими сияющими полосками синеву. Загадывал ли он желание? И если да, то каким оно было? Улыбался ли, грустно ли глядел на незнакомый неприветливый город и одиноких прохожих? Хочется думать, что улыбался, что новые светлые замыслы в этот вечер окружали его, теснились вокруг.

И — пусть будет так! — заснул с улыбкой, словно посылая ее через годы нам в конец двадцатого столетия...

— Не пора ли ехать, Александр Сергеевич? — будил Никита. — Лошади готовы... А то, глядишь, в Колпино и до завтра не доберемся. Далековато еще, кажись...

Мелькнули витебские улицы и исчезли навсегда — больше ни разу в жизни не доводилось Пушкину бывать здесь. А потом дорога в 110 верст вела до Полоцка. И еще 103 версты ехали до Себежа.

Под мерный цокот копыт, должно быть, хорошо думалось. И, возможно, вспоминались стихи. Хорошо сочетались бы с дорожными его размышлениями, мне кажется, строки из “Телеги жизни”, написанной тоже совсем недавно:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

Образ времени часто преследовал его. Может, потому так любимо было и само слово “время”. Я заглянул в “Словарь языка Пушкина”. Против этого слова пометка — 932. Значит, около тысячи раз в его прозе и стихах прозвучало оно, отмеряя свои радостные и грустные, тяжелые и легкие шаги на жизненных дорогах.

Катит по-прежнему телега,
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

В Колпино, хоть было оно все в той же Витебской губернии Себежского уезда, добирались долго. Пушкин решил, что об этом нарушении предписанного маршрута все равно никто не дознается. А если и до-

знается — что там слова увещеванья в сравнении с мимолетной радостью встречи. Да и дорога подходила уже к концу. Совсем мало оставалось верст до Опочки, а там рукой подать — и Михайловское.

Хозяина имения, к которому так хотел заехать, дома не оказалось. Пришлось оставить записку, краткую и чуть грустноватую.

Спасибо судьбе за то, что так случилось! Ведь записка — единственное, его рукой написанное за эту многодневную дорогу свидетельство и самой дороги, и того, что свернул с нее по желанию сердца в предпоследний день следования по "предназначенному маршруту". А вот и сама эта записка: "Александр Пушкин сердечно благодарит Игнатия Семеновича Зеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренно сожалея, что не имел счастья познакомиться с почтенным хозяином. 8 августа 1824 года".

— Что ж, — сказал он Никите, — отзвонил — и с колокольни долой!.. Поехали!

Коляска затряслась по ухабам. А Белая Русь скрылась вдали. Но она напоминала о себе еще не раз в его короткой и бурной жизни.

Полгода Пушкин жил уже в Михайловском. А где-то в центре озерного края, в Витебске, гостил в эти дни у родных старый лицейский друг Антон Дельвиг.

1977

З. Афанасьева

ПА МАРШРУТАХ ПАЭТА

Полацк, Віцебск, Магілёў, Чачэрск... Паштовыя станцыі на старажытным Беларускім тракце. Гэта — незвычайная карта. У яе правым кутку чытаю: "Карта вандраванняў А. С. Пушкіна". Склалі яе навуковыя супрацоўнікі Усесаюзнага музея А. С. Пушкіна. Упрыгожваюць карту мініяцюрныя малюнкі пяром з адлюстраваннем старажытных верставых слупоў, паштовых троек і коннікаў. На вялікім адрэзку шляху самага заходняга пушкінскага маршруту ад Пскова да Кіева паштовыя станцыі ў Полацку і Віцебску — чацвёртая і пятая па ліку з нанесеных на карту.

Пачатак вандраванняў паэта — 1820 год. За вольналюбівыя вершы і эпіграмы Пушкін ледзь пазбег ссылкі ў Сібір, быў па загаду цара высланы з Пецярбурга на поўдзень Расіі. Па Беларускаму паштоваму тракту паэт дабраўся да месца свайго прызначэння — у горад Екацерынаслаў. Карыстацца паслугамі пошты можна было толькі пры наяўнасці падарожнай — дакумента, які засведчваў асобу вандроўніка і мэту паездкі. Атрымаць жа такі "для свабоднага праезду пашпарт" можна было, напрыклад, у губернскім горадзе Віцебску "ад начальніка губерні". А ў павятовым Полацку "оные (подорожные) выдаются от городничих", паведамляецца ў "Правілах для праязджаючых на поштах", якія захаваліся да нашых дзён з пушкінскага часу. Ва Усесаюзным музеі А. С. Пушкіна захоўваецца тая самая падарожная паэта, датаваная 5 мая 1820 г., якую прад'яўляў ён станцыйным наглядчыкам.

— Менавіта з Беларускім паштовым трактам, — расказвае навуковы супрацоўнік музея Н. І. Граноўская, — была звязана задума напісання Пушкіным "Запісак маладога чалавека". Мяркуючы па задуме, герой аповесці, малады прапаршчык, едзе ў маі 1825 г. у Чарнігаўскі полк, дзе адбылося паўстанне. Ва ўрыўку апісана адна са станцый Беларускага паштовага тракту...

"Карта вандраванняў А. С. Пушкіна" нядаўна была рэпрадуктавана ў новым альбоме "Домік станцыйнага наглядчыка. Музей дарожнага быту пачатку XIX стагоддзя", выпушчаным у свет Ленвыдавецтвам (Ленінград, 1985).

1986

Аляксандр Распопаў

СУСТРЭЧА А. С. ПУШКІНА Ў МАГІЛЁВЕ 1824 г.

У 1824 годзе ў губернскім горадзе Магілёве знаходзілася галоўная кватэра 1-й арміі. Пры галоўнай кватэры 1-й арміі была вучэбная кавалерыйская каманда для ўдасканалення па службе маладых афіцэраў, у ліку якіх знаходзіўся тады і я на службе ў Лубенскім гусарскім палку.

6 жніўня 1824 года, калі перад манежам палкавая музыка іграла зару, а публіка, карыстаючыся святочным днём і прыемным надвор'ем, гуляла па Шклоўскай вуліцы, праязджала на паштовых, павольна, каляска; перад ёю нехта ішоў у афіцэрскай фуражцы, шынель напашкі, у чырвонай шаўковай, рускага крою кашулі, падперазаны агагінікам. Каляска звярнула па Ветранай вуліцы на пошту; я зараз жа паспяшаўся за ёю, каб дазнацца, хто прыязджае. Наглядчык сказаў мне, што едзе з Адэсы калежскі асэсар Пушкін; я адразу ж кінуўся ў пасажырскі пакой і, узяўшы Пушкіна за руку, спытаў у яго:

— Вы, Аляксандр Сяргеевіч, напэўна, мяне не пазнаяце? Я — пляменнік былога дырэктара ліцэя — Ягора Антонавіча Энгельгарта; у святочныя дні мяне бралі з корпуса ў Царскае Сяло, дзе вы з Дэльвігам прымушалі мяне дэкламаваць вершы.

Пушкін, абдымаючы мяне, сказаў:

— Памятаю, памятаю, Саша, ты жвавы быў кадэт.

Я, ад радасці такой нечаканай сустрэчы, не ведаў, што рабіць; бегма пабег да таварышаў, што гулялі са мною, паведаміць ім, што праязджае наш дарагі паэт А. С. Пушкін (у той час усе зацікаўлены былі "Яўгеніем Анегіным", выйшла VI глава гэтага рамана пра дуэль Яўгенія з Ленскім). Усе паспяшаліся на пошту. Захаплення нельга апісаць. Пушкін загадаў адкаркаваць некалькі пляшак шампанскага. Пілі за ўсё, што прыходзіла ў галаву: за здароўе нянькі, Тані і за супакой душы Ленскага. Але гэтага для нас было мала: у захапленні, што з намі вялікі паэт Пушкін, мы ўзялі яго на рукі і аднеслі непадалёк на маю кватэру (я жыў разам з карнетам Куцынскім). Пушкін быў захоплены нашым энтузіязмам, мы ўзнімалі на руках дарагога госця, пілі за яго здароўе, за гонар і славу ўсяго ім створанага. Пушкін быў у самым вясёлым і прыемным настроі, ён ускочыў на стол і прадэкламаваў:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель.
Где до утра слово “пей”
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Зняўшы Аляксандра Сяргеевіча са стала, мы пачалі яго падкідаць на руках, а князь Абаленскі закрычаў:

— Панове, гэтая ўрачыстасць выходзіць за межы агульнай радасці, яна павінна быць адзначана чым-небудзь асаблівым. Панове! Зробім нашаму куміру ванну з шампанскага!

Усе згадзіліся, але Пушкін, усміхнуўшыся, сказаў:

— Сябры мае, шчыра ўдзячны, сапраўды было б цудоўна, я не супроць папаласкацца ў шампанскім, але спяшаюся: ехаць трэба.

Гэта было ў 4 гадзіны раніцы. Мы ўсе гурмою праводзілі яго на пошту, дзе зноў з’явілася шампанскае, і, развітаўшыся, пажадалі яму шчаслівай дарогі...

Пераклад з рускай мовы Сяргея Грахоўскага *1876*

Оксана Воротникова

ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ. ПРАВОСЛАВНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А. С. ПУШКИНА

История народа принадлежит поэту.

А. С. Пушкин, из письма к Н. И. Гнедичу. 1825 г.

Имя белорусского епископа Георгия Конисского (1717–1795) связывается с исторической публицистикой А. С. Пушкина. В 1836 г., будучи уже зрелым поэтом, он обратился к только что изданному протоиереем И. Григоровичем Собранию сочинений Георгия и предпринял попытку оценить его многолетние труды.

Факты таковы, что к 1836 г. А. С. Пушкин был известен еще и как автор исторической прозы и публицистики, представлявшие просвещенному обществу стройное историческое мировоззрение.

В его основе представление о развитии России, ее культуре как общеевропейском процессе с учетом своеобразия русского исторического процесса. “России определено было высокое предназначение, — писал Пушкин, — ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы...” Белорусские земли и конфессии в контексте социальных сдвигов во второй половине XVIII в. весьма занимали поэта. Входя в круг образованной свояченицы Н. К. Загряжской, где в беседах он находил “необыкновенную прелесть историческую и поэтическую”, занимательные сюжеты, он черпал полезную историческую информацию. Здесь он встречался со М. М. Сперанским, обсуждая с ним время Александра I, Пугачева, Ермолова, Собрание законов и т. д. Последнее выдавало пристрастие Пушкина-историка, археографа. Сперанский, в частности, советовал писать ему историю своего времени. Может быть, так бы и случилось, а пока поэт проводил “изыскания” в государственном Санкт-Петербургском архиве при подготовке “Истории Пугачева”, в библиотеке Вольтера (купленной Екатериной II и хранившейся в Эрмитаже). Именно как поэт оценивает он “простодушную наготу летописи”, восторженно отзывается о занятиях Августа Людвига Шлецера, который “переписывал летописи слово в слово, буква в букву”. Несомненно то, что Конисский, защищая права православных диссидентов в Варшаве, выписывал из Белоруссии и Киева древние акты на собственность и должности,

а затем устроил при Архиерейской кафедре в Могилеве архив (некоторые акты из которого попали в "Белорусский архив" издания Григоровича 1824 г.), сближало исследователей в отношении исторических источников.

А. С. Пушкин со страстью изучал документы, и, видимо, не случайно оценивал перо Карамзина как гармоническое. Заметки Пушкина по русской истории XVIII в. "обогатили историческую науку емкой характеристикой православия, поставили вопрос о соотношении власти духовной и светской, связи греческого вероисповедания с особенным национальным характером", роли духовенства.

Ключевой фразой к пониманию связи Пушкин — Конисский, по-видимому, можно считать следующую: "Проповеди Георгия просты и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных, но искренность их увлекательна..." Безусловно, поэтическое видение Поэта, одаренность чувственной природой позволили заметить эту искренность, дать развиться интересу ко всему многообразному материалу из наследия просвещенного епископа. Фактография жизни епископа полноценно отражена в Очерке, предпосланном Собранию сочинений Иоанном Григоровичем. В жизнеописании Конисского подчеркивается: им владела мысль, что просвещение духовенства должно предшествовать просвещению народа. Буквально это перекликается со строкой Пушкина "Мы обязаны монахам нашей историею, следственно, и просвещением" и широко разрабатывалось у Сперанского. Это положение, таким образом, является достоянием общественной мысли того времени. Его преподавательская деятельность в классе поэзии Киево-Могилянской академии, издательская деятельность, которая вызвала напечатание работы Феофана Прокоповича "О поэтическом искусстве", сближали поэта с православным пастырем. Помещая "отдельные мысли" и исторические зарисовки Георгия, Пушкин был субъективен: философские афоризмы перемежаются с авторскими образами, свидетельствуя о встрече с истинным поэтическим талантом. Выспренные немногочисленные силлабические стихи на русском, польском и латыни оценены слабыми в художественных достоинствах. Хотя и виден "дух мыслящий". Элегия Георгия, приводимая поэтом, прямолинейно афористична: "Изнеможешь, пеший, таща грехов ношу!", "Не весь ли век твой есть цепь грехов?", "Без масла дел благих гаснет свеча веры", "Плод добрых дел тебе принесть остается"... Видимо, поэтому Пушкин полностью цитирует "мысли", давая самому читателю проникнуть в талант Георгия:

"Для молитвы пост есть то же, что для птицы крылья..."

"Душа бессмертная, от бренного тела, как птица из растерзанной сети, весело взлетевши, воспаряет в рай богонасажденный, где вечно цветет древо жизни..."

“Радость плотская ограничивается наслаждением... радость духовная есть радость вечная...”

“Мы познаем разумом души; а телесные очи суть как бы очки, чрез кои душевные очи смотрят...” и т. д.

Условно выделяются основные темы, объединяющие творчество Конисского и Пушкина: природа и вера, противоречивость души человека, слово (как поэтические глаголы, как знак, как литургический атрибут). Здесь есть материал для литературной критики, но главное в фигуре Георгия для Пушкина — это достоинство критика истории, столь важного для второй половины XVIII – начала XIX в.:

“Критика состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий” (о Карамзине).

“Под словом критики я разумею глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроумное изложение их истинных причин” (о Конисском).

1992

Ігар Сцяпунін

НЯЎЛОЎНЫ АСТРОЎСКІ

Можа, і не ўсе гісторыкі ведаюць, што першапачатковая назва захапляючага пушкінскага рамана "Дуброўскі" была "Астроўскі". У пісьме ад 2 снежня 1832 г. А. Пушкін паведамляў з Пецярбурга свайму маскоўскаму сябру П. Нашчокіну, што "первый том "Островского" кончен", што напісаны ён "в две недели" (з 21 кастрычніка па 1 лістапада 1832 г.). З пушкінскага плана рамана "Астроўскі", які папярэднічаў плану да рамана "Дуброўскі", відаць, што паэт некалькі па-іншаму, чым у рамане "Дуброўскі", збіраўся раскрыць вобраз галоўнага героя. У адрозненне ад Дуброўскага пушкінскі Астроўскі больш цесна звязаны са сваімі дваровымі людзьмі. Ён уцягваецца ў іх барацьбу з царскімі ўладамі, заступаецца за сваіх людзей, якіх суд абвінавачвае ў забойстве засядацеля, і нават сам распраўляецца з судзейскімі чыноўнікамі ("вяжет суд") [1]. Назва "разбойник" ужываецца Пушкіным не ў прамым, а ў пераносным сэнсе, атаясамліваецца са словам "мятежник" [2]. І пушкінскі Астроўскі — гэта мяцежны дваранін, які не згаджаецца прымірыцца з самавольствам багатага памешчыка, уступае ў барацьбу з тымі, хто мае ўладу. Ён надзелены ярка выяўленымі рысамі бунтарства.

У аснову пушкінскага рамана пакладзены сапраўдныя факты з жыцця беларускага небагатага шляхціца Паўла Астроўскага. Пра іх расказаў Пушкіну ў Маскве ў верасні 1832 г. Павел Воінавіч Нашчокін. Гэта настолькі ўсхвалявала і захапіла паэта, што ў яго ўзнікла задума напісаць раман пра Астроўскага, аб чым Аляксандр Сяргеевіч паведаміў сваёй жонцы Наталлі Мікалаеўне ў лісце ад 30 верасня 1832 г. [3] Аб паведамленні П. Нашчокіна пра гэтага героя вядома нам са слоў літаратуразнаўца П. Барценева і гісторыка М. Пагодзіна. Паводле сведчання Барценева, Астроўскі "имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из именья" [4]. Той жа факт, толькі без упамінання прозвішча, паведамляў Пагодзін у пісьме да П. Вяземскага ад 29 сакавіка 1837 г.

---

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 6. С. 769, 770; 1965. Т. 10. С. 423.

[2] Словарь языка Пушкина. М., 1957. Т. 2. С. 653; 1959. Т. 3. С. 919, 920.

[3] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 421.

[4] Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 224.

Памешчык, якога разарыў сусед, “оттягав его землю”, піша Пагодзін, “взял своих крестьян, оставшихся без земли, и пошел с ними разбойничать” [5]. Паводле Барценева, Астроўскі помсціць у першую чаргу “чортаву насенню” — судзейскім чыноўнікам. Ён, “оставшись с одними крестьянами, стал грабить сначала подьячих, потом и других”, прычым кіраваўся пачуццём асабістай крыўды [6]. Яго выхад “у разбой” быў своеасаблівай формай пратэсту супраць сацыяльнай несправядлівасці.

Барацьба Астроўскага са сваімі крыўдзіцелямі і прыгнятальнікамі скончылася трагічна. Паводле Барценева, Нашчокін бачыў Астроўскага, ужо арыштаванага паліцыяй, у астрозе. Са слоў Пагодзіна, Астроўскі “несколько раз был пойман, переходил через суды разные очень оригинально” [7].

Новыя звесткі пра Астроўскага былі надрукаваны ў 1937 г. [8] Аўтарам гэтых успамінаў, паводле сведчання І. Андронікава, з'яўляецца чыноўнік В. Ігнатовіч-Завялейскі, ураджэнец Магілёва, які пераехаў у Пецярбург, дзе служыў у Міністэрстве фінансаў, у Дэпартаменце замежнага гандлю. З А. Пушкіным ён сустракаўся ў 1830-х гадах [9]. В. Завялейскі ў некаторых дэталях разыходзіцца з Барценевым і Пагодзіным. Ён нічога не гаворыць пра судовую цяжбу, якая вымусіла Астроўскага ўступіць у барацьбу з тымі, хто меў уладу. У Завялейскага Астроўскі — гэта ідэйны змагар, своеасаблівы экспрапрыятар, які “грабил с разбором; у кого лишнее, он отнимал это лишнее; встретясь в лесу или на дороге с нищим, он делился с ним тем, что сам имел”. Самае каштоўнае ў Завялейскага — гэта сведчанне пра месца дзейнасці героя — Віцебшчыну. (Завялейскі некаторы час жыў у Віцебску, дзе ў 1826 г. разглядалася справа “аб дваранскім паходжанні роду Завялейскага”, якая была вырашана на яго карысць [10].) Завялейскі паведамляў, што ў Віцебску ён многа наслухаўся аб Астроўскім. Там, на Афіцэрскай вуліцы, ён бачыў арыштаванага шляхціца “в тяжких цепях на ногах, с железным толстым прутом в руках” [11].

Павел Нашчокін таксама чуў пра Астроўскага і ў Віцебску бачыў яго. З Віцебшчынаю былі цесна звязаны яго бацька — генерал-паручнік Воін (Дарымедонт) Васільевіч Нашчокін і малодшая сястра Ганна Воі-

---

[5] Звенья. М.; Л., 1935. Т. 6. С. 152.

[6] Пушкин в воспоминаниях современников. С. 223–224.

[7] Звенья. С. 152.

[8] Прототип Дубровского: Из неопубликованных воспоминаний современника Пушкина // За индустриализацию. 1937. 10 февр.

[9] Андроников И. Тетрадь Василия Завелейского // Прометей. М., 1968. Т. 5. С. 209, 210; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 160.

[10] НА РБ. Ф. 1430, воп. 1, спр. 564, арк. 1–16.

[11] Прототип Дубровского // За индустриализацию. 1937. 10 февр.

наўна. 31 кастрычніка 1789 г. імператрыца Кацярына II падаравала Воіну Нашчокіну "ў вечнае родавае карыстанне" за "старанную службу" 27 беларускіх вёсак з 700 душамі мужчынскага полу ў Себежскім павеце Віцебскай губерні. Гэтымі вёскамі раней пажыццёва валодалі ваеннаслужылыя людзі, так званыя панцырныя баяры. Па ўказу Кацярыны II яны былі бесцырымонна выцеснены, а В. Нашчокін зрабіўся ўладальнікам іх зямель [12]. Пасля яго смерці ў 1860 г. гэтыя землі перайшлі ў спадчыну да дачкі — Ганны Воінаўны, якая падтрымлівала сваяцкія адносіны са сваім братам Паўлам і яго сынамі — Аляксандрам і Андрэем [13]. І, магчыма, ад яе П. Нашчокін чуў пра беларускага шляхціца Астроўскага, лёс якога вельмі нагадвае трагічны лёс многіх панцырных баяр. Астроўскі ў выніку судовага працэсу застаўся без сродкаў існавання і прытулку, што падштурхнула яго стаць "чалавекам па-за законам".

Усе падзеі, якія звязаны з Астроўскім як літаратурным героем, маглі адбывацца не пазней верасня 1832 г., калі А. Пушкін сустракаўся ў Маскве з П. Нашчокіным і ад яго пачуў аповяд пра беднага шляхціца з Беларусі. У той час шмат хто ведаў пра сумныя прыгоды маладога шляхціца Паўла Астроўскага — ураджэнца мястэчка Раванічы Ігуменскага павета (цяпер Чэрвеньскі раён).

Першыя звесткі пра Паўла Астроўскага ў наш час былі апублікаваны ў часопісе "Неман" у 1968 г. [14] Цяпер знойдзены новыя архіўныя матэрыялы, якія дапамагаюць раскрыць аблічча гэтага чалавека. Павел Астроўскі нарадзіўся ў 1810 г., ён з'яўляецца прадстаўніком старажытнага збяднелага шляхецкага роду. Яго продкі з 20 сакавіка 1672 г. былі ўладальнікамі вотчыннага маёнтка Аржахневічы, або Астраўшчызна, які знаходзіўся ў Дзісенскім павеце Мінскай губерні (цяпер Міёрскі раён Віцебскай вобласці), "в 9-ти верстах от города Дисны". Астроўскія былі ўладальнікамі маёнтка да 1781 г., а 18 сакавіка таго ж года Юрый Міхайлавіч Астроўскі, яго сыны і пляменнікі чамусьці "продали Ласкому часть имения Оржехневичи или Островщизна с 5 дворами крестьян". Але дваранін Лаской потым завалодаў усім маёнткам. З архіўных крыніц таксама вядома, што "во время нашествия французских войск в 1812 году имение осталось совершенно разграблено и разорено, крестьяне частию разбеглись по неизвестным местам, частию из болезни умерли..." Пазней маёнтак Аржахневічы, ужо не заселены сялянамі, называецца ў навакольных вёсках толькі Астраўшчызнаю. У тым жа 1812 г. у Астроўскіх "все документы истреблены вместе с

---

[12] НА РБ. Ф. 3310, воп. 2, спр. 36, арк. 1–42.

[13] Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л., 1977. С. 121, 122.

[14] Степунин И. Прототип пушкинского Дубровского // Неман. 1968. № 8. С. 180–184.

некоторыми жилыми строениями огнем и другими случаями". Гэта адыграла сваю сумную ролю ў далейшым. Родзічы Астроўскага былі вымушаны рассяліцца па розных паветах Мінскай губерні і весці барацьбу за аднаўленне сваіх дваранскіх правоў. Астроўскія падалі прашэнне ў Мінскі дваранскі дэпутацкі сход. Ён прыняў рашэнне на іх карысць, што "род Островских признан в дворянском происхождении". Аднак калі 28 студзеня 1828 г. іх справа пайшла "на рассмотрение Правительствующего Сената в герольдию", дык "разрешения по этому делу не получено". Сенат не зацвердзіў рашэнне Мінскага дваранскага дэпутацкага сходу і адхіліў прашэнне Астроўскіх [15]. Некалькі іншая сітуацыя апісваецца ў пушкінскім рамане "Дуброўскі". У старога Дуброўскага ў час пажару згарэлі ўсе дакументы на права ўладання маёнткам Кісцянёўка, і гэты факт умела выкарыстаў засядацель Шабашкін, які "по законам" павярнуў справу на карысць усемагутнага Траякурава.

Родзічы Паўла Астроўскага канчаткова страцілі свае правы на дваранскія прывілеі, сталі беззямельнымі шляхціцамі. І Паўлу Астроўскаму — прадстаўніку калісьці славутага, а потым заняпалага роду — давялося самому здабываць сабе хлеб. У рапарце мінскага часовага ваеннага губернатара графа Строганава мінскаму віцэ-губернатару П. Скопіну ад 18 сакавіка 1832 г. адзначалася, што Павел Астроўскі "до взятия в плен был учителем у помещика Помарнацкого" [16]. Наняцца на работу да памешчыка Памарнацкага, напэўна, прымусіла Паўла Астроўскага крайняя неабходнасць, бо лёс настаўнікаў у памешчыцкіх маёнтках быў незайздросны. Зазначым, што многія з роду Памарнацкіх сваім характарам вельмі нагадвалі пушкінскага Траякурава, фанабэрыстага прыгонніка, грубага самадура і невука. Дакументы сведчаць, што 17 верасня 1819 г. віцебскі мешчанін Лужынскі падаваў скаргу ў Віцебскі ніжні земскі суд на памешчыка Віцебскага павета Карла Памарнацкага, які "присвоил его две лошади, стоящие 65 рублей, и прочие вещи, стоящие 60 рублей, да к тому же бил его немилосердно" [17]. Аднак суд не пакараў гвалтаўніка. У 1825 г. рыжскі мешчанін Трыфан Іваноў падаў прашэнне вялікаму князю Міхаілу Паўлавічу (брату імператара Мікалая I) на памешчыка Яраша Памарнацкага, які быў уладальнікам маёнткаў у Віленскай і Віцебскай губернях. Іваноў скардзіўся, што Памарнацкі "причинял обиды и побои ему, его жене и детям" і нават захапіў усю яго маёмасць. Справа разбіралася ў судах доўга: спачатку ў 1825 г. — у Віленскай губерні, а у 1827 г. — у Віцебскай. Скарга

[15] НА РБ. Ф. 319, воп. 2, спр. 2396, арк. 14, 22, 46, 63, 63 адв., 67, 67 адв., 71 адв., 74–78, 81, 84, 84 адв., 90 адв., 93, 94 адв., 98, 99, 142, 145, 146 адв.

[16] Тамсама. Ф. 295, воп. 1, спр. 329, арк. 1.

[17] НА РБ. Ф. 1430, воп. 1, спр. 344, арк. 1–3.

Іванова не была пакінуга без увагі. Не Я. Памарнацкаму, а Т. Іванову была зроблена строгая вымова, "чтобы он впредь не входил с подобными неосновательными прошениями" [18]. Характэрна, што гэтага ж Памарнацкага не пакаралі нават за ўдзел у паўстанні 1830–1831 гг. У 1831 г. ён пры паражэнні паўстання ўцёк у Прусію, але ў кастрычніку 1832 г. захацеў вярнуцца на радзіму. Земскія чыноўнікі Віленскай губерні добра ведалі яго ўчынкі, аднак сцвярджалі, што "оный Помарнацкий до мятежа был поведения хорошего". Хоць многія ўдзельнікі паўстання страцілі свае маёнткі, Памарнацкі поўнасцю захаваў іх[19].

Можна прывесці і іншыя факты, калі царскія ўлады яўна патуралі траякуравым, калі яны рабілі нават цяжкія злачынствы. Так, у 1818 г. царскі суд апраўдаў памешчыка Себежскага павета Антона Есьмана, які завалодаў дакументамі аб дваранскім паходжанні суседа Раманоўскага. Яго сыноў зрабіў ён сваімі прыгоннымі сялянамі, а аднаго з іх здаў у салдаты [20]. У тым жа 1828 г. былі апраўданы памешчыкі Віцебскага павета — адстаўны ротмістр Фелікс Цеханавецкі і яго жонка Элеанора, якія катавалі сваіх прыгонных сялян і вольнанаёмных людзей і нават даводзілі іх да самагубства. У гэтых вылюдкаў былі высокія заступнікі, у прыватнасці магілёўскі губернатар граф М. Мураўёў, пазней празваны "вешальнікам" [21].

"Панства дзікае" царскімі ўладамі яўна апекавалася. Зусім іншыя адносіны былі да дробных беззямельных шляхціцаў, подобных Паўлу Астроўскаму. У сваіх рапартах і данясеннях царскія жандары называлі іх "народом дерзким, буйным и развратным", "безумцами", "бродягами", "смутьянами", з якімі трэба весці самую бязлітасную барацьбу [22]. Паводле сцверджання М. Мураўёва, беззямельныя шляхціцы як "класс людей необузданных и неоседлых" уяўляюць вялікую небяспеку для царскіх улад, таму што яны "стараются в корчмах и народных скопищах возбуждать крестьян к неповиновению" [23].

Да гэтай катэгорыі сацыяльна незабяспечаных шляхціцаў належыць і Павел Астроўскі. У сакрэтных жандарскіх рапартах ён называецца "мяцежнікам", што для царскіх улад было раўназначна тэрміну "разбойнік" [24]. У рапарце шэфу жандараў А. Бенкендорфу 14 красавіка 1831 г. і начальніку штаба ваенных пасяленняў П. Клейнміхелю 29 кра-

---

[18] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 2242, арк. 1–3.

[19] ЦДГА Літвы. Ф. 137, воп. 4, спр. 251, арк. 4, 4 адв.

[20] НА РБ. Ф. 1416, воп. 1, спр. 4775, арк. 1–46.

[21] Тамсама. Ф. 1297, воп. 1, спр. 2889, арк. 1–59; спр. 4718, арк. 1–33.

[22] Тамсама. Ф. 1430, воп. 1, спр. 3062, арк. 40–44 адв.

[23] Тамсама. Ф. 1297, воп. 1, спр. 5240, арк. 49.

[24] Тамсама. Спр. 6186, арк. 6; ф. 1430, воп. 1, спр. 3548, арк. 3–4.

савіка 1831 г. М. Мураўёў паведамляў пра "разбойніцкія дзеянні" маладых беззямельных шляхціцаў Ігуменскага і Барысаўскага паветаў Мінскай губерні, якія яшчэ не арыштаваны, застаюцца на свабодзе і актыўна дапамагаюць польскім паўстанцам, здзяйсняюць свае варожыя, мяцежныя намеры супраць царскага ўрада, садзейнічаюць беспарадкам у губерні [25]. Паводле сцверджання Мураўёва, таксама вельмі небяспечныя для ўрада і беззямельныя шляхціцы Віцебскай губерні, якія "скитаются в малом числе в виде нищих и разбойников по болотам и лесам, причиняя беспорядки на дорогах и устрашая мирных жителей своим внезапным появлением" [26]. Шляхціцаў-"разбойнікаў" вельмі баяліся буйныя землеўладальнікі, а чуткі аб іх нечаканым з'яўленні "наводят такой страх на помещиков, что некоторые, более робкие, начинают скрывать свое имущество в лесах и зарывать в землю" [27]. Як гаворыць Завялейскі, Астроўскі наводзіў жах на царскіх чыноўнікаў і памешчыкаў нават тады, калі ён быў арыштаваны і сядзеў у астрозе.

Паведамленні сучаснікаў Пушкіна пра актыўную антыўрадавую дзейнасць Астроўскага вельмі верагодныя, бо Павел Астроўскі, які ўжо з юнацкіх гадоў сутыкнуўся з судзейскаю несправядлівасцю, не мог не ведаць пра іншыя факты сацыяльнай несправядлівасці. Супраць царскіх улад Павел Астроўскі выступаў яшчэ да падзей 1830–1831 гг. Паводле звестак Завялейскага, ён "проказничал долго, лет пять-шесть" [28]. З архіўных матэрыялаў вядома, што царскія чыноўнікі, якія ездзілі па Беларускім тракце ў 1827–1828 гг., скардзіліся, што на іх нападалі "шайки разбойников". Усе спробы царскіх улад злавіць іх у 1828 г. на Віцебшчыне былі беспасяховыя [29]. Магчыма, што ў гэтых мясцінах тады дзейнічаў і Павел Астроўскі.

У час паўстання 1830–1831 гг. у яго завязаліся сяброўскія адносіны з шляхціцам Віленскай губерні Лабаноўскім і яго аднадумцамі, якія змагаліся з царскімі ўладамі на тэрыторыі Мінскай і Віцебскай губерняў. Пранікнуты бунтарскім духам, Павел Астроўскі, як сведчаць архіўныя матэрыялы, "вступил в мятежническое ополчение, действовал вооруженною рукою" [30]. Яго антыўрадавая дзейнасць як паўстанца пачалася на радзіме — у Ігуменскім павеце, дзе царскія жандары наладзілі за ім пільны нагляд" [31]. Пазней яго атрад дзейнічаў у Мінскай, затым і ў

[25] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 5240, арк. 105–108, 265.

[26] Тамсама. Ф. 1430, воп. 1, спр. 3062, арк. 40, 40 адв.

[27] Тамсама. Ф. 1297, воп. 1, спр. 5240, арк. 110, 118.

[28] Прототип Дубровского // За индустриализацию. 1937. 10 февр.

[29] НА РБ. Ф. 1430, воп. 1, спр. 979, арк. 1–29.

[30] Тамсама. Ф. 561, воп. 1, спр. 3, арк. 138 адв.; спр. 4, арк. 130 адв.

[31] Тамсама. Ф. 295, воп. 1, спр. 329, арк. 7.

Віцебскай губернях. На Віцебшчыне Астроўскі карыстаўся славай "няўлоўнага чалавека па-за законам", які "умел вести свои дела так, что его трудно было поймать". Як сведчыць Завялейскі, "у него было много покровителей, даже между дворянами; ему сочувствовали даже некоторые дамы из помещиц средней руки, начитанные романами" [32].

Пакуль што невядома, пры якіх абставінах і дзе канкрэтна яго арыштавалі. Архіўныя матэрыялы толькі павед!амляюць, што Павел Астроўскі ў 1831 г. "взят в плен" [33] і пасаджаны ў Віцебскі астрог, дзе яго бачылі Нашчокін і Завялейскі. Там жа бачыў яго і ад'ютант віцебскага генерал-губернатара князя М. Хаванскага паручнік В. Мызнікаў. У 1831 г. ён па загаду губернатара выконваў абавязкі віцебскага паліцмайстра і актыўна змагаўся за ліквідацыю антысанітарных умоў у віцебскім астрозе, дзе знаходзіліся беларускія шляхціцы-паўстанцы, у тым ліку і Павел Астроўскі [34]. Як чыноўнік па асобых даручэннях пры губернатары Мызнікаў, відаць, добра ведаў судовую справу Астроўскага. З Пушкіным Мызнікаў сустракаўся ў Пецярбургу ў 1831 г., аб чым гаворыцца ў яго пісьме паэту ад 9 верасня 1833 г. [35]

Архіўныя матэрыялы сведчаць, што Паўла Астроўскага разам з групай палонных паўстанцаў збіраліся выслаць у Архангельск, але спачатку адправіць пешшу пад канвоем у горад Пскоў. Гэта была цяжкая дарога. Камандзір батальёна плац-маёр Крываблоцкі і камандзір брыгады палкоўнік Трыпольскі, якія павінны былі ў кастрычніку 1831 г. адправіць Астроўскага і іншых паўстанцаў у Пскоў, адзначалі ў сваіх рапартах, што паколькі адлегласць ад Віцебска да Пскова 370 вёрст, то канвою трэба ісці болей чым два месяцы [36]. Пасля доўгай дарогі Павел Астроўскі трапіў у пскоўскую крэпасць. Пакуль Астроўскі знаходзіўся ў Пскове, следчая камісія па справе ўдзельнікаў паўстання 1830–1831 гг. зноў перагледзела яго асабістую справу. Невядома чаму, але яна зусім не закранала яго антыўрадавую дзейнасць да пачатку паўстання. Магчыма, такіх звестак камісія проста не мела. Адносна ўдзелу ў паўстанні было адзначана, што Астроўскі прымаў удзел у паўстанні не па сваёй волі, а "по наговору мятежника Лобановского" [37]. Асабліва небяспечнымі злачынцамі следчыя лічылі шляхціцаў Лабаноўскіх — Платона, Антонія і Іпаліта, адзін з якіх як быццам і ўцягнуў Астроўскага ў мяцеж [38]. Апрача таго, камісія дакладна не ведала, пры якіх абставінах

---

[32] Прототип Дубровского // За индустриализацию. 1937. 10 февр.

[33] НА РБ. Ф. 561, воп. 1, спр. 3, арк. 138 адв.; спр. 4, арк. 130 адв.

[34] Тамсама. Ф. 1297. воп. 1, спр. 2889, арк. 51; воп. 75, спр. 4840, арк. 4–6.

[35] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 15. С. 82.

[36] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 5858, арк. 23, 29.

[37] Тамсама. Ф. 561, воп. 1, спр. 3, арк. 138 адв.; спр. 4, арк. 130 адв.

[38] Тамсама. Арк. 67, 71, 138 адв.; спр. 4, арк. 68, 72 адв.

быў узяты ў палон Астроўскі: са зброяй у руках або без яе. Ад гэтага залежала, ці падлягае ён суроваму пакаранню, ці можа быць дараваны [39]. Лёсам Паўла Астроўскага зацікавіўся генерал-маёр граф Строганаў, які быў прызначаны на пасаду мінскага часовага ваеннага губернатара па загаду імператара Мікалая I “высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату в 23 день августа 1831 г.” [40] Паколькі следчая камісія не мела дакладных звестак аб дзейнасці Астроўскага, граф Строганаў выказаў думку, што “Павел Островский, не оказавшийся, по-видимому, виновным в таком преступлении, за которое подлежал бы включению в первые два разряда государственных преступников и как потерпевший за временное заблуждение заключению под стражу, должен быть возвращен на место его родины под надзором губернского начальства” [41]. Гэта прапанова была накіравана на канфірмацыю (зацвярджэнне) галоўнакамандуючаму Першай арміяй барону Ф. фон Остэн-Сакену. Але Павел Астроўскі не стаў чакаць, а сам вырашыў свой лёс.

У рапарце камандзіра пскоўскага пяхотнага зводнага батальёна палкоўніка Жукоўскага віцебскаму генерал-губернатару князю М. Хаванскаму ад 17 сакавіка 1832 г. паведамляецца, што “содержавшийся в г. Пскове в числе военнопленных польских и литовских мятежников уроженец Минской губернии Игуменского повета шляхтич Павел Островский, коему от роду 22 года, неизвестно куда отлучился” [42]. Пра ўцёкі Астроўскага паведамляе і Завялейскі: “Долго спустя говорили, что он ушёл, перекрутив при конвойных свои цепи” [43]. Магчыма, што ўцячы з пскоўскай крэпасці Паўлу Астроўскаму дапамаглі салдаты аховы, з якімі, паводле сведчання Завялейскага, у яго яшчэ ў Віцебску былі сяброўскія адносіны.

У 1832 г. Паўла Астроўскага беспаспяхова шукалі па ўсіх паветах Мінскай губерні, аб чым сведчаць рапарты і данясенні з паліцыі і земскіх судоў Мінска, Бабруйска, Мазыра, Слуцка, Пінска, Ігумена, Рэчыцы, Дзісны, Вілейкі і Радашковіч, якія былі адрасаваны мінскаму грамадзянскаму губернатару А. фон Дрэбушу і мінскаму віцэ-губернатару П. Скопіну [44]. Пошукі Астроўскага з 1832 па 1837 г. ва ўсіх паветах Віцебскай губерні таксама не далі ніякіх вынікаў. Аб гэтым гавораць адрасаваныя віцебскаму грамадзянскаму губернатару М. Шрэдэру і віцеб-

[39] НА РБ. Ф. 561, воп. 1, спр. 3, арк. 138 адв.; спр. 4, арк. 130 адв.

[40] Тамсама. Ф. 1297, воп. 1, спр. 5996, арк. 148.

[41] Тамсама. Ф. 561, воп. 1, спр. 3, арк. 138 адв.; спр. 4, арк. 130 адв.

[42] Тамсама. Ф. 1297, воп. I, спр. 6186, арк. 1.

[43] Прототип Дубровского // За индустриализацию. 1937. 10 февр.

[44] НА РБ. Ф. 295, воп. 1, спр. 329, арк. 1–22.

скаму віцэ-губернатару С. Давыдаву рапарты і данясенні гараднічых і чыноўнікаў земскіх судоў Віцебска, Гарадка, Полацка, Лепеля, Дрысы (Верхнядзвінска), Веліжа, Невеля, Себежа, Суража, Люцына (Лудзы), Дзінабурга (Даўгаўпілса), Рэжыцы (Рэзекне). У Віцебскай губерні на Астроўскага былі заведзены нават тры справы [45], але ніхто не ведаў, дзе ён знаходзіцца. Калі супаставіць пералічаныя гарады з сучасным адміністрацыйным дзяленнем, дык выходзіць, што Астроўскага шукалі на тэрыторыі Мінскай, Гомельскай, Віцебскай, Магілёўскай абласцей Рэспублікі Беларусь, Пскоўскай і Смаленскай абласцей Расійскай Федэрацыі, а таксама на тэрыторыі Латвійскай рэспублікі — фактычна там, дзе жылі беларусы.

Варта падкрэсліць, што паліцыя шукала ўцёкшага "разбойніка" Паўла Астроўскага ў 1832 г. у пушкінскіх мясцінах на Пскоўшчыне якраз тады, калі А. Пушкін працаваў над першым томам "Астроўскага". Магчыма, таму, што Пушкін не ведаў, як складзецца далейшы лёс Астроўскага, ён быў вымушаны замяніць назву рамана на больш нейтральную.

Мяркуем, што важнай падставай для замены назвы рамана было і тое, што пісьменнік пісаў не хроніку жыцця Паўла Астроўскага, а літаратурны твор. А таму ў рамане знайшло адлюстраванне і вядомае тады паданне аб бунце сялян пскоўскага памешчыка Дуброўскага, якое адбылося ў 1737 г. У ім удзельнічаў і сам памешчык, які займаў антыўрадавую пазіцыю.

6 лютага 1833 г. Пушкін завяршыў працу над раманам, але здаваць у друк не спяшаўся.

У кастрычніку 1837 г., калі ўжо Пушкіна не было ў жывых, улады Віцебскай губерні зноў наводзяць даведкі аб Астроўскім. Аднак пошукі так і не далі ніякіх вынікаў. Магчыма, ён уцёк за мяжу імперыі, як іншыя "мяцежнікі", ці схаваўся пад іншым прозвішчам. З 1838 г. пошукі Паўла Астроўскага былі спынены. Далейшы лёс яго так і застаецца для нас загадкавым.

Упершыню раман быў надрукаваны ў 1841 г. Канчатковы загаловак раману "Дуброўскі" далі выдаўцы В. Жукоўскі, П. Вяземскі і П. Плятнёў [46].

Падабенства героя рамана Пушкіна "Дуброўскі" і Паўла Астроўскага заўважаецца не толькі ў біяграфіі, але і ў знешніх прыкметах двух герояў. Паводле архіўных матэрыялаў, Павел Астроўскі "был вы-

---

[45] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 6186, арк. 1–6; ф. 1430, воп. 1, спр. 3124, арк. 19–63; спр. 3548, арк. 1–4 адв.

[46] Пушкин А. С. Избр. соч.: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 673; Соболева Т. П. Повесть А. С. Пушкина "Дубровский". М., 1963. С. 3, 8, 9; Маранцман В. Г. Роман А. С. Пушкина "Дубровский" в школьном изучении. Л., 1974. С. 3–4.

сокого роста, бел лицом, волосы светлорусые, с небольшими усами". Да ўцёкаў з пскоўскай крэпасці "одет он был в сюртуке синего сукна с белыми форменными, металлическими пуговицами, в синих брюках и фуражной шапке" [47]. Паводле сведчання Завялейскага, арыштаваны Астроўскі "шел в сером сюртуке, фуражке набекрень... Он был роста выше обыкновенного человека: его голова была выше всякого забора, мимо которого его вели. Лицом он был очень красив, с черными тонкими усиками, но взгляд его больших серых глаз был ужасный... не то чтобы свиреп, а поразителен" [48]. З гэтых матэрыялаў відаць, што прыкметы, якія прыводзяцца рознымі крыніцамі, у асноўным супадаюць, толькі ў Завялейскага ўсё гэта падаецца ў больш выразнай форме.

Гістарычныя сведчанні пра небагатага беларускага шляхціца Паўла Астроўскага — прататыпа пушкінскага Дуброўскага — у свой час адыгралі станоўчую ролю ў савецкім пушкіназнаўстве. Да публікацыі гэтых матэрыялаў лічылася, што вобраз пушкінскага Дуброўскага надуманы, створаны пад уплывам класічных літаратурных вобразаў заходнееўрапейскай рамантычнай літаратуры. Архіўныя матэрыялы пра беларускага мяцежнага шляхціца Паўла Астроўскага яшчэ раз сведчаць аб тым, што ў канву сюжэта пушкінскага рамана, а таксама пры стварэнні мастацкага вобраза галоўнага героя пакладзены матэрыялы, якія ўзяты з самога жыцця, з гераічнай гісторыі Беларусі.

1995

---

[47] НА РБ. Ф. 295, воп. 1, спр. 329, арк. 1; ф. 1297, воп. 1, спр. 6186, арк. 10 адв.; ф. 1430, воп. 1, спр. 3542, арк. 1–2.

[48] Прототип Дубровского // За индустриализацию. 1937. 10 февр.

KAMUNIKAT.org

Людмила Селицкая

ДУБРОВСКИЙ — ШЛЯХТИЧ ИЗ–ПОД МИНСКА?

Если верить афористичному пророку Пушкину, чей двухсотлетний юбилей со дня рождения будем отмечать 26 мая будущего года, мы ленивы и нелюбопытны. Плохо знаем свою историю, не любим оглядываться назад и загадывать наперед. Кудрявый гений был прав: прошлое для нас действительно не менее туманно, чем будущее. Два минувших с тех пор века мало что изменили в нашем сознании. Разве что прибавили постреволюционного беспамятства... Впрочем, вместо грустного объяснения причин “нелюбознательного” национального феномена лучше выберем романтическое: может быть, каждой исторической тайне — как и зарытому в землю кладу — должно прийти свое время. Время быть обнаруженными.

Сказ про белорусского Робин Гуда

Рождение всякого литературного произведения, коему уготована бессмертная судьба, — одновременно и великое таинство, и цепь обычных земных случайностей. Как-то: треп о наследно-поместных делах во время дружеской пирушки, письмецо из отдаленной губернии с кумушкиными сплетнями, гусарские бравады о военных доблестях и подавленных бунтах-мятежах в обширных окрестностях матушки-России.

...Был у незабвенного Александра Сергеевича, в собственное удовольствие и для семейного пропитания рифмующего “энциклопедию русской жизни”, достаточно безалаберный и достаточно преданный друг сердца — Павел Воинович Нащокин. В меру сил и умения помогавший только что женившемуся пииту (речь идет о 1832–1833 годах) с устройством финансово-наследных и молодоженных дел. А на досуге — поелику был Павел Воинович картежником, гулякой и просто хлебосольным хозяином-кормильцем (когда, конечно, случались выигрыши и наследства от помершей родни) — радовал будущего “энциклопедиста” услышанными от пришлых людей, в числе коих присутствовал и всякий бродяжно-авантюрный люд, россказнями. И вот однажды поведал любезный друг Нащокин внемлющему Александру Сергеевичу про некоего белорусского дворянина Островского, неправедно разоренного коварным соседом-помещиком. По одним данным, самолично видел Нащокин бедного и гордого шляхтича в остроге — после того, как

учинил тот от великих обид вместе с дворовыми людьми бунт против потворствующих нечестным землевладельцам местных властей и царящих на российских просторах неправедных порядков. По другим, предоставил друг Павел Воинович другу Александру Сергеевичу живой документ "о неправильном владении имением", специально раздобытый нащокинским поверенным, являющимся членом опекунского совета. Рассказ друга (а, по свидетельству очевидцев, был Нащокин отменным балагуром-сказителем) поэта заинтересовал. Тем паче что и прочие документы на сей счет можно было отыскать. В виде данных расследования недавнего восстания польско-литовской шляхты 1830–1831 годов предание об этом было не только свежо — еще сочилось кровью подавленных к августу 1831 года и отправленных на каторгу бунтовщиков.

Словом, не долго думая, решился Александр Сергеевич написать про белорусского Робин Гуда повесть. И даже назвал ее по свежим следам подлинной фамилией главного действующего лица — "Островский". И лишь потом, поскольку существовала цензура и прочие патриотические политесы-нормативы, волею редакторов переименовано было романтическое повествование в "Дубровского". Полагаю, это изумительное по сюжетному построению и драматической развязке произведение читали все, поскольку входит оно в обязательную школьную программу. Другое дело, что не все заглянули в набираемые мелким шрифтом в солидных изданиях сноски, свидетельствующие, что прототипом Дубровского послужил для Пушкина шляхтич родом из Игуменского уезда (нынче Червенского района) Павел Островский. А кто и заглянул, не обязательно придал значение. Ну, подумаешь, был мелкопоместный бунтовщик, попер против власти на рожон. А почему и отчего взыграло у него ретивое вкупе с национальной гордостью — Бог его знает. Не все же, как Пушкин, имеют богатое романтическое воображение. А тем паче желание побежать в архивы и поглядеть, в какой такой бунт и зачем вляпался гордый шляхтич из белорусского захолустья.

А жаль. В Национальном историческом архиве Беларуси имеются любопытные документы на сей счет.

Рапорты по изысканию мятежника Павла Островского

Когда мне принесли зеленую папку с делом игуменского бунтаря, начатым 8 апреля 1832 года и законченным 3 июля того же года, я поразилась, насколько реальная жизнь переплетается с литературой. Великому романисту достаточно было взять предписание губернатора своему цивильному тезке П. Скопину, "исправляющему должность Минского гражданского губернатора", чтобы прямо с розыскной реля-

ции писать романтический портрет героя-беглеца. Вот прямая цитата из предписания — идентификация, так сказать, личности бунтаря: “Содержавшийся в Пскове в числе военнопленных польских мятежников уроженец Минской губернии Игуменского уезда местечка Риванича шляхтич Павел Островский, имеющий от роду 22 года, 12 числа минувшего марта бежал.

Заведывающий означенным пленным полковник Жуковский, донося о сем мне, просит учинить разыскание о нем по Минской губернии, и буде Островский пойман будет в сей губернии, то доставить его в Псков, присоединяя, что он высокого роста, и бел лицом, волосом светлорусый, с небольшими усами, и до взятия в плен был учителем у помещика Помарнацкого, ушел же из Пскова в синем сертуке [орфография оригинала. — *Л. С.*] с белыми форменными пуговицами, в синих же брюках и фуражной шапке”.

Если даже казенная бумага рисует красавца-беглеца, что уж говорить про поэта с романтическим воображением. Пушкин, кто хорошо помнит текст повести, почти ничего не меняет в облике героя. И устами литературного исправника почти слово в слово рисует портрет благородного мятежника Владимира Дубровского: “От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось”.

Единственное кардинальное отличие романической ситуации от реальной, которое позволяет себе поэт, — поселить обиженного властями народного мстителя Дубровского вместо шляхетного белорусского урочища под Игуменом в чисто российское дворянское имение Кистеневка. (Кстати, так называлось именьице самого Пушкина.) А коль имение российское, то и нравы для описания взяты соответствующие — варварско-диковатые и раздольные, как половецкие степи. Парадоксы бытия: мини-энциклопедия русской жизни родилась на основе живого белорусского факта!

А ведь, если задуматься, именно у польско-литовского (считай, белорусского) шляхтича Островского было больше оснований для организации народного восстания, чем у мелкопоместного российского дворянина Дубровского. Впрочем, об этом чуть позже. Пока же дорасскажу об архивном деле красавца-мятежника.

Разумеется, депеши военного губернатора об учинении розыска и опознания сбежавшего из псковских застенков плененного шляхтича были разосланы во все концы Минской губернии — в каждый уезд и повет. И каждый тогдашний регион — по получении указаний и проведении соответствующих поисковых мер — должен был отрапортовать высокому начальству о результатах расследования. Все и отрапортовали, а точнее, “имели честь донести”, что, несмотря на “самострожайший розыск” в Борисове и Слуцке, “самовернейшее разыскание” в

Речице и просто розыск без ретивых эпитетов в прочих уездах-поветах, вышеозначенного мятежника не обнаружено.

Забавно все-таки читать рапорты служивых людей — городничих, полицмейстеров, законодателей земских судов, приставов 166-летней давности! Уйма демонстрируемого рвения (отвечали на запрос без промедления), разливанное море казенной почтительности — вплоть до того, что минский полицмейстер, его коллега из Речицы, а также полицейский пристав из Мозыря для пущей демонстрации усердия даже поставили после слова “рапорт” восклицательный знак. И при всем при том — явный, разгильдяйский, самодержавного розлива бюрократизм. Я лично сразу простила все прегрешения современным чиновникам, обнаружив в рапорте городничего из Бобруйска явную отписку-описку. Опасного бунтаря-беглеца Павла Островского он не мудрствуя лукаво назвал Иваном.

В поте лица, значит, старался разыскать во вверенных его полицейскому попечению окрестностях беглого “Ваньку”, коли даже имя бунтаря в рапорте его высокопревосходительству перепутал.

Правда, в душе тлеет и робкая надежда, что, может, и не чиновный бюрократизм лицезрею я на бледно-зеленой и серо-коричневой не гербовой бумаге с выцветшими неразборчивыми подписями, а человеческое сочувствие беглецу и интересам его дела. Ибо ведь не на пустом месте и неспроста родилось на присоединяемых к России северо-западных землях в 1830–1831 годах восстание.

Зачем шляхтичу учиться в Сорбонне

Такая уж у нас, белорусов, судьбина — постоянно находиться на перекрестке чужих военных дорог, самом острие геополитических и прочих “высоких” интересов. Когда в ноябре 1830 года в Варшаве началось шляхетское восстание, ставившее своей целью вернуть территорию Речи Посполитой в исходное, до печально знаменитого раздела 1772 года, состояние, то, конечно же, докатилось оно и до Западной Беларуси с Литвой. Колесо же истории, как известно, — такая штука, которая катится, не разбирая дороги, по подвернувшимся городам и весям, бунтуя проживающий в них люд и отрывая от мирных забот. И если одни, более “свядомыя”, в духе политического плюрализма шли в повстанческие отряды добровольно, то других просто мобилизовывали. Просвещенным людям, конечно же, было что терять при новых, царских порядках. Нет, даже не земли и прочие имущественные привилегии “благородного звания”. Достаточно сказать, что накануне восстания вышел царский запрет на обучение жителей Литвы и Беларуси в иностранных и польских университетах. Вот так-то: нельзя было смышленым “тутэйшым” ездить в Сор-

бонну и Дрезден для пожинания плодов западных наук и западного же вольномыслия. А потому нельзя, что доступное каждому мыслящему человеку сравнение норм державного и просветительского устройства было явно не в российскую пользу. Не буду отбирать хлеб у историков и толковать про политически неоднозначный характер восстания. В конце концов, лично мне интересна не политика, а конкретное к ней отношение конкретных людей. Свободолюбивый игуменский шляхтич Островский недаром привлек российского поэта Пушкина — полиглота и эрудита, в оригинале изучившего вольнолюбивые труды Вольтера и Дидро и даже английского экономиста Адама Смита. Поэт, по свидетельству его биографа Л. Гроссмана, запоем читал зарубежные газеты той поры, практически единодушно вставшие на защиту повстанцев и осудившие "тюрьму народов" — Россию. И потому не мог не знать про огромную демонстрацию гражданского протеста у здания российского посольства в Париже с лозунгами: "Да здравствует Польша! Война России!" (это полтора-то с лишним века назад!), проникновенные стихи Беранже, посвященные польским повстанцам, знаменитую "Варшавянку" Казимира Делавиня. И хотя, будучи патриотом России, он и написал в письме Вяземскому свое легендарное: "Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским", Дубровского он нарисовал именно по европейским стандартам — благородным народным заступником Робин Гудом.

Наследники Островского, где вы?

...Дочитав последнюю 33-ю страницу дела, я так и не нашла развязки: был ли найден бдительными полицейскими Минской губернии беглый мятежник Павел Островский, или благополучно скрылся за границу. Так что, как сложилась его дальнейшая судьба, — пока не знаю. Попробовала полюбопытствовать в Червенском краеведческом музее: вдруг там что слыхали про своего земляка... Увы, как сказала директор Анна Авласенко, нет сведений о раваничском прототипе пушкинского Дубровского. Правда, одна благая весть прозвучала — садово-парковый комплекс в тамошнем урочище — на исторической, так сказать, родине белорусского Робин Гуда — сохранился и радует глаз.

Рискну предположить, что даже вездесущий Пушкин пребывал в неведении, что стало с реальным Островским — Дубровским. Основание для таких гипотез дают мне варианты повести, где поэт намеревался благополучно женить героя на Маше Троекуровой, "родить" им ребенка. После чего Маша должна была заболеть, переехать вместе с мужем в Москву, жить в любви и уединении и пострадать от доноса форейтора — бывшего члена шайки Дубровского.

Впрочем, окончательный финал пушкинской повести — куда жизненней, чем черновой вариант художественного вымысла. Что же касается финала реального, то у меня как у розыскника-любителя есть лишь две возможности его прояснить. В Беларуси достаточно много людей с фамилией "Островский": вдруг нечаянно обнаружится наследная родня бунтовщика, вдохновившего Пушкина на написание повести. Вторую же методу предложили мудрые работники Национального архива, где хранится дело мятежника: "прочесывать" все имеющиеся фонды по каталогам. Если повезет — выплывет данная фамилия в новом ракурсе. Значит, надо, по Пушкину, проявить неленость и любопытство. Однако коли мои разыскания — в отличие от полицейских — окажутся успешными, получится уже совсем другая повесть...

1998

KAMUNIKAT.ORG

Людмила Селицкая

УЖЕЛЬ ТОТ САМЫЙ — НАШ ДУБРОВСКИЙ?

Пушкину подражать — пустое дело. Аромат эпохи, равно как и стиль, не повторишь. Но пушкинский ямб сам просится на язык в данной ситуации: больно уж чудна она и романтична.

Особенно в развязке. Завязка же была, напомню, такая: 25 апреля с. г. я опубликовала в "Советской Белоруссии" статью "Дубровский — шляхтич из-под Минска?", где на основе хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси данных и прямых утверждений литературоведов поведала читателям любопытную и лестную для отечественного самолюбия историю. Возможным прототипом Дубровского для Пушкина послужил благородный белорусский Робин Гуд — шляхтич Игуменского уезда (ныне Червенского района), участник освободительного восстания 1830−1832 годов Павел Островский. В уцелевшем за полтора века и пронумерованном белорусскими архивариусами 33-страничном деле скорее поэтическим, чем жандармским слогом рисуется облик пойманного и умудрившегося сбежать из Псковского острога мятежника: "...высокого роста, и бел лицом, волосом светлорусый", был одет в "синий сертук [орфография того времени. — *Л. С.*] с белыми форменными пуговицами и фуражную шапку". Красивый типаж — что тут скажешь. И подобно пушкинскому герою, служил учителем у некоего помещика Помарнацкого. И вроде тоже был богатым соседом обижен, за что и в мятежники подался.

Если учесть, что сам Александр Сергеевич назвал живописную свою повесть — с подачи друга сердца Павла Воиновича Нащокина — совсем не "Дубровский", а прямой, что называется, фамилией "Островский" и что авторское название было изменено волею цензора после смерти поэта, когда крамольное по духу произведение увидело свет, то высказанная версия получалась очень правдоподобной. Я бы даже сказала — не вызывающей сомнений. Хотя в любом творчестве, как и в науке, на "колебательный" допуск всегда должно оставаться место.

Заканчивалась статья платоническим, как мне тогда казалось, призывом-надеждой: вдруг найдутся и откликнутся уцелевшие наследники Островского. Роду-племени с такой фамилией в Беларуси немало, и чем Бог не шутит: в уцелевших — вопреки повальной амнезии — семейных архивах могли сохраниться документы и предания.

Но, по совести говоря, я больше не верила, чем верила в счастливый исход. Ведь даже сам Пушкин в конечном итоге “отправил” романтического разбойника за границу, хотя в черновиках повести и пытался женить его на красавице Маше и даже “законопослушно” выдать стараниями дворовых людей полиции.

Жизнь, как зачастую бывает, оказалась сложнее романов.

Тамбовский след

Первым откликнулся на публикацию Юрий Долгов из Могилева, давний читатель “Советской Белоруссии”, выходец из тамбовских мест, волею судьбы ставший жителем Беларуси. Юрий Серафимович проявил себя настоящим патриотом древнего российского города, который в пушкинско-лермонтовские времена был “на карте генеральной кружком означен не всегда”. И в порядке альтернативы высказал тамбовскую версию “происхождения” Дубровского, приведя в качестве доказательства публикацию литературоведов Н. Гордеева и В. Пешкова о том, что именно тамбовские офицеры — поручик Иван Яковлевич Муратов и подполковник Семен Петрович Крюков послужили для Пушкина прототипами главного героя повести и его богатого антипода Троекурова. Подтверждает версию, как уверял читатель, документ Козловского уездного суда 156-летней давности “О неправильном владении поручиком Иваном Яковлевым сыном Муратовым имением, принадлежащим гвардии подполковнику Семену Петрову сыну Крюкову, состоящим в Тамбовской губернии Козловской округи сельца Новопанское”, копию которого, по мнению Ю. Долгова, и раздобыл для Пушкина все тот же неутомимый поставщик драматических сюжетов и великолепный рассказчик Павел Нащокин.

А чтобы я окончательно разуверилась в абсолютно белорусской “генеалогии” Дубровского, Юрий Серафимович, со ссылкой на статью В. Якушина “Александр Сергеевич Пушкин. Из черновых его бумаг”, опубликованную в журнале “Русская старина” за сентябрь 1887 года, живописал свою “малую родину” — сельцо Панское на Тамбовщине, расположенное неподалеку от Козлова, нынче Мичуринска. Проходила здесь во времена незапамятные граница Руси, и жители окрестностей, в основном “дети боярские”, — стрельцы, пушкари и казаки — оборонялись от крымских татар. И службу несли не за деньги, а за право осваивать степь, владеть плодородными землями. Ну а в таких ситуациях, разумеется, без земельных споров и распрей не обойтись. Тем паче, что заветный документ на владение плодородным раздольем зачастую приобретался методом силовой экспроприации и судебного крючкотворства.

Так что, резюмировал мой оппонент: “Пушкину был близок не только мятежник, бунтарь, каким был минский Островский. Человеческие черты

были ближе Пушкину. Прототипы нужны были для толчка в создании сложного литературного образа".

Выходит, что Дубровский как своего рода литературный кентавр объединил в своем образе козловского и игуменского персонажей? Что ж, вполне убедительное и имеющее право на жизнь предположение — характеры-то и ситуации действительно выписаны в повестушке исконно руские. Да и сельцо, ставшее местом действия разыгрываемых событий, Александр Сергеевич назвал Кистеневкой, как и свое родовое, исконно руское по географической расположенности, владение.

Но как истую патриотку родной страны (да не обидятся космополиты и суперинтернационалисты за такое признание) меня все-таки больше интриговал белорусский след в творчестве руского гения. По трем как минимум причинам. Во-первых, я доверяла классической биографии Пушкина в изложении Леонида Гроссмана из серии "Жизнь замечательных людей", где прототипом Дубровского однозначно назван игуменский дворянин Павел Островский. Во-вторых, стоит покопаться в письмах поэта, чтобы понять, насколько его — несмотря на "великодержавный разум" — волновала национально-освободительная, мятежная война "младших братьев" за свое право "людьми зваться" и содеянный ею в мире позитивный резонанс. Политический привкус всегда наличествовал у настоящей гражданской литературы — свою Отчизну поэты воистину любили странной, с примесью боли и стыда за "грехи правителей" любовью.

Ну и, наконец, надежда умирает последней — мне все-таки хотелось узнать, куда подевался сбежавший из Псковского острога Павел Островский. Если верить архивным данным, посланные по его следам жандармы красавца-беглеца так и не нашли.

...И в редакцию вскоре — спасибо судьбе за чудесные подарки — пришел другой отклик. Нашенский, белорусский.

Я знаком с наследниками Дубровского...

Первое чувство — глазам не верю. Розыгрыш, шутка, случайное совпадение.

"Пишет вам, Людмила, ворчащий отец и ностальгирующий дед, если говорить о возрасте. Зовут меня Барвиюк Алексей Григорьевич. А обращаюсь вот по какому поводу. Несколько лет тому назад от своей соседки по дому Владиславы Иосифовны Папиной я услышал, что ее игуменский предок Островский — прототип Дубровского. Я тактично промолчал, решив: мало ли какие семейные легенды хранит белорусско-польская шляхта. И вдруг читаю небольшую заметку в "Советской Белоруссии" "Островский стал Дубровским". Газету отнес соседке.

Прошло не так уж много времени и еще раз вдруг — читаю ваше подробное исследование со ссылкой на архивные данные!

Вновь газету с публикацией о Дубровском-Островском я отнес соседям — на этот раз с настоятельной просьбой вернуть. Но с большими извинениями мне ее не отдали — отвезли в родовое гнездо Рованичи, где, отказавшись от трехкомнатной столичной квартиры, проживает нынче Владислава Иосифовна.

Надо же было мне умыться ледяной водой и получить воспаление локтевого нерва правой руки, когда не только писать, но и расписаться за пенсию стало проблемой. Словом, только через три месяца я смог кое-как овладеть машинкой и сесть за письмо в редакцию. Вы ищете пушкинские прообразы — вот же они, их наследники, живут со мной по соседству".

И дальше — адрес и телефон для связи.

Почти булгаковская чертовщина

...Нет, судьба все-таки — величайшая в мире интриганка и кокетка: поманит подарком-сюрпризом, а потом заставит за ним побегать, как за горшком с золотом. Недаром говорят, что клады открываются не всем и не сразу.

Сюрпризное письмо я распечатала, стоя, можно сказать, одной ногой на границе и пребывая в отпускном настроении. Вернувшись же к родным пенатам, вдруг обнаружила, что началась почти булгаковская чертовщина. Завязанные с величайшим тщанием концы развязывались по самым бытовым причинам. Любезный моему сердцу А. Барвиюк приступил к лечению зубов и временно стал неразговорчивым. Приболела главная хранительница фамильных преданий об Островских Владислава Иосифовна. Потом заболела ее внучка, из-за чего сорвалась намеченная "пристрелочная" встреча с дочкой, протоколирующей семейный "родовод". Потом затерялись старинные фамильные фотографии и долго отыскивались-собирались по родне. Потом, ублажив родное телевидение романтическим хождением по осенним листьям, заболела я сама, успев наобещать республике предъюбилейную пушкинскую сенсацию.

Боже, из каких же хрупких нитей, сплетенных из элементарного везения или, наоборот, неудач, состоит поисковая, исследовательская журналистика!

Наберись, читатель, терпения, как набралась его я, — потому что наконец мы приступим к главному, собрав и держа на руках почти все: три старинные, из прошлого века, фотографии Островских, выцыганенные по обнаруженным в Беларуси фамильным каналам под "супершляхетное слово", и живые свидетельства наследников древнего рода.

Родословная рованичских Островских

...Ах, как все на диво ладно сходится — аж дух захватывает! “Архивный” мятежник Павел Островский жил, пока не стал благородным повстанцем-разбойником, в “родовом имении” на Игуменщине. Деревня Гайдукова Слободка, где проживает нынче Владислава Иосифовна Папина с супругом, расположена в двух километрах от современных Рованичей.

— Павел Островский (а тот ли или нет, что вам нужен, — решайте сами) был моим прапрадедом. После мятежа, как гласит фамильное предание, вернулся в Рованичи, куда за отдаленностью и окруженностью лесами добирались лишь рыси да медведи. Рысей водилось так много, что набрасывались даже на здешних коров и задирали их. Про Павла в нашем роду старались говорить мало. Известно лишь, что был у него единственный сын Ксаверий, который очень поздно женился — зато на писаной красавице Павлине. Девушка (а она доводилась мне бабушкой) была из бедных, намного моложе супруга, а потому муж нанял для нее гувернантку. Таким образом она получила хорошие манеры и образование.

Видели б вы, какая это была благородная, статная женщина! Лишнего не съест и не выпьет, правда, любила в нервную минутку закурить, что злило домашних, которые старались отобрать у нее папиросы. Бабушка Павлина дожила до 92 лет и умерла где-то в середине войны — Великой Отечественной, разумеется. Помню, что свой фирменный табачок она выращивала и нарезала для партизан, частенько заходивших к нам в дом. Детей у Павлины было пятеро: старший сын Антек 1882 года рождения, дочка Марцелина, Болеслава с 1890 года родом (моя мама, значит), Ксаверий и младший Мартин. Почти всех, кроме старшего Антека, разнесло-разбросало по свету: красавца Ксаверия, который, по слухам, был больше всего похож на деда-мятежника, репрессировали в 1937 году. Марцелина вышла замуж за управляющего имением и жила в Клесино под Киевом. Мартин эмигрировал в Америку и там пропал. Ну а у Болеславы — моей мамы, была своя особая, трагическая судьба, — на этом месте Владислава Иосифовна замолкает и не может сдержать слез.

В заснеженную хатку Папиных, совсем не напоминающую родовое панское гнездо, а больше похожую на милый дачный домик с печкой-лежанкой, нас набилось как семечек в созревшую тыкву. Мы с фотокором газеты Артуром Прупасом, секретарь Рованичского сельсовета Жанна Ивановна Марьюшич, старший научный сотрудник Червенского краеведческого музея Вячеслав Бернардович Мыслицкий. Интерес сюда привел нас праведный, а не праздный: на наших глазах пишется, а точнее повествуется отечественная история. Да еще какая!

— Мама моя, Булеся, как называли ее в деревне, по любви замуж вышла. За Иосифа Абелевича Иоселевича. И его и ее родители были против этого брака, но молодые настояли на своем. Потому маме дали в приданое лишь платье, 16 колец и брошь в виде страусиного пера с каменьями. Папа, когда ставил стекла односельчанам, вынимал самый большой камень из оправы и резал им стекло. Почти все кольца в смутные времена маме пришлось отдать грабителям, когда те потребовали выкуп за родную сестру мужа. А брошь уже после того, как вернулись наши, украл зашедший в дом солдат. Нет, не немецкий — наш, что особенно обидно. Мама брошечку эту по настоянию бабушки всегда на шее носила — как последнюю фамильную реликвию на черный день: чтобы детям на кусок хлеба обменять. А после бани вдруг выложила на стол — и все, с концами. И знала ведь, кто украл, да пожаловаться не могла — вдова "врага народа"...

Нет, не хочется мне все это вспоминать — сердце-то у меня нынче на батарейках, может и не выдержать. Много, много горя на мою долю выпало, но винить никого в этом не хочу. Главное, чтоб такое больше никогда не повторилось.

Значит, папа мой был арестован 24 августа 1937 года. Был он к тому времени председателем здешнего колхоза имени Ланцуцкого. И взял меня с собой в Червень на большое районное совещание. Я этот день никогда не забуду. До мельчайших деталей буду помнить. В городе я впервые увидела самолет, взмывший над окраиной, и громко закричала: "Что это, что это?" А папа, никогда не повышавший на домашних голоса, меня пристыдил: веди, мол, себя в приличном обществе, как воспитанная барышня.

На совещании он и пропал. Я ходила вокруг здания, где сидели собравшиеся люди, и не могла его найти. Что делать в такой ситуации одиннадцатилетней девочке? Знакомые взрослые, к кому я пыталась обратиться, отводили глаза и говорили, что папу вызвали в Рованичи. Но я-то знала, что мой папа никогда бы не бросил меня одну. И тогда я прорвалась к трибуне и сквозь слезы закричала: "Отдайте моего папу". И у всех собравшихся глаза стали мокрыми. И какой-то добрый взрослый помог мне найти нашего коня, на котором мы с отцом приехали в район, закрыл сеном и отправил обратно в Слободку. Говорят, в тот же день меня хотели забрать в детдом — как беспризорную дочку "польского шпиона", заразившего колхозных коров менингитом.

Сделаем паузу — переведем дух. И чтобы задуматься, и чтобы помнить, и чтобы пожелать неповторения пройденного потомкам. Неужели у роковых цифр отечественной истории есть своя циклическая трагичная закономерность? Мог ли великий провидец Пушкин предугадать, что сто лет спустя после черной даты его гибели наступит другая злая эпоха, когда миллионы соотечественников поэта, в том

числе и возможные наследники его романтических героев, будут безжалостно уничтожены кровавым маховиком репрессий! Предчувствовал ли, предвидел ли своим гениальным воображением почти вселенскую беспощадность монархов с кровавыми мальчиками в глазах? Или все же не представлял сквозь пелену двухсотлетнего далека, как слово гения отзовется?

Когда арестовали главу семейства Иоселевичей, Янека — старшего брата Влады и красного офицера — тоже отправили в тюрьму. Мать осталась с младшим Эдуардом и Владей на руках. Однажды, все еще продолжая верить, что произошло недоразумение, пешком понесла мужу теплый кожух в Червень. Но когда ее столкнули с порога тюрьмы так, что она в кровь ободрала лицо и колени, поняла, что добра не будет.

В Гайдуковой Слободке — католической деревеньке, затесавшейся по причуде судьбы среди православных околиц, достаточно скоро это поняли все. Да и как не понять, если пытавшееся быть грамотным и проводить вечера со шляхетными балами по вечерам, когда кавалерам разрешалось приглашать барышень на танец только с платочком в руках, с реверансами и культурными речами, сельцо было признано злостным рассадником "врагов народа". И в страшном 37-м из трех десятков дворов Слободки "черные вороны" вывезли практически всех мужчин. Недаром многим здешним старожилам кажется, что все страшное произошло в одну роковую, трагическую ночь.

И только полвека спустя практически все были окончательно реабилитированы. Совсем недавно, как поведал мне Вячеслав Мыслицкий, в местный музей поступили документы о реабилитации 637 безвинных жертв Червенщины.

В годы Великой Отечественной Гайдукова Слободка вновь потеряла мужчин — успевших подрасти при безотцовщине подростков, ушедших кто на фронт, а кто в партизаны. В партизанском отряде героически погиб и Эдуард Иоселевич — родной брат Владиславы Иосифовны.

У красавицы Влады был достойный кавалер, навещавший ее еще с партизанских времен. Но после войны отправили его на партийную учебу с перспективой дальнейшего служебного повышения, которое, разумеется, было бы абсолютно невозможным, если б в анкете у него появилась запись о жене из стана "врагов народа". А потому, как сама говорит, замуж вышла за того, кому терять было абсолютно нечего и кто присох к ней душой и телом на всю оставшуюся жизнь. Куйбышевский парень Петр Папин, простреленный на фронте и приблудившийся в червенские окрестности, предложил ей руку и сердце. Так и прожили с ним жизнь.

Петр Иванович работал главным бухгалтером в третьей автобазе столицы, а Владислава Иосифовна — инженером в бюро технической инвентаризации, что располагалось в Войсковом переулке. Расценива-

ла и делала паспорта, как сама выражается, на самые разные столичные постройки и объекты, за которые никто не хотел браться, начиная от Комаровского рынка и кончая старым зданием Дома правительства.

Вместе с двумя детьми — сыном Виктором и дочкой Еленой жили в скромной двухкомнатной квартире. Теснились, но терпели. И Бог, видимо, заметил их терпение. А точнее — Петр Миронович Машеров. Однажды, когда времена были уже потеплевшие, как благословенная весна после долгой зимы, когда в грозном желтом здании с колоннами на главном проспекте Минска добрый человек ей, добивавшейся правды об отце, поведал, что никогда она не увидит Иосифа Иоселевича по причине его безвинной гибели, когда уже и соответствующая бумага пришла ей об этом, а в очередной раз занемогший от сидящих в шее фронтовых осколков Петр Папин лежал в Боровлянском госпитале, приехал туда легендарный белорусский Первый секретарь. И в числе прочих былых ветеранов, встреченных там, поинтересовался у своего тезки, в чем нужда того состоит. И Петр Иванович Папин поведал, что тесновато им вчетвером — при его хворях-то, когда в ненастные времена благим ором приходится от боли кричать на весь дом, в скромной квартирке. Ничего не сказал тогда Петр Миронович — только руку на прощание пожал. Но в очень скором времени явился к Папиным некий дотошный чиновник, все сказанное фронтовиком перепроверил в ЖЭСе, после чего Папиным вручили ордер на трехкомнатную квартиру в том же доме, где обитали они до сих пор. Правда, теперь "машеровскую" квартиру Владислава Иосифовна с Петром Ивановичем оставили старшей дочери Елене с семейством, а сами перебрались в Гайдукову Слободку — поближе к "фамильным" Рованичам.

Наверное, в этом месте можно было бы поставить точку, если б еще не пару уточняющих и весьма романтических обстоятельств, необходимых для полного понимания "родовода" Островских.

Пусть живет шляхетная честь!

О, хлебосольство белорусского дворянства — а все Островские считают себя белорусской шляхтой, упирая больше на первое слово в определении, чем на второе, а некоторые, как та же Владислава Иосифовна, еще помнят и коленопреклоненное стояние на песке в польской школе за подслушанную строгой пани-учительницей простонародную белорусскую речь, — запомнится мне надолго! Согласно этикету я ведь должна была погостить и выпить заздравную чашу и с женской, и с мужской линией наследников игуменского Робин Гуда. Зато и узнала я практически все, что хотела узнать.

Живущий и нынче в Гайдуковой Слободке — вопреки грозным ветрам истории — сын Антека Иосиф Антонович Островский — старший

праправнук, так сказать, Дубровского, работал в здешнем колхозе механизатором. Репрессии, к счастью, не коснулись этой ветви рода Островских, а вот родители жены Иосифа Антоновича пострадали: особенно глава семейства — сельский кузнец, который за отказ доносить на сельчан был сгноен в Сибири. Старший сын Иосифа Антоновича Виктор, работающий нынче заместителем директора столичного завода электромонтажных изделий, разыскал в фамильном альбоме и любезно предоставил для газеты старинную фотографию. Можно сказать, реликвию рода, поскольку, как оказалась, она уцелела в единственном экземпляре среди всей родни — ибо весь семейный архив Иоселевичей в 1937 году был во время обыска конфискован. Изображены на ней красавица Павлина, невестка, так сказать, Островского-Дубровского, ее сын Ксаверий, больше всего, повторю мнение родни, похожий на мятежного деда, а также многострадальная Болеслава и пропавший в Америке Мартин.

Дотошного — не меньше, чем журналисты, краеведа В. Мыслицкого заинтересовало, уж не знаменитый ли на Червенщине пан Слатвинский, чье роскошное имение нынче бесхозно гибнет в Рованичах, послужил прототипом антипода Дубровского-Островского — помещика Троекурова. Как истый знаток фамильных преданий, Владислава Иосифовна тут же внесла ясность, поведав, что легендарный Слатвинский был из купцов и разбогател на “наполеоновском золоте”. Мол, вырубал сто с лишним лет назад его крепостной мужичок лес, стал жечь пни, а тут и поплыла неведомая желтая масса. Бросился селянин к пану за разъяснением, а тот ему за находку предложил 25 рублей, после чего мужик крепко встал на ноги, а сам пан разбогател настолько, что смог и дворец отгрохать, и спиртзавод по соседству, который, кстати, и нынче здравствует и дает продукцию — в отличие от разрушающегося замка.

Вот где, оказывается, наполеоновское золото зарыто, — так что не мудрите, неутомимые кладоискатели, все давно найдено. И, как уверяет Владислава Иосифовна со ссылкой на все те же фамильные предания, ретивые французы еще до революции в здешние края наезжали и все в местных лесах рулетками замеряли.

Так ли, нет ли, как говаривали в сказках, судить не берусь — скажу лишь одно: французы через эти места, как подтвердил мне все тот же В. Мыслицкий, действительно проходили и чуть не утопли при отступлении в коварных здешних болотах: в честь этого события даже переименовали деревеньку Драхчу Буглацкую в Кутузовку. Ну а что касается архивного прототипа Троекурова, то напомню, что сбежавший из Острога Павел Островский служил, согласно документам, у некоего помещика Помарнацкого, чьих следов я, к сожалению, пока не разыскала.

Ну и, наконец, вопрос третий, последний и наверняка главный. Мог ли в те послеповстанческие времена сбежавший из острога мятежник, чьи розыски учинила полтора века с лишком назад полиция, как ни в чем не бывало вернуться в родные края и, женившись, благополучно доживать свой век?

Такой вопрос я решила задать самым компетентным людям в этой ситуации — белорусским историкам, подробно исследующим все вехи богатой национальной биографии. И хотя, повторюсь, имелись свои личные предположения, что именно так и было в действительности — ибо уж больно формально, с перепутыванием имени мятежника и показным усердием велись поиски, — консультировали меня настоящие знатоки прошлого века: заместитель декана исторического факультета Белгосуниверситета, кандидат исторических наук, доцент Александр Геннадьевич Кохановский и защитившая кандидатскую диссертацию по восстанию 1830–1832 годов старший преподаватель истфака Ольга Васильевна Горбачева.

Да, подтвердили историки: такое, хотя и не обязательно, вполне могло произойти. Бывали случаи — многих мятежников в силу юного возраста и недоказанности вины отправляли в семью на поруки и домашнее воспитание. К тому же у полиции в те времена было помимо детективных поисков столько цивильных — например, перепись населения — забот, а штатных полицмейстеров столь мало, что Островский-Дубровский мог оказаться в числе тех 12 из 15 тысяч повстанцев, чей след благополучно канул в Лету. То бишь, вернулся бунтарь в глухие Рованичи, куда суровыми зимними вечерами заглядывали лишь рыси, медведи да волки. И куда даже долгое время после войны, Великой Отечественной, разумеется, не ходил рейсовый автобус. И потому правнучка бунтаря (если я, конечно, не ошибаюсь и не выплывет вдруг какой-нибудь очередной “кавказский след”) и дочка “врага народа” Влада Иоселевич, добираясь с минских курсов в “родовое имение”, ловила попутную телегу или заветный грузовичок.

Все уходит — история остается. Наша общая история...

1999

Яўген Гучок

БЕЛАРУСКІ ЛЁС АРЫНЫ РАДЗІВОНАЎНЫ

Калі параўноўваць лёс Арыны Радзівонаўны Якаўлевай, нянькі Пушкіна, з лёсам Беларусі, яны, гэтыя лёсы, вельмі і вельмі падобныя сваёй трагічнасцю, якую парадзілі шчодрасць душы, вялікі мастацкі талент і рабскае становішча ў свеце. Праўда, у даным выпадку пра рабства людзі неяк стараюцца не гаварыць, і таму ствараецца ўражанне, што яго нібыта і не было: наадварот, мы аказваемся ў палоне ідылічных уяўленняў аб гэткім цёплым і мілым існаванні і чалавека, і краіны пад крылом сваіх зямных гаспадароў. А існаванне гэта — ох, якое нялёгкае. Менавіта такім было яно і ў Арыны Радзівонаўны.

Мала хто ведае, што нянька Пушкіна сама мела чатырох дзяцей ад мужа Фёдара Мацвеева, карэла па нацыянальнасці (памёр у 1798 г.) : Ягора (1782); Надзею (1788), у будучым жонка дзядзькі Пушкіна — прыгоннага Мікіты Казлова; Марыю (1789); Стэфана (1798). І што, калі яна карміла сваіх дзяцей, ёй было загадана ўласнымі грудзьмі выкарміць панскіх: Вольгу і Аляксандра. Апроч гэтых дваіх яна карміла яшчэ некаторых з пяцярых дзяцей Пушкіных (яны ў маленстве памерлі). Самага малодшага, восьмага — Льва — толькі даглядала. Паміралі дзеці і ў яе; тады яна карміла толькі панічоў. Пры кармленні была чарга: спачатку панскія дзеці, а потым ужо свае. Трэба сказаць, што бацькі паэта, як, відаць, і большасць людзей гэтага асяроддзя, мала займаліся сваімі дзецьмі, перадаручаючы іх нянькам і наёмным настаўнікам.

Па кодэксу маралі і гаспадарчай раскладцы тых часоў прыгонныя такога рангу, як нянька, мелі вельмі абмежаваную магчымасць гадаваць сваіх маленькіх дзяцей, не гаворачы ўжо пра ўнукаў; больш таго — разлучанасць праследавала і бацькоў і дзяцей на працягу ўсяго іх жыцця. І часта любоў да сваіх дзяцей у прыгонных пры такіх абставінах знаходзіла выйсце ў любові да панскіх. Паны гэта вельмі добра засвоілі.

...Уважліва ўчытайцеся ў верш Пушкіна “Няне”, і вы адчуеце стан адзінокай чалавечай душы. Ці не таму Арына Радзівонаўна пры яе лірычным таленце часам зазірала ў кілішак? Нас зачароўвае прыгажосць верша “Зимний вечер”, але колькі там тугі і нязбыўнага душэўнага болю. І гэта пры тым, што там дзве жывыя душы, і келіх, і віно.

Хто, надзелены шчодрасцю і спагадлівасцю да іншых, не хацеў бы таго ж для сябе?! Ды дзе там! Яе, такой шчодрасці, не выяўляецца. Інакш ведалі б мы сёння, дзе пахавана нянька паэта.

Летам 1828 г. Арына Радзівонаўна пераехала з Міхайлаўскага ў Пецярбург да толькі што выйшаўшай замуж Вольгі Сяргееўны Паўлішчавай (Пушкінай) і ў тым жа годзе, на 70-м годзе жыцця, памерла. Дзе яе пахавалі, ніхто не ведае і па сённяшні дзень. Адны сцвярджаюць, што на Смаленскіх могілках, другія — што на Мала-Охцінскіх (і тыя, і другія ў Пецярбургу), трэція — што ў сяле Міхайлаўскім. Але факт: магілы няма. Сам Пушкін жыў яшчэ цэлых дзевяць гадоў пасля смерці сваёй нянькі, але, відаць, і ён не наведаў той сумны ўзгорак. На жаль, нам пра тую магілу не змаглі паведаміць ні дзеці, ні ўнукі, ні праўнукі... самой Арыны Радзівонаўны. Дык што ўжо тут гаварыць аб велізарным, планетарнага размаху арэале пушкінскай радні: гэта іншы сацыяльны ўзровень. Каб усё гэта выглядала інакш, каб было вядома месцазнаходжанне магілы, то не пісаў бы паэт, сябар Пушкіна, М. М. Языкаў у 1830 г. у вершы “На смерть няни Пушкина”: “Я отыщу тот крест смиренный...” Нельга не заўважыць, што тут жа Языкаў гаворыць і пра ўплыў Арыны Радзівонаўны не толькі на Пушкіна, але і на паэтаў яго асяроддзя.

І ўсё-такі чым жа вытлумачыць такія адносіны да жанчыны, якая адыграла выключную ролю ў фарміраванні дзіцячых уражанняў паэтычнага генія, да жанчыны, якую гэты геній, паводле слоў роднай сястры паэта, палюбіў з дзяцінства і ацаніў яе дар, калі жыў на выгнанні ў Міхайлаўскім? Неабходна адзначыць, што ад Арыны Радзівонаўны захаваліся ў запісах паэта сем казак і дзесяць песень. Казкі пра цара Салтана, пра папа і пра яго работніка Балду таксама падарыла Пушкіну яго нянька. Сюжэты некаторых казак Арыны Радзівонаўны паэт прэзентаваў сваім сябрам, напрыклад, пра цара Берандзея — В. А. Жукоўскаму. Як сведчыла тая ж сястра Пушкіна — Вольга Сяргееўна, нянька па-майстэрску расказвала казкі, ведала некаторыя павер’і і сыпала прыказкамі і прымаўкамі. Натуральна, што і ў яе будучы паэт вучыўся прыгажосці і вобразнасці рускай мовы. З імем Арыны Радзівонаўны звязаны многія творы паэта. Гэта: “Ах, умолчу ль о мамушке родной...”, “Сон”, “Зимний вечер”, “Няне” (“Подруга дней моих суровых...”), “Вновь я посетил...” ...Шырокую вядомасць імя нянькі Пушкіна набывае пасля таго, як выходзіць у свет у 1828 г. трэці раздзел “Яўгенія Анегіна”, дзе аўтар не ўтойвае, што Арына Радзівонаўна — “оригинал няни Татьяны” — Філіпаўны. Гэта ж датычыцца і вобраза нянькі Уладзіміра Дуброўскага — Арыны Базыровай, а таксама мамушкі царэўны Ксеніі ў “Барысе Гадунове”. Дарэчы, “Дуброўскі” напісаны на беларускім матэрыяле; гэта агульнавядома, але ўсё ж яшчэ раз нагадаем пра гэта.

І раптам такі вынік...

Ніхто з сяброў Пушкіна не ведаў, дзе ў знак памяці аб той, што захапіла і іх уяўленне, пакласці свежыя кветкі. Не засталося і прыжыццёвага партрэта Арыны Радзівонаўны, хоць ёю былі зачараваны ўсе, хто наведваў Пушкіна ў яго нялёгкія часы. Партрэт нянькі не з'явіўся і пасля яе смерці (пры жыцці паэта). А тады ж было модным замаўляць партрэты — і свае, і сваіх блізкіх.

Чаму так? Звычайныя няўважлівасць і няўдзячнасць? Чыясьці зайздрасць і рэўнасць? Нездарма пляменнік Пушкіна Л. М. Паўлішчаў у сваіх "Успамінах" пра дзядзьку скардзіцца на тое, што біёграфы і сябры празмерна перабольшвалі ролю непісьменнай сялянкі-нянькі Арыны Радзівонаўны ў паэтычным лёсе паэта. Наадварот, ён звыш меры проціпастаўляе гэтаму ўплыў на Пушкіна-дзіця сваёй маці Вольгі Сяргееўны.

А можа, яшчэ што?!

Усё можа быць на гэтай зямлі...

А цяпер давайце паглядзім на тыя абставіны, што могуць у нейкай ступені сведчыць аб беларускім паходжанні нянькі Пушкіна. У некаторых гістарычных і літаратурных крыніцах паведамляецца, што сваім нараджэннем Арына Радзівонаўна Якаўлева, у замужжы — Мацвеева (1758–1828) звязана з Кобрынам. Адразу прыходзіць думка, ці не з тым, што пад Брэстам? Пасля трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай гэты гарадок быў уключаны ў склад Расіі і ўказам Кацярыны II ад 15 жніўня 1795 г. падараваны ў вечнае і спадчыннае валоданне генерал-фельдмаршалу графу Аляксандру Сувораву-Рымнікскаму.

А можа, з якім іншым? Аказваецца, ёсць яшчэ адзін Кобрын, які сваю генеалогію, па ўсёй верагоднасці, вядзе ад першага. А першы, як вядома, у 1404–1519 гг. быў цэнтрам Кобрынскага княства, а ў 1589–1766 гг. меў магдэбургскае права. І, як і многія беларускія населеныя пункты на вымарачнай да таго часу Рэчы Паспалітай, ён таксама падвяргаўся нападам з боку Расійскай дзяржавы. У час сваіх рэйдаў царскія войскі вельмі часта гналі ў палон многа нашых людзей.

Адначасова Расія, асабліва пры маладым імператары, праяўляла вялікую актыўнасць па заваяванню і асваенню Балтыйскага ўзбярэжжа. Імкнучыся да хутчэйшага засялення гэтага краю, Пётр І пры раздачы тэрытарыяльнай здабычы членам царскага дома, сваім палкаводцам і дзяржаўным дзеячам абавязваў новых уладароў пасяляць у іх памесці сялян з вялікарасійскіх губерняў і, вядома, з Польшчы. Прыгонных пасялялі, як правіла, не на голым месцы, а ў захопленых мызах. "Мыза [mois] — па-эстонску — асобны маёнтак з сельскагаспадарчымі пабудовамі; хутар у Эстоніі, Фінляндыі і іншых раёнах Прыбалтыкі. Так, мыза "Гатчына" захавала сваю назву ад гоцкай — "дарога цераз балота". Мыза "Руноўская" сваю назву вядзе ад скандынаўскай runa —

“песня”. Адносна паходжання назваў сяла Кобрына і рачулкі Кобрынка можна сказаць, што з усіх тлумачэнняў не адпадае і тое, што яны, гэтыя назвы, прыйшлі сюды разам з прыгнанымі з Кобрына брэсцкага ці Кобрыншчыны людзьмі. Бедныя кобрынцы, ім толькі і засталося, што мілыя сугуччы ад імя іх Радзімы.

Гэтыя мясціны Пётр I у свой час прэзентаваў свайму паплечніку Пятру Мацвеевічу Апраксіну. У 1757 г. уладанні Апраксіна набыў арап Пятра Вялікага — Абрам Пятровіч Ганібал, прадзед Пушкіна па маці. Потым яно было падзелена паміж яго сынамі. Частка маёнтка Восіпа Абрамавіча Ганібала пры разводзе з жонкай Марыяй Аляксееўнай Ганібал (гэта дзед і бабка паэта па маці) па суду адышла ў яе валоданне. Пасля некаторага драблення ўладанні бабулі Пушкіна былі прададзены зусім. За выручаныя грошы адразу ж быў куплены падмаскоўны маёнтак Захарава, дзе ў акружэнні бабулі і нянькі правёў сваё шчаслівае дзяцінства будучы паэт.

Дык вось, паводле сведчанняў сястры Пушкіна Вольгі, Арына Радзівонаўна была родам з сяла Кобрына, якое знаходзілася вярстах у шасцідзесяці ад Пецярбурга. Некаторыя сведкі сцвярджаюць, што нянька Пушкіна нарадзілася ў Суйдзе (Васкрасенскім), а ў Кобрын была аддадзена замуж. Прыгонны “стаж” Арыны Радзівонаўны выглядае так: 1 год —прыгонная Апраксіных, 22 гады — самога Ганібала, потым — у яго сына, потым — у бабулі паэта. Заўважым, што пры продажы Кобрына Арыну Радзівонаўну з яе дачкой Надзеяй гаспадыня пакінула сабе. Надзея і яе муж — Мікіта Казлоў па волі гаспадароў жылі разлучана: яна ў Захараве, ён у Пецярбургу, пры Пушкіне. Не бачыліся гадамі. У 1799 г., як сцвярджаюць многія літаратурныя крыніцы, Арына Радзівонаўна атрымала вольную, але палічыла за лепшае застацца ў Пушкіных.

Хто ж былі бацькі Арыны Радзівонаўны? Яны — Радзівон Якаўлеў (1728–1767) і Лукер’я Кірылава (1730–1796/97) былі прыгоннымі графа Фёдара Апраксіна. Радзівон Якаўлеў (Якаўлеў — гэта не прозвішча: прыгонныя ў Расіі прозвішчы мелі вельмі рэдка; відаць, Якавам звалі яго бацьку) па дакументах вядомы як сірата, якога ўсынавілі Пётр Палуэктаў (1692–1773) і Васа Емяльянава (1698–1754), прыгонныя таго ж Апраксіна. Пётр прозвішча меў, бо заслужыў яго сваім даглядам за прыгоннымі. Бацькі асірацелых нідзе не ўпамінаюцца. Паўстае законнае пытанне, ці не з’явіліся гэтыя сіроты-падлеткі тут разам з іншымі, дарослымі кобрынцамі-беларусамі? І ці не чужына, да ўсяго, і зблізіла іх, і паслужыла перадумовай стварэння сям’і, у якой потым нарадзілася сямёра дзяцей? Сям’я гэта рана страціла бацьку. Сярод усіх з сям’і асабліва цяжка даводзілася Арыне як старэйшай з дзяцей. А было ёй тады толькі 10 гадоў. І жыццё яе, як пачалося бязрадасна, так без радасці і прайшло.

Звернемся цяпер да іншых фактаў, якія маглі б дадаткова сведчыць аб адносінах Арыны Радзівонаўны да такой жа шматпакутнай, як яна сама, Беларусі. Цікавым бачыцца факт, што паўстанне прыгонных Ганібала (1766) вылілася ва ўцёкі ў Польшчу. Ці не дадому?! А як растлумачыць той факт, што адзін з сыноў Арыны Радзівонаўны меў зусім не характэрнае для Расіі мужчынскае імя — Стэфан? (Імя гэта было распаўсюджана ў Рэчы Паспалітай, відаць, у гонар славутага караля і змагара супраць маскоўскай навалы — Стэфана Баторыя.) Прыгадаем, што само імя Арына, як і імя Радзівон, адносіцца да старажытных беларускіх імёнаў. Даследчыкі жыцця і творчасці Пушкіна часта ўказваюць на мілагучнасць і напеўнасць мовы Арыны Радзівонаўны. Гэтыя якасці чалавечай мовы жывуць і сёння на Беларусі, асабліва на Палессі. Пра беларускія элементы ў мове нянькі Пушкіна гаворыць фанетычнае афармленне, што дайшло да нас у двух невялікіх лістах, якія былі адрасаваны ёю да паэта 30 студзеня і 6 сакавіка 1827 г. Адказу на іх, праўда, не маем. Як першы ліст, напісаны пад дыктоўку кімсьці з малапісьменных дваровых, так і другі, запісаны таксама пад дыктоўку, але ўжо Ганнай Міхайлаўнай Вульф, сведчаць аб наяўнасці сінхроннага гучання некаторых слоў і выразаў Арыны Радзівонаўны, з аднаго боку, і сучаснай гутарковай мовы (заходнепаляшуцкі дыялект), з другога. Напрыклад, “дружочик”, “мачиха”, “Арина Родивоновна”, “цалую ваши ручки”. Чытаючы гэтыя лісты, адчуваеш, як у стыхіі рускай мовы бруіцца беларуская гаворка.

Заключаючы гэтыя разважанні пра лёс Арыны Радзівонаўны, хочацца выказаць шкадаванні ў наш агульны адрас, што мы, якія праяўляем вялікую цікаўнасць і да донжуанскага спісу Пушкіна, праходзім міма трагічнага лёсу чалавека, які так па-анёльску паўплываў на паэта.

Так, лёс Арыны Радзівонаўны трагічны, як трагічны лёс Беларусі. І ці не адсюль мой боль, несціхаючы, патаемны боль? Толькі падумаць, што пры шчаслівым збегу акалічнасцей зямля Беларусі магла б мець сваю Сафо, сваю чарадзейку слова...

Вось, бадай, і ўсё.

Што да скарыстанай літаратуры, то аўтар не падае яе спісу таму, што пералік складзе некалькі аб’ёмаў гэтага матэрыялу, таму што Пушкініяна— бязмежная.

1991

Міхаіл Мельнікаў

ПУШКІН ПРА НАШ КРАЙ

У сваёй вядомай працы "Гісторыя Пятра" вялікі паэт неаднойчы ўпамінаў пра Магілёў і Крычаў, Мсціслаў і Чэрыкаў, Быхаў і Прапойск, іншыя гарады і населеныя пункты Беларусі. Вялікую цікавасць выклікаюць гэтыя старонкі, важнае значэнне маюць яны для вывучэння Пушкініяны Магілёўшчыны, дазваляюць зрабіць куды больш цікавымі ўрокі літаратуры ў нашых школах.

Пушкін у "Гісторыі Пятра" (Поўн. зб. тв.: У 6 т. М., 1946. Т. 6.) расказвае пра ход Паўночнай вайны са шведамі, прыгадвае пра тое, што цар бываў у Дуброўне, Оршы, Мінску, Гомелі...

Асабліва цікавыя для нас старонкі, прысвечаныя 1708 году, калі руская армія адышла на Магілёўшчыну. Ідзе гаворка пра бой пад Галоўчынам, які стаў для шведаў апошняй у гэтай вайне перамогай, а для рускіх — апошнім паражэннем, пра падзеі ў Магілёве. Потым — звесткі аб тым, што "Пётр с палавінай пяхоты прыбыў у Мсціслаў". Далей — апісанне руху Карла XII ад Магілёва да Чэрыкава, а Пятра — насустрач ворагу да Расны і Чавус, пра яго пераправу цераз Проню і заняцце Доўгавіч. Гаворыцца аб тым, што Пётр рухаўся да Крычава "ў пяці мілях ад Чырыкава".

Прыйшоўшы ў Крычаў, цар "загадаў абозу свайму пераправіцца цераз Сож і стаць лагерам". І далей "сам жа пераехаў пад Крычавам уброд з гвардыяй, злучыўся са сваім абозам і прыйшоў у мястэчка Барысаўка". Трэба адзначыць, што ў гэтым месцы брод быў з вельмі даўніх часоў. Тут адыходзілі нашы войскі ў 1941 годзе, наступалі ў 1943-м.

У кнізе А. С. Пушкіна даволі падрабязна расказваецца пра бой каля вёскі Добрае (цяпер Мсціслаўскі раён) 29 жніўня 1708 года. Гэта недалёка ад Мышкавіч, а таксама Маляціч, у якіх стаяў Карл XII. Атрыманая, першая за некалькі гадоў вайны на Беларусі, у гэтым баі перамога вельмі ўзрадавала Пятра. Ён паведаміў пра яе ў Пецярбург некалькім іншаземным урадам. Аўтар апавядае і пра славутую бітву пад Лясной, дзе Пётр поўнасцю разграміў 16-тысячны корпус генерала Левенгаўпта. Ён піша: "Бітву пад Лясной Пётр назваў затым маці Палтаўскай перамогі".

У Крычаўскім краязнаўчым музеі нямала матэрыялаў і схем, прысвечаных баям войск Пятра ў нашым краі. Паэт высока цаніў дапамогу

беларускага народа рускім войскам. Ён адзначаў, што многія са шведаў загінулі ад рук мужыкоў. Аб гэтым жа знаходзім нямала радкоў у вучонага-гісторыка А. Меера, які пісаў, што крычаўскія мужыкі, стараючыся дапамагчы рускім, закопвалі ў зямлю свае пажыткі і падаваліся ў лес. Перагароджвалі заваламі лясныя дарогі, знішчалі інтэрвентаў, хадзілі ў разведку. А адзін з сялян, які жыў каля Крычава, даў згоду шведам правесці іх самым кароткім шляхам на Украіну, бо ворагі разлічвалі пасля хуткага маршу ўзяць там гарады-крэпасці, але завёў у такія лясныя балоты, адкуль многія захопнікі не змаглі выбрацца. Беларускі Сусанін быў пакараны страшнай смерцю.

У гэты ж час украінскія гарады, да якіх накіроўваўся Карл, паспелі падрыхтавацца да абароны і вытрымалі ўдары з дапамогай падаспеўшых рускіх воінаў. Вось якое стратэгічнае значэнне меў подзвіг невядомага дагэтуль беларускага селяніна-патрыёта.

Ён загінуў ад рук захопнікаў у глыбіні бранскіх лясоў, сярод балот, але выканаў свой абавязак перад радзімай, дапамог рускім братам. Думаецца, паэты і пісьменнікі, скульптары і мастакі Магілёўшчыны яшчэ ўвекавечаць у сваіх мастацкіх творах подзвіг земляка. Вельмі шкада, што нельга ўстанавіць імя героя, але подзвіг яго вядомы і жыве ў людской памяці.

1991

Аляксандр Рогалеў

ПУШКІН І ПАСКЕВІЧ: ЭПІЗОДЫ З БІЯГРАФІІ ДВУХ ЗНАКАМІТЫХ ЛЮДЗЕЙ

Паскевіч-Эрыванскі, граф Іван Фёдаравіч, найяснейшы князь Варшаўскі, у гісторыі Гомеля пакінуў след куды больш яскравы, чым заснавальнік новай рускай літаратуры, вялікі паэт Аляксандр Сяргеевіч Пушкін. Уладальнік гомельскага палаца-паркавага ансамбля (з 1834 па 1856 год) і часткі горада (з 1883 года), І. Ф. Паскевіч меў непасрэднае дачыненне да развіцця Гомеля і стварэння яго аблічча. Паэт А. С. Пушкін, як мяркуюць краязнаўцы, толькі аднойчы праязджаў праз Гомель. Першы раз — у 1820 годзе на шляху ў ссылку ў Кішынёў. Другі раз — у 1824 годзе, калі ехаў з Адэсы ў ссылку ў вёску Міхайлаўскае Пскоўскай губерні (тады як быццам ён перасек толькі павятовы горад Новую Беліцу, а ў Гомель не заязджаў).

Усё гэта так. Але аднаго "колькаснага" падыходу да мінулага, нягледзячы на факталагічную аснову, аказваецца мала для ўсебаковага і шматграннага асэнсавання нашай гістарычнай спадчыны. Пераказ фактаў дазваляе ўсвядоміць толькі тое, што зрабіў Паскевіч для Гомеля і што рабіў тут Пушкін, калі спыняўся ў час паездак. Мы ж павінны ведаць і нешта большае, напрыклад, думкі сучаснікаў, іх адзнакі дзейнасці пэўных асоб, узаемныя ўражанні пад час сустрэч.

У дадзеным выпадку невялікі эпізод з біяграфіі І. Ф. Паскевіча і А. С. Пушкіна дазваляе нам зірнуць на славутага фельдмаршала менавіта ў такім аспекце.

Летам 1829 года адбылася паездка Пушкіна на Каўказ у дзеючую армію (апісанне яе можна знайсці ў знакамітым "Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года"). Пад час гэтага падарожжа Пушкін меў сустрэчы з галоўнакамандуючым асобным Каўказскім корпусам І. Ф. Паскевічам. Дзякуючы паэту мы можам атрымаць уяўленне аб Паскевічу як аб чалавеку.

Першая сустрэча двух знакамітых людзей адбылася вечарам 13 чэрвеня 1829 года. Да жадання Пушкіна зрабіць паход у радах яго войскаў Паскевіч аднёсся з поўнай спагадай, паколькі, як заўважае Леанід Гросман у рамане "Пушкін", у якім асобныя моманты сустрэч Пушкіна з Паскевічам дапаўняюцца цікавымі фактамі, будучы генерал-фельдмаршал (гэтае званне І. Ф. Паскевіч атрымаў у верасні 1829 года) разлічваў на адпаведныя "водгукі" паэта. Ужо ў самым стаўленні да сус-

трэчы з Пушкіным бачны такія рысы характару І. Ф. Паскевіча, як ганарыстасць і славалюбства, на што ўказвалі ўсе сучаснікі, хто яго добра ведаў.

Гэтыя якасці, а яшчэ самаўладарнасць і саманадзейнасць, што таксама адрознівалі Паскевіча, звычайна ўласцівы найбольш актыўным, няўрымслівым асобам ("пасіянарыям", згодна з тэорыяй Льва Гумілёва), якія здольныя падпарадкоўваць сабе людзей і весці іх за сабой, якія ніколі не супакойваюцца і заўсёды парушаюць інерцыю раўнадушша і імкнуцца да змены таго, што іх акружае.

Нездарма, відаць, галоўнакамандуючы асобным Каўказскім корпусам ішоў ад аднаго поспеху да другога, праводзіў, у прыватнасці, вельмі ўдалыя ваенныя аперацыі, нягледзячы на тое, што меў шматлікіх крытыкаў і нядобразычліўцаў. Ды і пераўтварэнні Паскевіча ў Гомелі, хаця тут ён бываў толькі наездам, таксама сведчаць на карысць "пасіянарнасці" гэтага чалавека.

Пушкіну, безумоўна, імпанавала асоба Паскевіча-генерала. Гэта заўважальна хоць бы ў батальных сцэнах "Путешествия в Арзрум...", дзе паэт зусім не дакучліва, як бы мімаходзь указвае чытачу на высокую вытрымку, бясстрашнасць, рашучасць Паскевіча ў моманты кіравання боем. Уражанне, якое пакінуў баявы генерал Паскевіч у Пушкіна, было моцным. Цікава, што ў прадмове да "Путешествия в Арзрум..." Пушкін растлумачвае сваё жаданне напісаць гэтыя дарожныя нататкі неабходнасцю абараніць ад іроніі назойлівых апанентаў не столькі сябе, колькі імя і справы І. Ф. Паскевіча, удзельніка бітваў пад Барадзіно, Малаяраслаўцам, Лейпцыгам, Парыжам. А ў 1831 годзе, за пяць гадоў да таго, як было напісана "Путешествие..." (1836 год), Аляксандр Пушкін прысвяціў Івану Фёдаравічу Паскевічу наступныя ўхвальныя радкі ў вершы "Бородинская годовщина", напісаным непасрэдна пасля ўзяцця 26 жніўня, у дзень Барадзінскай бітвы, прадмесця мяцежнай Варшавы:

Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому Суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

"Тройная брань" — гэта перамогі Паскевіча ў трох войнах: з Персіяй (1827–1828), з Турцыяй (1828–1829) і Польшчай (1831). Асоба Паскевіча ў разуменні вялікага паэта ўвасабляла адзінства і магутнасць дзяржавы, яе веліч і прэстыж на міжнароднай арэне. Дастаткова прачытаць верш "Бородинская годовщина", каб упэўніцца ў гэтым (тут І. Ф. Паскевіч названы прадаўжальнікам воінскай славы Суворава). Дарэчы, гэты верш Пушкіна вельмі злабадзённы, актуальны і ў наш час; па сваёй ідэі ён пераклікаецца з такім вядомым пушкінскім вер-

шам, як “Клеветникам России”, напісаным таксама ў 1831 годзе. Няма тут нічога “імперскага”, “захопніцкага”; нельга падмяняць гэтымі паняццямі такое паняцце, як годнасць дзяржавы, што і падкрэсліваў паэт у сваіх творах. Гэтую дзяржаўную годнасць, на думку Пушкіна, мацней за іншых у свой час падтрымліваў І. Ф. Паскевіч.

Для Пушкіна І. Ф. Паскевіч — “бліскучы герой” (гл. “Путешествие в Арзрум...”: “Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий, но я спешил в Россию. Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствия вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении”; гэта — эпізод адной з сустрэч з Паскевічам, якая адбылася 19 ліпеня 1829 года).

На старонках “Путешествия в Арзрум...” паэт высока ацаніў арганізатарскія і гаспадарчыя дараванні Паскевіча. У прыватнасці, ён адзначыў “цішыню занятага 10 тысячамі рускага войска горада Арзрума, галоўнага пункта азіяцкай Турцыі, у якім ніводзін з жыхароў не паскардзіўся на насілле салдат”. Немалаважнымі ўяўляюцца і такія дэталі: “За ўвесь час паходу ніводная арба са шматлікага нашага абозу не была захоплена непрыяцелем; парадак, з якім абоз рухаўся за войскам, на самай справе дзіўны”.

Пасля гэтых заўваг А. С. Пушкіна зразумелыя і водгукі наведвальнікаў Гомеля 40–50-х гадоў XIX стагоддзя (у 1840, 1845 і 1851 гадах палац Паскевіча ў Гомелі наведваў сам імператар Мікалай Паўлавіч), якія захапляліся надзвычайным парадкам у горадзе і яго чысцінёй.

І. Ф. Паскевіч пад час сустрэч з Пушкіным імкнуўся выказаць паэту поўную гасціннасць і ветлівасць (“ён быў вясёлы і прыняў мяне ласкава”) і прапанаваў госцю размясціцца ля сваёй стаўкі. Прынамсі, ва ўсім змесце “Путешествия в Арзрум...” мы не знойдзем нават намёку на тое, што паэт адчуваў нейкую несвабоду ці падазронасць з боку штаба. Між тым, Паскевічу было прадпісана захоўваць сакрэтны нагляд за Пушкіным у час знаходжання яго на Каўказе. Галоўнакамандуючы прыняў гэтае прадпісанне, але на справе аказаўся даволі свабодным і самастойным у сваіх поглядах на людзей, нягледзячы на найвышэйшы загад.

Вось такімі ўяўляюцца дэталі сустрэчы дзвюх знакамітых (у тым ліку і для гомельскай мінуўшчыны) асоб — славутага паэта і знакамітага военачальніка.

1997

Ігар Сцяпунін

БЕСКАРЫСЛІВЫ ПАКЛОННІК ПУШКІНА

Вядомы пушкіназнаўца і гісторык П. Е. Шчогалеў у 1930 г. упершыню апублікаваў пісьмы многіх карэспандэнтаў А. С. Пушкіна, асабліва вылучыўшы віцябчаніна В. Я. Мызнікава. Аўтар не без падстаў называе яго “бескорыстным обожателем великого русского поэта” [1].

19 верасня 1833 г. Мызнікаў з Віцебска пасылае Пушкіну сваё эмацыянальнае пісьмо, у якім выражае вельмі цёплыя пачуцці да “сонца рускай паэзіі”. “Успомніце, — піша ён, — таго ваеннага афіцэра, які два гады таму, прыехаўшы ў сталіцу, спяшаўся да Вас, каб выказаць сваю павагу!” Пушкін у ягоным разуменні быў сапраўды народным пісьменнікам, які сваімі творамі праславіў Радзіму, і Мызнікаў лічыць сябе гарачым паклоннікам яго таленту. “Падзяляючы, — піша ён, — разам з іншымі сваімі адукаванымі суайчыннікамі любоў да расійскай паэзіі, якую Вы пасялілі ў нас сваімі векавымі тварэннямі, я асмеліўся цяпер на подзвіг даволі смелы”. Мызнікаў выказвае вельмі сціплае пажаданне: просіць у Пушкіна дазволу прысвяціць яму адзін са сваіх вершаў, “упрыгожыцца яго імем”, бо “для парнаскага навічка гэта будзе самым прыемным падбадзёрваннем”.

Пісьмо заканчваецца словамі: “Калі Вы захочаце ўдастоіць Вашага шчырага прыхільніка сваім адказам, то мой адрас: Васілю Якаўлевічу Мызнікаву, ад’ютанту князя Хаванскага, лейб-гвардыі грэнадзёрскага палка паручніку ў Віцебск” [2]. На жаль, адказ Пушкіна не захаваўся.

Хто ж такі гэты “бескорыстный обожатель” Пушкіна, чым ён знакаміты?

Кароткія біяграфічныя звесткі Мызнікава паведамляе пецярбургскі пушкіназнаўца Л. А. Чарэйскі [3]. Але ў яго кнізе не сказана пра дзейнасць Мызнікава на Беларусі.

Як сведчаць матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НА РБ), Мызнікаў з 1823 па 1828 г. выконваў абавязкі настаўніка малодшых класаў юнкерскай школы ў Магілёве. “За стараннасць і по-

---

[1] Щеголев П. Е. Обожатели Пушкина: По неизданным материалам // Московский пушкинист. 1930. Т. 2. С. 187.

[2] Пушкин А. С. Пол. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 15. С. 82.

[3] Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 279.

спехі ў выкладанні гісторыі і расійскай славеснасці армейскім падпрапаршчыкам галоўнакамандуючым 1-й арміяй яму была аб'яўлена асаблівая ўдзячнасць, ён узнагароджаны таксама залатым гадзіннікам з такім жа ланцужком" [4].

Мызнікаў, паводле слоў блізка ведаўшага яго генерал-маёра Р. І. Філіпсона, "быў чалавек для таго часу развіты і адукаваны" [5]. У службовым спісе Мызнікава на пытанне, "ці мае веды ў якіх навуках", дадзены адказ: "па гісторыі, геаграфіі, арыфметыцы, геаметрыі, трыганаметрыі, алгебры, стратэгіі, чарчэнню планаў, маляванню, ваенна-судовай часці, вядзенню ваенна-судовых спраў, фехтаванню і верхавой яздзе" [6]. Ён таксама ведаў французскую і нямецкую мовы, "ведаў і любіў літаратуру", з'яўляўся супрацоўнікам "Литературных приложений" да "Русского инвалида", куды дасылаў свае вершы" [7]. Адзін са сваіх вершаў ("произведений кратких военных досугов") ён і прысвяціў Пушкіну.

З 20 сакавіка 1828 г. Мызнікаў прызначаны ад'ютантам віцебскага генерал-губернатара князя М. М. Хаванскага і выконвае абавязкі чыноўніка па асобных даручэннях [8]. Даручэнні былі самыя розныя. З чэрвеня 1828 г. і 10 чэрвеня 1834 г. ён пабываў ў некалькіх гарадах Магілёўскай губерні (Бабінавічы, Шклоў і інш.), каб весці барацьбу "супраць злоўжыванняў па продажу спіртных напояў". Мызнікаў высветліў, што віноўнікамі ўсіх злоўжыванняў былі не толькі гаспадары піцейных устаноў (карчмары), але і некаторыя афіцэры царскай арміі (капітан 1-га карабінернага палка Дэмарцье і іншыя), якія кантрабандным шляхам прывозілі з сабой спіртныя напоі, што прыводзіла "да ўсялякіх беспарадкаў" [9].

У перыяд паўстання 1830–1831 гг. Мызнікаў па загаду генерал-губернатара выконваў абавязкі віцебскага паліцмайстра. Ён змагаецца за ліквідацыю антысанітарных умоў у віцебскай турме. У гэтай турме адбывалі пакаранне палонныя шляхціцы-паўстанцы [10]. У ліку іх быў дваццацігадовы беларускі шляхціц Павел Астроўскі, гісторыя якога паслужыла канвой сюжэта рамана Пушкіна "Дуброўскі". Як чыноўнік па асобных даручэннях, адказны за судаводства, Мызнікаў не мог не ведаць справы Астроўскага. [...]

Мызнікаву давялося яшчэ быць сведкам другога бяспраўя. З 14 сакавіка па 27 красавіка 1833 г. ён разам з губернскім страпчым

---

[4] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 2889, арк. 1–3.

[5] Воспоминания Г. И. Филипсона. М., 1885. С. 33.

[6] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 2889, арк. 76.

[7] Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1917. Т. 4. С. 458–459.

[8] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1. спр. 2889, арк. 3–4.

[9] Тамсама. Спр. 3096, арк. 1–71.

[10] Тамсама. Спр. 2889, арк. 51, 75; спр. 4840, арк. 4–6.

Ф. Ф. Зайкоўскім праводзіў даследаванне аб злоўжываннях у Люцынскім старостве Віцебскай губерні, якое знаходзілася ў пажыццёвым уладанні графа Іосіфа Борха. Следства ўстанавіла, што купец Злотнікаў, які быў арандатарам маёнтка графа Борха, і дваранін Рэут, паверапы ў справах Борха, "не лічылі патрэбным разлічвацца з сялянамі, якія высылаліся на іншыя работы ў іншыя губерні". А аканом графа Краманецкі нахабна прысвойваў сялянскія грошы. Сяляне не мелі права скардзіцца, іх адразу ж аб'яўлялі "бунтаўшчыкамі" і вельмі строга каралі. Выклаўшы ўсе гэтыя факты, Мызнікаў заклікае губернатара аб'ектыўна разабрацца ў тым, што адбываецца, і заклікаць да парадку махляроў. Але губернатар, наадварот, пачаў абараняць маючых уладу. Па яго рашэнню сялянам было зроблена строгае ўнушэнне, каб "оные из повиновения владельцев выходить не осмеливались". Участковаму дваранскаму засядацелю даручана мець "за поведением оных неослабное смотрение", а сялян, якія адкрыта выступалі супраць бяспраўя, судзіць як "бунтаўшчыкоў" [11].

Мызнікаў разумеў, што пры існуючых парадках немагчыма выправіць зло. Яго рознагалоссі з генерал-губернатарам узмацняюцца.

З 26 чэрвеня 1833 г. па загаду князя Хаванскага ён прымае ўдзел у рабоце следчай камісіі па палітычнай справе Тадэвуша (Фадзея) Лады-Заблоцкага, паэта-рамантыка, аўтара паэмы "Аколіцы Віцебска", вершаў "Вілія", "Да Дзвіны", "Да Лучосы" і іншых, дзе апяваліся працоўны беларускі народ, яго гераічная гісторыя, прыгажосць беларускіх лясоў і азёр. Заблоцкі вучыўся ў віцебскай гімназіі, а пасля заканчэння яе ў 1831 г. быў накіраваны за казённы кошт на літаратурнае аддзяленне Маскоўскага універсітэта. У 1833 г. яго за "антыўрадавую дзейнасць" выключылі з універсітэта, арыштавалі, пад канвоем накіравалі ў Віцебск і пасадзілі ў турму [12]. Тут, у горадзе над Дзвіной, над ім і яго аднадумцамі вяршыўся суд. Следства выкрыла перапіску Заблоцкага з віцебскім дваранінам Зянонам Міхалоўскім, а ў старшага настаўніка лацінскай мовы Уладзіслава Шапялевіча знайшлі пісьмо Заблоцкага на імя Міхалоўскага, у якім былі рэзкія выпады супраць царскага самадзяржаўя. Князь Хаванскі даручае Мызнікаву і дырэктару вучылішчаў Віцебскай губерні І. А. Гарстоўскаму ўважліва "праверыць усе паперы Шапялевіча і даць сваё заключэнне". Мызнікаў і Гарстоўскі не знайшлі ў паперах Шапялевіча нічога крамольнага, але князь Хаванскі не прыняў да ведама іх доказы. Па яго загаду Шапялевіч быў залічаны ў "злачынцы другога разраду". Цяжка хворага настаўніка выгналі з гімназіі, паўгода трымалі ў турме і толькі пасля настойлівых просьбаў усёй следчай камісіі губернатар дазволіў яму выехаць з Віцебска ў Невельскі павет

[11] НА РБ. Ф. 1297, спр. 2889, арк. 71; спр. 6159, арк. 34–38.

[12] Пачынальнікі: З гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. Мн., 1977. С. 484.

да бацькоў "для папраўкі здароўя". Але працаваць настаўнікам яму было катэгарычна забаронена.

Князь Хаванскі патрабуе новых ахвяр. 8 студзеня 1834 г. спецыяльным прадпісаннем ён даручае Мызнікаву і казённых спраў страпчаму Зайкоўскаму "правесці даследаванне па даносу двараніна Калянкоўскага на паштаўтрымальніка Падзвінскага, які быццам бы гаварыў супраць асобы гасудара імператара дзёрзкія словы, і паступіць з ім згодна з прадпісаннем". Але Мызнікаў, па сутнасці, не выканаў загад генерал-губернатара. У сваім рапарце ён пісаў, што асоба даносчыка Калянкоўскага не ўнушае яму ніякага даверу. Калянкоўскі, на яго думку, амаральны чалавек. Спачатку падзяляў палітычныя перакананні Заблоцкага, а калі пачаўся працэс па справе гэтага "бунтаўшчыка", ён загаварыў пра сваю "глыбокую адданасць гасудару імператару і ўсяму найсвятлейшаму двару". І ўзвёў паклёп на "добрага чыноўніка" толькі для таго, каб неяк выблытацца з гэтай гісторыі. Даносчыкі, на думку Мызнікава, павінны выклікаць толькі непрыемныя пачуцці, ім нельга давяраць. Думку Мызнікава падтрымалі ўсе члены камісіі — князю Хаванскаму прыйшлося пайсці на ўступкі.

Мызнікаў стараўся хоць крыху змякчыць лёс "злачынцаў першага разраду" — Заблоцкага і Міхалоўскага, якія ўтрымліваліся цэлы год у віцебскай турме, а потым па прыгавору Мікалая І былі адданы ў салдаты і сасланы на Каўказ. Свой удзел у следчай камісіі Мызнікаў лічыў цяжкай павіннасцю. Некаторыя следчыя справы ім нават не былі падпісаны, бо ён спрабаваў так ці інакш ухіліцца ад следства, паехаць "па справах службы" ў Лепель ці іншы горад [13]. Усё гэта выклікала незадавальненне генерал-губернатара. У "фармулярным спісе аб службе і годнасці лейб-гвардыі грэнадзёрскага палка паручніка Мызнікава" невыпадкова пры ўпамінанні ўсіх службовых даручэнняў віцебскага карэспандэнта Пушкіна, "выкананых здавальняюча", не сказана аб яго ўдзеле ў следчай камісіі па справе Лады-Заблоцкага. Але, нягледзячы на незадавальненне генерал-губернатара, Мызнікаў не жадаў выконваць жорсткія і несправядлівыя загады свайго непасрэднага начальства. У 1836 г. ён быў вызвалены ад пасады ад'ютанта і чыноўніка па асобых даручэннях пры генерал-губернатары.

Знешне гэта звальненне мела зусім прыстойную форму. Мызнікаў просіць князя Хаванскага аказаць яму садзейнічанне ў пераводзе на іншую работу ў Адэсу або Кішынёў. Сваю просьбу ён дыпламатычна тлумачыць тым, што яго жонка цяжка хварэе і "для папраўкі здароўя ёй патрэбна перамена клімату". 22 снежня 1833 г. князь Хаванскі,

[13] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 6157, арк. 34–38; ф. 1430. воп. 1, спр. 3814, арк. 223, 245; ф. 3157, воп. 1, спр. 181, арк. 35, 75–76, 131.

жадаючы пазбавіцца ад непажаданага для яго чыноўніка, пасылае пісьмо новарасійскаму генерал-губернатару графу М. С. Варанцову, які варожа адносіўся да Пушкіна, з просьбай аказаць садзейнічанне Мызнікаву, прычым дае добрую атэстацыю свайму падначаленаму. Мызнікаў, паводле яго слоў, "вызначаўся пры добрай адукацыі стараннасцю да службы, цвёрдым характарам і дакладным выкананнем свайго абавязку". Але граф Варанцоў, "полу-милорд, полу-купец" (як яго называў Пушкін), не мог выносіць людзей з цвёрдым і незалежным характарам. Таму 19 студзеня 1834 г. граф Варанцоў рашуча адмаўляе, адзначаючы, што ў яго "колькасць ад'ютантаў па асобных даручэннях абмежаваная". Але Мызнікаў па-ранейшаму імкнецца пакінуць службу ў князя Хаванскага. 20 верасня і 7 снежня 1836 г. ён двойчы прасіў у генерал-губернатара прадаставіць яму адпачынак "па сямейных абставінах" і дазволіць яму выехаць у Санкт-Пецярбург. Знаходзячыся ў Пецярбургу, Мызнікаў нечакана піша новы рапарт: просіць "садзейнічання ў прыкамандзіраванні яго да гвардзейскага ўзорнага палка для правядзення франтавой службы". Генерал-губернатар ахвотна дае згоду, і Мызнікаў назаўсёды пакідае Віцебск.

Узнікае пытанне, калі Мызнікаў сустракаўся з Пушкіным? Па яго пісьму ад 19 верасня 1833 г. відаць, што ён два гады назад спяшаўся з Віцебска да Пушкіна ў Пецярбург, каб выказаць сваю павагу. Гэта было ў 1831 г. 28 мая 1831 г. Мызнікаў просіць дазволу ў віцебскага генерал-губернатара "адлучыцца на 28 дзён па сямейных абставінах у горад Вялікія Лукі Пскоўскай губерні і Невельскі павет Віцебскай губерні" [14]. У чэрвені гэтага года ён наведвае Санкт-Пецярбург, і тады адбываецца яго сустрэча з Пушкіным. Мызнікаў быў першым віцябчанінам, які ад імя "сваіх адукаваных суайчыннікаў" вітаў паэта вялікай рускай зямлі.

1996

[14] НА РБ. Ф. 1297, воп. 1, спр. 2889, арк. 13, 37, 50, 56, 70.

Сямён Ратгаўз

ШЭСЦЬДЗЕСЯТ ДВА РАДКІ ПУШКІНА

Уявім сабе Оршу ў адзін са спякотлівых ліпеньскіх дзён 1833 года.

Жыхары горада, нядаўна адноўленага пасля напалеонаўскага нашэсця, у тую раніцу, відаць, нямала былі ўсхваляваны. Яны перадавалі адзін аднаму трывожную навіну — у доме, дзе жыў настаўнік Аляксандр Лубкін, зроблены вобыск. У настаўніка забралі нейкія недазволеныя паперы, а самога жандары павезлі па Пецярбургска-Кіеўскім тракце.

Усё гэта не было выдумкай. Спецыяльная следчая камісія ў Віцебску ўжо каторы час займалася справай нелегальнага рэвалюцыйнага таварыства, якое жандарам удалося раскрыць.

Гэтую рэвалюцыйную арганізацыю, амаль праз 150 гадоў, “адкрыў” для нас, працуючы над невядомымі дакументамі ў Дзяржаўным гістарычным архіве БССР, выкладчык Мінскага інстытута культуры, кандыдат гістарычных навук У. Пасэ. У яе, як відаць з папер, уваходзілі ў асноўным жыхары Віцебскай губерні і выхадцы з Беларусі, якія займаліся ў Маскоўскім імператарскім універсітэце. Тоўстыя тамы следчых матэрыялаў далі даследчыку магчымасць даведацца пра невядомую раней вялікую групу рэвалюцыйна настроеных актыўных праціўнікаў самадзяржаўя, якія адначасова дзейнічалі на Віцебшчыне і ў Маскве, былі звязаны паміж сабою.

Але тут гутарка пойдзе не пра членаў гэтага тайнага таварыства, а толькі пра аднаго чалавека — Аляксандра Лубкіна, які цікавы зусім з іншага боку. У. Пасэ, не без падставы, лічыць да гэтага невядомага ні гісторыкам, ні літаратуразнаўцам настаўніка адным з першых у Беларусі распаўсюджвальнікам нелегальнага спісу аднаго з вершаў вялікага рускага паэта Аляксандра Сяргеевіча Пушкіна. Безумоўна, ён рабіў гэта не толькі з любові да незвычайнага таленту паэта, але і па сваіх рэвалюцыйных перакананнях.

Хто ж ён, Аляксандр Лубкін? Вядома толькі, што ён выкладаў матэматыку ў Аршанскім павятовым вучылішчы. Тады іх у горадзе існавала два: аднагадовае пачатковае і пяцікласнае дваранскае. Можна меркаваць, што Лубкін працаваў менавіта ў другім, дзе дзецям дваран давалі больш шырокія веды. Педагог, безумоўна, закончыў Маскоўскі універсітэт і быў малады, як і ўсе астатнія прыцягнутыя да следства арышта-

ваныя. З архіўных матэрыялаў беларускі гісторык устанавіў, што настаўнік з'яўляўся сувязным, кур'ерам паміж тайным літаратурным таварыствам у Маскоўскім універсітэце і членамі гэтай арганізацыі ў Беларусі. Ён перавозіў пісьмы і матэрыялы, якія з-за іх рэвалюцыйнага зместу нельга было адпраўляць па пошце. У час паездак у Маскву малады аршанец сустракаўся з віднымі ўдзельнікамі тайных таварыстваў ва універсітэце, многіх з якіх ён, мабыць, ведаў асабіста і перавозіў, па іх просьбах, розную нелегальшчыну на родную Віцебшчыну, хаця часам і ад яго яе тэкст быў утоены ў запячатаных канвертах.

У адным са знойдзеных жандарамі рэкамендацыйных пісем Лубкіну даюць вельмі пахвальную характарыстыку: "Уручальнік гэтага Аляксандр Лубкін... цудоўны хлопец, вельмі добрага складу думак, высакародны, і ты [г. зн. атрымальнік. — *С. Р.*] можаш з ім свабодна гаварыць аб усім. За свой незалежны характар даволі шмат пацярпеў ад начальства, і таму можаш яму верыць гэтак жа, як мне самому".

Гэтае пісьмо ўцалела выпадкова і трапіла ў следчую справу толькі таму, што чалавек, якому яно было адрасавана, наперакор указанню, якое ў ім змяшчалася, не спаліў яго пры атрыманні.

Але што ж яшчэ акрамя ролі сувязнога інкрымінавалася настаўніку павятовага вучылішча? Ахоўнікі парадку ў час вобыску ў аршанскім доме Лубкіна знайшлі адзін з рукапісных спісаў верша А. С. Пушкіна "Деревня", распаўсюджаных у Расіі. Гэта вядомы цяпер кожнаму школьніку і ўсім прыхільнікам таленту вялікага паэта адзін з ранніх твораў.

Прыгадаю яго шырока папулярныя цудоўныя радкі:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
    На лоне счастья и забвенья.

Аказваецца, у гэтага верша не просты лёс. Ён напісаны паэтам у Міхайлаўскім у 1819 годзе пасля выхаду з "манастырскіх", як называў ён, ліцэйскіх сцен. Гэты верш, як і ода "Вольность", згодна з меркаваннямі пушкіністаў, напісаны пад уплывам блізкага знаёмага дзекабрыста М. І. Тургенева, самага гарачага праціўніка прыгонніцкага права. Таму ў ім так моцна, гнеўна, пратэстуюча гучыць антыпрыгонніцкая, свабодалюбівая ідэя:

Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
    Неумолимого Владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут...

Калі чутка пра палітычныя рукапісы Пушкіна дайшла да Аляксандра I, ён запатрабаваў іх для прагляду. Не без апаскі, праз Чаадаева, Пушкін паслаў верш у палац. Імператар потым двурушна дзякаваў паэту “за добрые чувства” (“и рабство падшее по манию царя”), выказаныя ў ім. Але лёс твора быў надоўга прадвызначаны. Толькі ў 1826 годзе была апублікавана яго першая, лірычная палова пад назвай “Уединение”, а другая частка, пачынаючы са слоў “но мысль ужасная здесь душу омрачает”, была цалкам апушчана — амаль 30 радкоў. Паэт замяніў іх радкамі шматкроп’я, намякаючы чытачу, што ў рукапіса ёсць працяг.

Вось які верш А. С. Пушкіна знайшлі ў Оршы. Поўны, нецэнзураваны і пад сапраўднай назвай — “Деревня”. Па коснай думцы царскіх служак — “крамольны” і “недазволены”. У гэтых жа радках паэт гнеўна бічаваў прыгонніцтва, і гэтыя радкі, як лічыць аўтар знаходкі, былі цалкам сугучны настроям маладых членаў віцебскай арганізацыі і асабліва тых, хто забяспечыў вершам аршанскага настаўніка. Лубкін на допытах так і не назваў прозвішча асобы, якая перадала яму гэты спіс твора. З запісак царскай следчай камісіі відаць, што генерал-губернатар Смаленскай, Віцебскай і Магілёўскай губерань загадаў “далучыць да справы і рускія вершы пад назвай “Деревня”. Далучыць творчасць паэта як рэчавы доказ!

Пакуль невядома, колькі чалавек да арышту Лубкіна паспелі ў Оршы прачытаць поўны тэкст “Деревни”, але што многія — можна не сумнявацца. Яго чыталі, запаміналі. Трэба меркаваць, што ў настаўніка ў горадзе і, магчыма, у Віцебску былі аднадумцы і сябры, з якімі на час дзяліўся сваім каштоўным спісам.

Доўгі ж час, нават пасля 1833 года, другая палова твора для масавага рускага чытача была недаступная.

Дакументамі Дзяржаўнага гістарычнага архіва БССР У. Пасэ прыадкрыў нам невядомыя старонкі гісторыі, выявіў адзін з ранніх шляхоў пранікнення ў Беларусь вершаў песняра “вольности святой”, сябра дзекабрыстаў.

Застаецца толькі паведаміць, што ўдалося цяпер даведацца пра далейшы лёс Аляксандра Лубкіна, сувязнога тайнай арганізацыі, прыхільніка творчасці Пушкіна, якую ён выкарыстаў для рэвалюцыйнай справы. З архіўнага матэрыялу відаць, што, паколькі следчым, нягледзячы на ўсе іх намаганні, не ўдалося ўстанавіць факт прамой прыналежнасці настаўніка да тайнай арганізацыі, Лубкін быў аддадзены “пад тайны нагляд” па месцы жыхарства. Вока аршанскай паліцыі сачыла за ім нястомна. Павятовы паштмайстар атрымаў заданне перлюстроўваць усю яго перапіску, усё падазронае забіраць і дастаўляць “куды трэба”. Лубкіна неадкладна звольнілі з пасады настаўніка. Больш ніякіх дакументаў пра яго няма.

Вось што прыадкрылася ў гэтай гісторыі з рукапісным спісам верша “Деревня” з 62 радкоў. Такая, хаця і невялікая, старонка Пушкініяны. Накіраваныя супраць самадзяржаўя і прыгоннага права радкі Пушкіна ўжо больш чым 150 гадоў назад, яшчэ пры яго жыцці, знаходзілі ў Беларусі ўдзячнага чытача.

1979

KAMUNIKAT.org

Ігар Пушкін

ПУШКІНЫ. АДКУЛЬ ЯНЫ?

У Магілёве, у цэнтральнай частцы Машэкаўскіх могілак (раён Юбілейны), ёсць невялічкае пахаванне. Надпіс сведчыць, што тут у мінулым стагоддзі пахаваны “младенец Александр Пушкин”. Давялося чуць такое меркаванне: “А ці не меў ён нейкіх адносін да паэта А. С. Пушкіна? Магчыма, апошні, праязджаючы праз Магілёў, паспеў пакінуць тут нашчадкаў. А мо ягоныя сваякі перасяліліся сюды?”

Адкуль жа ўзяліся Пушкіны на Беларусі? Давайце паразважаем. Аляксандр Сяргеевіч выводзіў свой радавод ад “Григория Пушки, который в XIII веке пришел из Новугородка”. Звяртаю вашу ўвагу на прозвішча. Часта яго паходжанне звязваюць са словам “пушка” ў абазначэнні артылерыйскай зброі. Але ў XIII ст. такой зброі на тэрыторыі Беларусі і Масковіі не ведалі. Ды і пазней у Маскоўскім княстве яе называлі па-рознаму. Значыць, напачатку слова “пушка” мела нейкі іншы сэнс. І яно ёсць у беларускай мове. У беларуска-рускім слоўніку чытаем: “Пушка, пушачка — коробка, коробочка”. Яшчэ зусім нядаўна слова гэтае ўжывалася ў асобных мясцінах Слаўгарадчыны. Вось мы і наважыліся выказаць меркаванне: “Пушкіны ў Маскоўскае княства прыйшлі з Беларусі”.

На карысць такое высновы, як нам падаецца, — яшчэ два факты. Яны датычаць геральдыкі.

Вядомы расійскі знаўца геральдыкі А. Б. Лакіер у сваёй кнізе “Русская геральдика” (СПб., 1855) пісаў наконт гербаў радоў прышлых: “то из немец, то из Семиградской земли, то, наконец, из земель славянских”. Да прышлых ён адносіць і герб Пушкіных. Яго Лакіер апісвае наступным чынам: тарча (шчыт) падзелена на дзве паловы, у верхняй у гарнастаевым полі — сімвале чысціні — ляжыць на пурпурнай падушцы з залатымі кутасамі княская шапка. Ніжняя палавіна таксама падзелена на дзве часткі: у правай на блакітным полі — рука з мячом, у левай — на залатым полі блакітны арол са скіпетрам і дзяржаваю ў кіпцюрах. Арол сведчыў аб сувязях з Прусіяй, а руку з мячом можна знайсці на гербе Мсціслава (спрадвечныя беларускія землі). А. Лакіер разглядае такі варыянт герба як адну з разнавіднасцей герба “Пагоня”.

У 1900 г. выйшла кніга “Heraldyka” (СПб.), на рускай мове, у якой быў надрукаваны “Гербовник Витебского дворянства” паводле матэры-

ялаў рукапісу XVIII ст. На старонцы 164 паведамляецца: “Пушкины, герба “Шелига” издавна владели оседлостями в Новогородском, Минском, Мстиславском воеводствах”. Герб “Шэліга” напоўнены такімі складнікамі: у чырвоным полі залаты паўмесяц рагамі цягнецца ўгору, з сярэдзіны яго выходзіць залаты крыж. У нашлёмніку паўлінавыя пер’і. Узнікненне герба адносяць да XV ст., калі ў выніку ўпартай барацьбы праваслаўная шляхта дамаглася права мець свае гербы. У XV ст. сягаюць карані Пушкіных з віцебскага гербоўніка.

Патрэбна заўважыць, што назву Новогород, ці Новугород, можна аднесці як да Ноўгарада, так і да Навагрудка. Але той жа Лакіер ужывае назву Новугорад, калі піша: “...князь Галицкий потерпел поражение и отступил к Новугородку”. Хіба гэта не доказ, што размова ідзе пра сучасны беларускі горад Навагрудак? Зважаючы на прыведзеныя вышэй звесткі, нам здаецца, можна зрабіць выснову — Пушкіны былі выхадцамі з беларускай зямлі і менавіта адсюль, а не наадварот, частка іх трапіла ў Маскоўскае княства.

Некалькі заўваг і меркаванняў наконт прозвішчаў Пушкіны, Пушкаровы і чаму гармата стала ў рускай мове называцца пушкай. З гістарычных крыніц вядома, што патрапіла гэтая зброя з Заходняй Еўропы ў Масковію праз Беларусь. Галоўным у ёй было не металічная труба, з якой нешта вылятала, а “адское зелле”, вядомае пад назвай “порах”. Яно было галоўным і каштоўным, бо без яго гармата не зброя. Хавалася “зелле” ў спецыяльнай скрыні — “пушке, пушечке”, якую вазілі ўслед за металічнай часткай зброі. На скрыні звычайна сядзеў і ахоўваў яе вартавы. Вось ад назвы скрыні (пушкі) хутчэй за ўсё і сталі пазней называць усю гармату пушкай у Расіі. А вартавога гэтай скрыні — Пушкаровым, Пушкаром і г. д.

1994

Тимофей Лиокумович

ПОТОМКИ ПУШКИНА В БЕЛОРУССИИ

Интерес к “белорусской ветви” рода Пушкиных возник у меня в деревне Телуша Бобруйского района. Там, в центре деревни, под вековыми липами, я увидел старую могилу, огороженную аккуратной деревянной оградкой. Можно понять мои чувства, когда я, приблизившись к ограде, прочел на мемориальной плите: “Наталья Александровна Пушкина. По мужу Воронцова-Вельяминова. 3 дек. 1912 г. 53 лет”.

Местные жители говорили, что действительно в их селе похоронена внучка А. С. Пушкина. Однако никто не мог обьяснить, как она попала на Бобруйщину.

Заинтересовавшись, я стал искать ответ в подшивках старых журналов и газет. Нашел то немногое, что было к тому времени написано о детях поэта. Однако нигде не было упоминаний, что кто-то из близких Пушкина жил в Белоруссии. Поиски привели меня в Москву, и там я познакомился с дочерью Натальи Александровны — Софьей Павловной Воронцовой-Вельяминовой, а также с другими потомками поэта. Их рассказы и письма помогли во многом представить картину жизни “белорусской линии” Пушкина в Белоруссии.

Как известно, у Александра Сергеевича Пушкина было 19 внуков и внучек. Наталья Александровна — одна из них. Ее отец — старший сын Пушкина — Александр Александрович. Это о нем поэт писал: “Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет”.

А. А. Пушкин (1833–1914) — известный русский генерал, кавалер многих орденов, участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Сохранилось воспоминание, что при переходе через Дунай он обратился к своим солдатам с таким словом воодушевления: “Гусары! Перед нами Болгария — священная славянская земля! Там погибают наши братья и сестры! Они ждут нашей помощи!” За храбрость, проявленную в боях за освобождение Болгарии, Пушкин был пожалован золотой саблей и орденом св. Владимира. Все, знавшие сына поэта, отмечали его необыкновенную скромность, прямоту, искренность; подобно отцу, он очень любил детей.

Наталья — старшая дочь А. А. Пушкина. Родилась она в 1859 году в Петербурге, ее детство и юность прошли в тихом подмосковном го-

родке Лопасня (теперь город Чехов), где продолжительное время был расквартирован полк, которым командовал ее отец.

Александр Александрович свято хранил память об отце, оберегал его честь от различных кривотолков. Это благоговейное отношение к поэту унаследовала и Наталья Александровна и в свою очередь передала детям.

Большое влияние на Наталью оказала и тетя — дочь А. С. Пушкина Мария Александровна, по мужу Гартунг. Это ее умом, величавостью, приветливостью восхищался Лев Николаевич Толстой. Некоторые ее черты он отразил в образе Анны Карениной, а судьба ее мужа Л. Н. Гартунга нашла выражение в заключительной сцене драмы "Живой труп". Наталья неоднократно виделась с Марией Александровной в Лопасне. С конца 1880 года, когда скончалась жена А. А. Пушкина, М. Гартунг переехала к брату и некоторое время помогала ему растить детей (своих у нее не было). Мария Александровна в совершенстве владела французским и немецким языками, тонко чувствовала музыку, прекрасно играла на фортепьяно, отлично знала западную и русскую литературу (к месту сказать, она была дружна с И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским и другими русскими писателями, а позднее — с А. В. Луначарским). Племянники боготворили свою тетю.

Наталья получила не только домашнее образование. Одно время она училась в Виленской гимназии. Ей пришлось увидеть многие города России, так как по роду службы отец вынужден был менять местожительство. Живой ум, начитанность, красота и обаяние выделяли Наталью Александровну среди сверстниц. Мужем Натальи Александровны стал служивший в полку А. А. Пушкина Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов. В чине ротмистра он принимал участие в освободительном походе в Болгарию. Павел Аркадьевич отличался бесстрашием, удостоился за мужество серебряной сабли. Это был человек чести, доброго сердца, нравственного благородства.

Вскоре после женитьбы П. А. Воронцов-Вельяминов подал в отставку и уехал с молодой женой в имение своей матери Вавуличи (сейчас деревня Дубовка в 10 километрах от Бобруйска). Таким вот образом одна из представительниц пушкинского рода оказалась в Белоруссии. Здесь она провела большую часть своей жизни.

От природы Наталья Александровна была разносторонне одаренной. Она хорошо рисовала. Ее внук Сергей Клименко писал мне, что в их семье хранился альбом с бабушкиными рисунками. Мать Сергея иногда показывала эти рисунки детям. В большей части это были пейзажи, но встречались и портреты. К сожалению, альбом этот утерян.

Внучка поэта сочиняла стихи, хотя и не печатала их, так как имя Пушкина ко многому обязывало. Известно, что у нее была тетрадь, в которой она записывала многие из своих шутливых экспромтов. Так,

у С. Клименко хранится сатирическое стихотворение, которое довольно метко передает картину жизни городка Козлова (ныне Мичуринск), где вместе с отцом некоторое время жила Наталья Александровна.

Наталья Александровна оставила о себе добрую память на Бобруйщине. В шестидесятые годы автор этого материала застал еще людей, которые лично знали ее. Крестьяне окрестных деревень отзывались о Наталье Александровне как о чуткой женщине. Многие вспоминали, как обращались к ней за помощью и никогда не получали отказа. Она помогала крестьянским семьям хлебом, зерном, лекарствами, лесом. Нуждающихся в серьезном лечении устраивала на прием к городским врачам. Грамотные крестьяне получали от нее книги для чтения, знакомила она их и с творчеством своего деда. Благотворно влияла Наталья Александровна и на Павла Аркадьевича, о котором некоторые крестьяне отзывались как о “нервном” человеке, хотя и вспоминали, что он “покричит-покричит и быстро отойдет”. Однако в помощи и Павел Аркадьевич никому не отказывал. Наталья Александровна вместе с мужем заботилась и о том, чтобы научить грамоте крестьянских ребятишек. Они содействовали постройке школы в деревне Телуша. В школе, обычно за их деньги, устраивалась елка, раздавались рождественские подарки — игрушки, конфеты, завернутые в вышитый платочек. Для деревенских ребятишек тех лет получение подарка было целым событием. Конечно, дороже подарков была возможность выучиться грамоте. Уроженка этих мест — Наталья Васильевна Аврамчик — присутствовала на открытии школы, в ней позже она и училась. Простая деревенская женщина на всю жизнь полюбила стихи Пушкина, эта любовь перешла и к сыну — ныне известному белорусскому поэту Миколе Аврамчику. Внучка Пушкина помогла некоторым крестьянским девочкам не только получить начальное образование, но продолжить учебу, стать учительницами и акушерками-фельдшерицами. Наталья Александровна увлекалась цветоводством, и усадьба славилась в округе красотой своих цветников и аллеи. Семья Воронцовых-Вельяминовых посадила первые каштаны в Бобруйске на улице, где стоял их дом. И сегодня эти деревья украшают город.

Очень томилась Наталья Александровна отсутствием настоящего дела. Она пыталась организовать приют для престарелых женщин, хотела создать что-то вроде детского сада для крестьянских малышей, но в тех условиях ей невозможно было довести свои начинания до конца. Помощь, которую она оказывала многодетным семьям как член благотворительного общества, не могла удовлетворить ее энергичную натуру. Скончалась Наталья Александровна в 1912 году от воспаления легких. Муж пережил ее на восемь лет. У Натальи Александровны было пятеро детей — Мария, Софья, Михаил, Феодосий, Вера. Старшая дочь — Мария Павловна Клименко — воспитала шестерых детей, це-

ликом посвятив себя им. Понятно, что женщина была загружена домашней работой, заботами о семье. Жилось ей нелегко. Особенно было трудно до установления ей в 1924 году как правнучке А. С. Пушкина персональной пенсии. Живя в крайне тяжелых материальных условиях, Мария Павловна всегда откликалась на чужую беду, никогда не отказывалась помочь, чем только могла, нуждающемуся в помощи человеку. Правнучку поэта хорошо знала и любила Екатерина Павловна Пешкова. Она всячески хлопотала о ней и была сильно опечалена, узнав о ее смерти (Мария Павловна умерла в 1931 году). Детство и молодые годы Софьи Павловны прошли на Бобруйщине. Она неоднократно вспоминала, что все дети Натальи Александровны поначалу спали в кроватке, сделанной из красного дерева, в той самой, в которой, по преданию, малышом спал будущий поэт, и над которой он сам склонялся, баюкая своих детей. Наталья Николаевна Пушкина подарила ее своему сыну, когда родилась внучка Наташа. Крестьяне хорошо знали Софью Павловну, любили ее за обходительность, за душевную доброту. Вот какой запомнилась она Наталье Васильевне Аврамчик: “Софья любила ходить в белорусском национальном костюме. Вот точно такой она и была, как вы мне показываете на карточке. Очень красивая девушка. Голос грудной, певучий. Ласковая такая. Вся светилась изнутри. Однажды она здесь у нас была. Возвращалась из ягод, а тут дождь как ударит! Софья и спряталась под нашей поветью. Мы тогда с ней поговорили...”

С детства Софья Павловна мечтала стать врачом. Но ее мечте не суждено было осуществиться. Из-за войны с Японией, вспоминала Софья Павловна, прием в институт временно прекратили, но в госпитале при Бобруйской крепости открылись курсы медсестер, на которых она и стала заниматься. В этом же госпитале Воронцова-Вельяминова работала некоторое время, а затем уехала на работу в Полтавскую земскую больницу.

С. П. Воронцова-Вельяминова вошла в состав первого в Белоруссии отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом, созданного в Бобруйске в 1911 году. В начале первой мировой войны она работала в бобруйском лазарете Красного Креста. После его роспуска поступила в Московскую иверскую общину сестер милосердия, затем работала в госпитале на юге страны. Ездила и на фронт, так как была зачислена медсестрой в санитарный поезд.

После революции Софья Павловна служила в различных детских учреждениях.

Скончалась она в 1974 году накануне своего девяностолетия.

Михаил Павлович Воронцов-Вельяминов до февральской революции возглавлял Бобруйскую земскую управу. В годы гражданской войны эмигрировал во Францию.

Феодосий Павлович погиб в 1914 году в Восточной Пруссии. На фронт он пошел добровольцем, хотя из-за сильной близорукости был освобожден от воинской обязанности. Однако он решил, что должен разделить с солдатами все тяготы войны. Отказался он и от льгот, которые предоставлялись добровольцам.

Феодосий Павлович получил юридическое образование, но настоящим его увлечением были естественные науки и история народов Востока.

Семьи Софьи Павловны и Марии Павловны после революции долгое время жили в Бобруйске. Они приняли участие в создании бобруйской городской библиотеки, которая носит имя великого поэта, неоднократно передавали в ее фонды редкие издания. К сожалению, эти ценные книги погибли во время войны.

В Бобруйске и сейчас живут некоторые бывшие одноклассники Ольги Клименко (по мужу Усова). В школьные годы Ольга занималась в драмкружке, который ставил пьесы белорусских авторов и пользовался в городе популярностью. Кружковцы играли спектакли не только в школе, но и в городском театре, и в деревнях.

После школы Ольга уехала учиться в Рогачевский педтехникум. Закончив здесь краткосрочные курсы, она стала работать в начальной белорусской школе. По сегодняшний день с благодарностью вспоминают ее в деревнях Ратмировичи, Новая Дуброва и Оземля Глусского района, где она учительствовала, занималась ликвидацией неграмотности.

Сергей Евгеньевич Клименко, рано осиротев, воспитывался в детском доме. Закончил рабфак, учился в Оренбургском артиллерийском училище. Воевал. При обороне Москвы командовал приборным отделением зенитной батареи.

У Софьи Павловны Воронцовой-Вельяминовой было два сына — Александр Всеволодович и Олег Всеволодович (по отцу — Кологривовы). Юношеские годы они провели в Бобруйске.

В конце двадцатых годов Софья Павловна переехала в Москву. Семья В. Р. Менжинского была очень дружна с Воронцовыми-Вельяминовыми и помогла им устроиться на новом месте. Большое участие в судьбе потомков Пушкина принял нарком просвещения РСФСР Андрей Сергеевич Бубнов.

Нападение фашистской Германии на нашу страну застало братьев Кологривовых на студенческой скамье. Александр уже заканчивал литературный факультет Московского педагогического института, Олег занимался на третьем курсе Московского института прикладного искусства. Александр Всеволодович участвовал в оборонительных боях под Москвой, находился на одном из труднейших участков — там, где захватчики ближе всего подошли к столице. Под Волоколамском был

ранен. Затем освобождал Смоленщину. Под Вязьмой получил второе ранение. После госпиталя А. Кологривова направили на учебу в военное училище. Он стал офицером связи. Особенно отличился Александр Всеволодович при форсировании Одера.

Олег Всеволодович ушел на фронт по призыву комсомольской организации института. В 1942 году в тяжелых боях на Волховском фронте был ранен. Вернувшись в строй, освобождал Прибалтику и Польшу, с боями прошел Восточную Пруссию, в составе 2-го Белорусского фронта дошел до Берлина. Здесь братья неожиданно встретились.

Против фашизма боролись и те потомки А. С. Пушкина, которые жили за пределами нашей страны. Среди них — Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов, также уроженец Бобруйщины. Он сражался в рядах французской армии, получил ранение под Дюнкерком.

Как же сложились дальнейшие судьбы этих людей?

Александр Всеволодович стал журналистом, работал обозревателем на Всесоюзном радио. Олег Всеволодович после войны закончил институт и специализировался в дизайне. Сергей Евгеньевич Клименко учился в военном институте. Служил на Дальнем Востоке. Позже, как и двоюродный брат, избрал для себя профессию радиожурналиста.

Георгий Павлович Воронцов-Вельяминов живет в Париже. Он — инженер. В его семье все владеют русским языком. Георгий Павлович глубоко знает творчество Пушкина и по-исследовательски интересуется всем, что касается жизни своего великого предка. Ему удалось разыскать пистолет, из которого Дантес нанес Пушкину смертельную рану. Об этом Воронцов-Вельяминов рассказал в большом очерке "Роковое оружие", который был опубликован в журнале "Огонек" в 1969 году. Он отыскал также портрет знаменитого Ибрагима Ганнибала, прадеда поэта. Реликвии, связанные с жизнью А. С. Пушкина, Георгий Павлович передал в музей поэта на набережной Мойки в Ленинграде.

Потомки Пушкина, родившиеся и выросшие в Белоруссии, не забывают родных мест. Несмотря на преклонный возраст, в Бобруйск приезжала Софья Павловна Воронцова-Вельяминова, из Архангельска — Ольга Евгеньевна Усова. Гостил в городе и художник Олег Кологривов. Журналистские дороги неоднажды приводили в Белоруссию Александра Кологривова. Побывал он и в городе юности — Бобруйске. "Я увидел совсем другой город, — писал затем А. Кологривов, — современный, благоустроенный, с широкими площадями, с кварталами новых домов".

На белорусской земле жило три поколения потомков великого русского поэта. Судьба четырнадцати человек из пушкинского рода была тесно связана с Бобруйщиной, которая стала для них родиной — тем самым дорогим уголком земли, откуда начинается жизненная дорога.

1979

Анатолий Шаров

ГЕНЕРАЛ А. А. ПУШКИН СЛУЖИЛ В НОВОГРУДКЕ

Когда А. С. Пушкин в 1826 году познакомился со славным уроженцем Новогрудчины поэтом А. Мицкевичем, то вряд ли он мог предполагать, что через 54 года его старший сын Александр Александрович будет проходить службу на родине Мицкевича — в Новогрудке. Здесь у него родится сын Петр. Здесь же он и переживет горе: в ноябре 1870 г. Петра не станет. Похоронен внук поэта на старинном кладбище в Новогрудке.

Так старинный городок Беларуси стал одним из мест, тесно связанных с именем великого поэта, его старшим сыном и внуком. В городе в честь А. А. Пушкина названа улица. И я думаю, что в ее названии — дань уважения горожан как поэту, так и сыну, ибо последний имел непосредственное отношение к Новогрудку, Гродненщине и Виленскому краю.

В 1867 г. А. А. Пушкин был командирован в распоряжение командующего Виленским военным округом. Почти год он принимал участие в работе комиссии по крестьянским делам. Воспитанный в духе передовых идей 60-х годов, он по справедливости отстаивал дела в пользу крестьян. Это, вероятно, и послужило причиной его перевода в 14-й Малороссийский полк.

Но широкие военные знания, эрудицию не могло не заметить военное начальство, и 15 июля 1870 г. его назначают командиром Нарвского полка, который и дислоцировался в Новогрудке.

Каким же был А. А. Пушкин в жизни?

Родился 6 июля 1833 г. Окончил вторую Петербургскую гимназию. А в 1848 г. пятнадцатилетнего юношу по приказу царя зачислили в Пажеский корпус, который окончил в 1851 г. Став офицером, был направлен служить в лейб-гвардии конный полк, которым командовал отчим П. П. Ланской.

Десять лет ратной службы — и он уже полковник. В январе 1861 г. по семейным обстоятельсвам вышел в отставку. Лишь в 1867 г. А. Пушкин вновь поступил на военную службу. Второй период его службы был связан с Виленским краем и Гродненщиной.

Будучи патриотом, человеком чести и большого мужества, он принимал активное участие в боевых действиях в русско-турецкой войне

1877–1878 гг. Он — герой Балканской кампании. За личные боевые заслуги сын поэта по высочайшему приказу был награжден золотой саблей с надписью “За храбрость” и орденом св. Владимира 4-й степени.

В 1880 г. А. А. Пушкину пожаловано звание генерал-майора, а через два года за отличие по службе он произведен в генерал-лейтенанты.

В феврале 1891 г. А. А. Пушкин вышел в отставку, после чего посвятил всего себя общественной деятельности. С 1895 г. — заведующий императорским мужским коммерческим училищем. В это же время он произведен в статские советники. Через три года он назначается членом совета по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов. Эту должность он занимает до 1913 г.

19 июля 1914 г. А. А. Пушкина не стало.

Новогрудчане гордятся своим городом и берегут память о сыне великого русского поэта, долгое время служившем на белорусской земле.

1994

І. Шчэрбач

З ПУШКІНСКАГА РОДУ

Да гэтага часу ні Пушкінскаму дому ў Ленінградзе, ні музею-запаведніку А. С. Пушкіна ў сяле Міхайлаўскім не была вядома магіла ўнука Аляксандра Сяргеевіча — Пятра Аляксандравіча, сына старэйшага сына паэта Аляксандра Аляксандравіча.

А. А. Пушкін сваё жыццё прысвяціў ваеннай службе. З 1867 года ён знаходзіўся на службе ў Віленскай ваеннай акрузе, а праз два гады, у лютым 1869 года, атрымаў прызначэнне ў 14-ы драгунскі Маларасійскі полк, а з 15 ліпеня 1870 года яго прызначаюць камандзірам 13-га гусарскага Нарвскага палка.

У горадзе Навагрудку і яго ваколіцах у той час і базіраваўся 13-ы гусарскі Нарвскі полк.

9 чэрвеня 1870 года ў сям'і Аляксандра Аляксандравіча Пушкіна нарадзілася восьмае дзіця — Пётр Аляксандравіч, унук вялікага паэта Аляксандра Сяргеевіча Пушкіна. Аднак Пётр Пушкін пражыў нядоўга. Восенню 1870 года на тэрыторыі Навагрудскага і прылягаючых да яго раёнаў праходзілі ваенныя манеўры. Жонка А. А. Пушкіна — С. А. Ланская — з дзіцем Пятром знаходзілася разам з мужам на манеўрах. Хлопчык захварэў дзіцячай эпідэмічнай хваробаю і памёр 6 лістапада 1870 года. Пахаванне дзіцяці адбылося на праваслаўным баку могілак у Навагрудку.

Аўтар гэтых радкоў на працягу трох гадоў адшукваў магілу Пятра Пушкіна. Адшукваць магілу дапамагаў вучань шостага "Б" класа школы № 2 Грыша Жукоўскі.

І вось магіла ўнука А. С. Пушкіна знойдзена. На надмагільным камені напісана: "Младенец Петр Пушкин, род. 9 юня 1870 г., скон. 6 ноября 1870 г. "

Нягледзячы на тое што надмагільны камень праляжаў 105 гадоў, надпіс можна лёгка прачытаць. Памер каменя прыкладна 50 х 65 сантыметраў.

1975

Александр Таранда

ПРАВНУКИ ПУШКИНА В БОБРУЙСКЕ. СУДЬБА БЕСПРИЗОРНЫХ

Летом 1824 года высочайшим повелением императора Александра I опальный поэт и коллежский секретарь Александр Пушкин был уволен с царской службы и сослан “под надзор” в родовое поместье Михайловское. Мог ли он подумать, проезжая по пути из Одессы на Псковщину городами и весями Могилевской губернии, что через сотню лет судьба забросит в здешние края его внуков и правнуков. Что кого-то из потомков постигнет участь беспризорных, и поиском приюта для них будут заниматься чиновники неведомой поэту советской власти...

Появление рода Пушкиных на белорусской земле связано с именем Натальи Александровны, старшей дочери сына поэта Александра, видного военачальника прошлого века, участника боев за освобождение Болгарии в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Выйдя замуж за уроженца Бобруйщины офицера Павла Воронцова-Вельяминова, она поселилась в его имении Дубовка. Умерла внучка Александра Сергеевича в 1912 году и была похоронена в трех километрах от поместья своего мужа в деревне Телуша. Ее могила сохранилась до наших дней.

В 20-е годы Дубовку унаследовала старшая дочь Натальи Александровны Софья Кологривова со своими детьми Олегом и Александром.

Судьбой этой семьи заинтересовался, еще будучи руководителем Минского областного архива, нынешний директор Белорусского государственного архива научно-технической документации Василий Дмитренко. Ему удалось обнаружить документальные свидетельства той драматичной ситуации, в которой оказались Софья Кологривова и ее сыновья.

Крайняя бедность и тяжелая болезнь заставили Софью Павловну в 1929 году обратиться в Народный комиссариат просвещения РСФСР с просьбой устроить ее детей в детдом. Ходатайствует об этом перед московским начальством и Наркомпрос БССР. Однако в белокаменной все эти “челобитные” были встречены достаточно прохладно. Похоже, здешние чиновники от просвещения решили не брать на себя лишних хлопот. Между наркомпросами России и Белоруссии завязалась переписка, которая длилась более полугода. Приведем лишь несколько наи-

более характерных образцов эпистолярного жанра, в котором изрядно преуспели наркомовцы.

Наркомпрос БССР, тов. Балицкому

Уважаемый товарищ! В г. Бобруйске проживают двое правнуков А. С. Пушкина — мальчики Кологривовы. Мать их, Кологривова, по имеющимся у нас сведениям, является нетрудоспособной на 80 процентов. Материальные средства семьи составляют: 20 р. Пушкинской пенсии и 15 р., которые т. Кологривова получает как инвалид — сестра милосердия. Страдая тяжелой формой психостении, тов. Кологривова не в состоянии воспитывать своих детей. Ребята предоставлены сами себе и находятся на грани беспризорности. Не найдете ли вы возможным, тов. Балицкий, взять детей от матери и отдать их в один из хороших детдомов, где они могли бы получить соответствующее советское воспитание.

С коммприветом, Яковлева.

Исполняющий обязанности наркома просвещения РСФСР А. Бубнов в письме, датированном 2 февраля 1930 года, уже в более категоричной форме излагает позицию российского Наркомпроса:

В Наркомпрос РСФСР неоднократно обращалась гр. Кологривова с просьбой определить ее детей (правнуков Пушкина), Олега и Александра, 10 и 12 лет в интернатное детское учреждение. Поскольку семья Кологривовых живет в Бобруйске, мы не считаем целесообразным переводить детей в РСФСР и обратились в Наркомпрос БССР с просьбой положительно разрешить этот вопрос. Однако, по полученным нами сведениям, дети Кологривовых до сих пор не определены в детдом Белоруссии...

Небольшая ремарка по ходу чтения. Что касается “нецелесообразности” выполнения просьбы Софьи Павловны, то причина отказа представляется просто казенной отпиской. Судя по всему, патриотические чувства тов. Бубнова в отношении классика русской поэзии и его потомков ограничивались служебными рамками. А решая судьбу ребят, он руководствовался в духе тех времен исключительно принципом “партийной целесообразности”. Такая позиция явно угадывается между строк во второй части письма в адрес наркома просвещения Белоруссии:

...Имея в виду, что отдельные круги близкой нам беспартийной интеллигенции из уважения к памяти Пушкина настаивают на том, чтобы Советская власть пришла в данном вопросе на помощь его правнукам, я позволю себе просить Вас лично заинтересоваться

этим делом и, если только найдете это соответствующим интересам детей, распорядиться об определении их в один из детских домов Белоруссии.

Конечно же, против столь убедительных идеологических аргументов возражений быть не могло. И уже 7 февраля из Наркомпроса БССР в Москву уходит ответ:

Настоящим сообщается, что по получении вашего отношения гр. Кологривовой сделаем запрос, куда и в какой из дет. домов БССР она желает определить своих детей. По получении ответа дети ее будут немедленно размещены в выбранный ею детдом.

В тот же день был отправлен запрос Софье Кологривовой. Она пожелала устроить своих сыновей в Белорусский детский дом на улице Советской в Минске и попросила оказать им денежную помощь. Свой выбор Софья Павловна мотивировала тем, что этот детдом расположен ближе других к русской школе.

После множества согласований и прочих бумажных формальностей в начале лета 1930 года Олег и Александр были приняты в детский дом с государственным "жалованьем" 9 рублей каждому.

К сожалению, сведений о том, как сложилась дальнейшая судьба белорусских правнуков Пушкина, немного. Известно только, что, повзрослев, они все же перебрались в Москву. Олег Кологривов участвовал в Великой Отечественной войне, стал художником.

1997

Юрась Палясоўшчык

НАШЧАДКІ ПУШКІНА НА РУДАБЕЛЬСКАЙ ЗЯМЛІ

І сёння многія са старажылаў Акцябршчыны, асабліва настаўнікаў, добра памятаюць Вольгу Яўгенаўну Кліменка як настаўніцу. Ды толькі мала хто ведаў, што яна прапраўнучка Аляксандра Сяргеевіча Пушкіна. А нагадала надоечы аб гэтым раённая газета "Чырвоны Кастрычнік", змясціўшы цікавы матэрыял аб нашчадках вялікага паэта на рудабельскай зямлі. Праўда, у свой час Сяргей Грахоўскі ў нарысе "Сустрэча з Лукамор'ем" расказваў пра гэтых славутых людзей, у прыватнасці пра сустрэчу з праўнукам Грыгорыем Грыгор'евічам Пушкіным. А адбылася яна пры наведванні Сяргеем Іванавічам Міхайлаўскага ў час святкавання 175-й гадавіны з дня нараджэння А. С. Пушкіна.

Праўнук і расказаў тады беларускаму пісьменніку пра многіх са сваіх знакамітых сваякоў, у тым ліку і пра Вольгу Кліменка.

Як высветлілася, яна нарадзілася ў 1911 годзе ў Бабруйску. Яе маці, Марыя Паўлаўна Варанцова-Вельямінава (у замужжы Кліменка), была старэйшай дачкой унучкі Аляксандра Сяргеевіча Наталлі Аляксандраўны, якая да 1912 года жыла ў маёнтку Вавулічы, што знаходзіўся ў дзесяці кіламетрах ад Бабруйска. Бацька Яўген Іпалітавіч, юрыст па адукацыі, займаў у Бабруйску пасаду суддзі. З 1910 года — ён мясцовы павятовы прадвадзіцель дваранства.

Пасля заканчэння школы ў Бабруйску Вольга Яўгенаўна закончыла кароткатэрміновыя настаўніцкія курсы пачатковых класаў пры Рагачоўскім педагагічным тэхнікуме. Першыя тры гады яна працавала ў вёсцы Ратміравічы і столькі ж часу — у вёсках Новая Дуброва і Оземля цяперашняга Акцябрскага раёна.

Адну зіму ў сястры жыў у Ратміравічах і яе брат Сяргей. Акцябрычане памятаюць настаўніцу Вольгу Кліменка як чуйную і спагадлівую жанчыну. Напрыклад, жыхарка вёскі Новая Дуброва Аляксандра Іванаўна Яфрэмава з самым цёплым успамінам нядаўна выступіла пра яе ў мясцовай раённай газеце. У прыватнасці, расказала аб тым, як яе дзед, Васіль Калянкевіч, шчырым словам заўсёды ўспамінаў гэту цудоўную "вучыцельку". А ён жа добра яе ведаў: Вольга Яўгенаўна кватаравала ў Калянкевіча. Далейшы лёс яе такі. У 1935 годзе В. Кліменка паехала пагасціць да сваёй сястры Ірыны ў Архангельск і засталася там назаўсёды.

1996

Викентий Мороз

ПОТОМКОВ ПУШКИНА СЛЕДЫ...

Как-то в разговоре с моим старым знакомым из совхоза "Доманово" Н. А. Нахватом я узнал, что Воронцовы-Вельяминовы, которые когда-то жили неподалеку от наших мест, в деревне Югалин, являются потомками великого русского поэта А. С. Пушкина. Особенно разгорелся во мне исследовательский интерес после того, как увидел статью в ленинградской областной молодежной газете, где этот факт скупо подтверждался несколькими строчками. В них сообщалось: "Раньше пушкинская ветвь жила в Белоруссии. Георгий родился в селе Югалин в 1926 году". Речь шла о потомке поэта Георгии Владимировиче Воронцове-Вельяминове.

Естественно, вскоре после этого побывал я (и не однажды) в Югалине, Гляденье, Сельцах, Ямичне и других окрестных деревнях, встречался с людьми, которые знали Воронцовых-Вельяминовых. Вот что мне рассказали Александр Иосифович и Софья Семеновна Корсаки, Алексей Максимович Кулак, Софья Макаровна Шестак, Виктор Васильевич Кучко, Алексей Антонович Коневега и другие старожилы-сельчане, которым довелось встречаться, общаться и даже в детстве дружить с потомками великого поэта.

Дедушка Георгия Владимировича служил в армии, был полковником. В 1938 году он умер и похоронен в деревне Добромысль Ивацевичского района около церкви. А его жена оставила о себе добрую память тем, что лечила людей травами, в которых знала толк, была ко всем добра и отзывчива.

Отец Георгия Владимировича был помещиком, но семья его много помогала бедным крестьянам. В ней принято было говорить только на русском языке, вести простой образ жизни, не кичиться своим социальным положением.

Семья Воронцовых–Вельяминовых жила в деревянных домах в Югалине, которые впоследствии сгорели. Остались только бывшая сыроварня и молочная. К сожалению, не удалось точно установить, когда Воронцовы–Вельяминовы поселились в Югалине. Однако доподлинно известно, что жили они здесь еще до первой империалистической войны, были в эвакуации в России, затем вернулись обратно в Югалин.

Здесь же родился потомок поэта по линии его сына Александра Александровича — Георгий Владимирович Воронцов-Вельяминов. Здесь в дружбе с деревенскими детьми прошло его детство. Когда началась Великая Отечественная война, Георгию было 14 лет. Он в это время с матерью Натальей Евгеньевной и сестрой Верой жил в Казахстане. А когда ему исполнилось семнадцать, Георгий прямо со школьной скамьи ушел на фронт, доблестно защищал свою Родину от врага. Завершив армейскую службу, поселился в Иркутске. У него семья, трое детей — новых потомков великого поэта.

Через Иркутское адресное бюро я получил точный адрес Георгия Владимировича, наладил деловую связь с В. М. Русаковым — человеком, посвятившим свою жизнь исследованию родословной потомков А. С. Пушкина. Это позволило мне уточнить, перепроверить многие собранные сведения, узнать множество новых подробностей.

Расскажу о необычной судьбе праправнучки Пушкина — матери Георгия Натальи Евгеньевны. В начале 1921 года она, еще девочка-подросток, уехала из Бобруйска в гости к родственникам, жившим в западной части Белоруссии. В марте этого же года Западная Белоруссия отошла к Польше. Оторванная волею обстоятельств от семьи, Наталья Евгеньевна прожила в Западной Белоруссии долгие годы, вплоть до ее воссоединения. Здесь же она стала женой своего двоюродного дяди Владимира Ивановича Воронцова–Вельяминова. Здесь у нее родилось двое детей — Георгий, о котором я рассказал, и Вера.

Нелегко сложилась жизнь Натальи Евгеньевны, но она и в более чем 70-летнем возрасте не утратила молодости души, живого, непреходящего интереса к литературе, музыке, искусству, природе.

Интересна и такая подробность. У Натальи Евгеньевны есть внук Андрей. Когда он был подростком, одна из грузинских газет писала, что в нем “заявляет о себе память генов — в абрисе лица, в светлых курчавых волосах, голубых глазах” заметно проступает портретное сходство с А. С. Пушкиным. Не случайно, думается, народная художница Грузинской ССР К. К. Магалашвили написала в свое время портрет пятнадцатилетнего потомка поэта.

Поиски сведений о потомках А. С. Пушкина продолжаются. Это занятие сполна захватило и меня. Я рад, что смог помочь профессиональным исследователям собрать довольно обширный материал о Воронцовых-Вельяминовых, живших в нашем полесском крае, и в судьбах которых, считаю, отразилась история нашей страны.

1986

Георгий Чигир

ПО КОМ МОЛЧИТ КОЛОКОЛ В ТЕЛУШЕ...

...Мы сошли на разъезде Савичи, в пятнадцати верстах от Бобруйска. Поезд, громыхнув на прощание полусонными вагонами, тотчас растаял в промозглой мгле, оставив нас наедине с холодным осенним утром. Телуша, Телуша, где же ты?

— А вот она, — бросила сухонькой, жилистой рукой невесть откуда взявшаяся старушонка в направлении едва видимой в тумане деревни по ту сторону железнодорожной насыпи. — Идите вдоль полотна, потом по тропинке. Она и приведет в Телушу. Церквушку увидите сразу. А рядом и могилка Натальи Александровны...

До Телуши-деревеньки — полчаса ходу. В самый раз, чтобы рассказать, что же нас, двух журналистов, привело сюда. Но обо всем не торопясь...

О том, что потомков Александра Сергеевича Пушкина в Беларуси нет, известно доподлинно. Правда, следовало бы сказать несколько иначе: потомков Пушкина в Беларуси больше нет. К сожалению. А ведь были. Жили на этой земле, делали добрые дела, уважали людей, исконно здесь живущих. И вот — никого не осталось, разве что прах Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой, внучки великого поэта, покоящийся в прицерковном дворике той самой деревеньки Телуша, куда мы и держим путь, попутно коротая время, быть может, совсем не бесполезными воспоминаниями о давно минувших днях...

Итак, начнем, пожалуй, с конца прошлого века, с 1881 года. Именно в лето этого года в одной из рязанских церквей венчались граф Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов и Наталья Александровна Пушкина. Но немного предыстории...

Как известно, у Пушкина, а точнее у его жены Натальи Николаевны, после трагической кончины поэта осталось четверо детей. Когда Александр Сергеевич умер, старшей Марии было четыре с половиной года, Александру — три с половиной, Григорию — около двух лет, Наталье — восемь месяцев. Пушкин шутя называл их по старшинству: Машка, Сашка, Гришка и Наташка.

Впоследствии старший сын Пушкина Александр стал военным. Знать бы гению русской поэзии, кем и каким станет его старший сын, о котором он однажды написал в письме своей жене: “Посмотрим, как-то

наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет”.

Чтобы понять, уяснить, каков же был сын Пушкина, хватило бы одной строки, написанной о нем полковым историком: “Сын известного поэта, именем которого гордится Россия, полковник Пушкин являл собою идеал командира-джентльмена”. Ну а как же сложилась семейная жизнь у полковника, а затем и генерал-лейтенанта Александра Александровича Пушкина?.. Женился он по любви на Софье Ланской. Было от этого брака 11 детей. Наталья Александровна, повенчанная впоследствии с графом Павлом Воронцовым-Вельяминовым в лето 1881 года, была первым ребенком Александра Александровича Пушкина и Софьи Ланской.

Вернемся, однако, к более зрелым годам старшей дочери Александра Александровича. В пору, когда ее отец командовал 13-м Нарвским гусарским полком, в дом Пушкиных часто захаживал офицер этого же полка Павел Воронцов-Вельяминов. И полюбил старшую дочь своего командира, обаятельную, женственную Наталью Александровну. Следуя зову сердца, молодой офицер просил руки возлюбленной, на что полковник Пушкин с радостью дал свое согласие...

...Вот мы и подошли ближе к нашей деревеньке с таким милым названием — Телуша. Впрочем, неосведомленному читателю, вероятно, не терпится побыстрее узнать, так какая же связь между захолустной деревенькой и потомками великого поэта.

Спешим с разьяснениями. Телуша, равно как и близлежащая деревня Дубовка (некогда имение Вавуличи) — родина того самого графа Воронцова-Вельяминова, который предложил руку и сердце внучке Александра Сергеевича Пушкина.

Несколько слов о самом графе. Воронцовы-Вельяминовы были известны еще при Иване Калите. Предки Павла Аркадьевича участвовали в Куликовской битве, а в XIV веке занимали первейшие места в боярской думе и среди придворной знати. Жених Натальи был назван Павлом в честь своего деда — Павла Петровича. Последний в пятнадцатилетнем возрасте храбро, с юношеским задором сражался на Бородинском поле, за что и был награжден Георгиевским крестом. Однако ж не только заслуги предков и величие рода дали право Павлу Воронцову-Вельяминову претендовать на благосклонность внучки Александра Сергеевича. Отец невесты видел в молодом офицере человека чести, мужественного и прямого.

После венчания супружеская пара некоторое время жила в городе Козлове, переименованном впоследствии большевиками в Мичуринск. Затем, выйдя в отставку, граф увез молодую жену к себе на родину,

в имение Вавуличи Бобруйского уезда... Так потомки Пушкина оказались в Беларуси.

...А вот и Телуша — конечная цель нашего путешествия. Утренний туман понемногу рассеялся, когда мы, минуя околицу, поравнялись с крайними хатами. Ну что сказать про Телушу? Ничем не примечательная деревенька: хилые постройки, чахлые палисадники да кривые улочки-улицы, вероятно, мощенные когда-то камнем, а теперь в выбоинах да рытвинах. Как говорится, не на что и глаз положить, разве что на вековые кряжистые вязы да под стать им изумрудно-пепельные тополя, посаженные Бог весть когда...

И все же было бы несправедливым вот так, походя, ничего не заприметить в этом тихом уголке, нареченном неизвестно кем удивительно ласковым названием — Телуша. Купола церкви выплыли из тумана, как две ладьи из небесного океана. Они-то и восхитили, приковали взор: уж слишком хороши для скромного селеньица.

В 1902 году здесь, в Телуше, на средства Воронцова-Вельяминова им же нанятые мастера возвели церковь. Уже в наше время священник местного прихода отец Василий рассказывал эпизод, услышанный им от тещи, молодость которой прошла в имении графа: “Павел Аркадьевич любил стоять позади всех, недалеко от входа в храм. В руках у него была плетка: вероятно, к церкви приезжал верхом или в коляске. И если кто из крестьян во время службы начинал шептаться, тот тихонько подходил сзади и деликатно постукивал нерадивого рукояткой по плечу. Воспитывал”.

Помещицу, то есть Наталью Александровну, старожилы вспоминали менее явственно. Говорили, что барыня была милой и доброй, и самое главное, что ее заботами построена школа для крестьянских ребятишек. К слову сказать, белорусский край не был для Натальи Александровны terra incognita. Впервые побывала она в здешних местах еще в детстве, когда часть, в которой служил отец, располагалась в Новогрудке, а затем в Вильно. В Виленской гимназии она и училась, здесь же получила хорошее домашнее образование: владела немецким, французским и английским языками, прекрасно знала историю, любила литературу и живо интересовалась исследованиями о жизни и творчестве деда.

Дочь Натальи Александровны Софья Павловна вспоминала, что при встречах с А. А. Пушкиным мать очень часто рассказывала ему о жизни и обычаях белорусских крестьян, признавалась, что полюбила белорусскую природу, а белорусская земля стала ей близкой и родной. Вероятно, эта любовь двигала ею, когда помогала она крестьянским семьям хлебом, зерном, лекарствами, лесом на постройку домов, ссужала деньгами на покупку скота, снабжала нуждающихся в семенном фонде. Некоторым крестьянским девочкам Наталья Александровна и

Павел Аркадьевич помогали не только получить начальное образование, но и продолжить учебу — стать учительницами, акушерками-фельдшерицами.

Супруги жили дружно, в любви и согласии. К сожалению, в деревнях, некогда составляющих их имение, не осталось уже никого, кто бы лично знал чету Воронцовых-Вельяминовых. Сохранились лишь записи местных краеведов, в которых со слов их же бабушек и прабабушек явствует, что барин был "нравом вспыльчив", "во всем любил дисциплину и справедливость", "характером горяч, но отходчив".

Любимому своему мужу Наталья Александровна подарила шестерых детей. Судьба их — это отдельная история, достойная большой документальной повести-исследования. И судьба их не столько даже грустная, сколько трагическая. Посудите сами. Первенец Воронцовых-Вельяминовых, Григорий, умер, не прожив и одного года. Старший сын Михаил после революции 1917 года эмигрировал во Францию, где и прожил до конца своих дней. Младший, Феодосий, участвовал в первой мировой войне и погиб в 1914 году в Восточной Пруссии. Младшая дочь Вера трагически погибла в 1920 году. А лучшие годы Марии и Софьи совпали с временем, когда дворянское звание служило прямой причиной к гибели...

Наталья Александровна не дожила до большевистского путча пять лет, скончалась в двенадцатом году на руках у любящего мужа. Сам Павел Аркадьевич пережил жену на восемь лет. Последнее его доброе дело — строительство сахарного завода — так и осталось незавершенным. И, может, хорошо, что не видели его глаза того разора, который учинили комиссары на этом недостроенном заводе и во всем имении, а то бы получил второй инфаркт. Скончался же он от первого — в 1920 году в Киеве.

...Утренняя пелена тумана окончательно рассеялась, когда мы вплотную приблизились к удивительно благообразной в пропорциях церкви, увенчанной тремя маковками-куполами с золочеными крестами. И только на колокольне крест почему-то отсутствовал...

Здесь же, в тридцати шагах от храма, могила Натальи Александровны Пушкиной, по мужу Воронцовой-Вельяминовой. Строгий памятник из черного мрамора, обнесенный цепью. Мы молча стоим у надгробия, оглядывая некогда ухоженное родовое кладбище, превратившееся со временем в истоптанную неприглядную лужайку...

...Уничтожать дворянские могилы начали еще при жизни детей Натальи Александровны. Дочь их, Мария Павловна Клименко (урожденная Воронцова-Вельяминова), несмотря на агрессивное недовольство властей, навещала могилу матери, убирала ее, приводила в порядок после очередных погромов, оставляла на дорогом бугорке фиалки. Почему фиалки? Наталья Александровна очень любила их. Да и вооб-

ще увлекалась цветоводством. Ее усадьба славилась в округе красотой своих цветников и аллей. В Бобруйске, кстати, — а там был дом у четы Воронцовых-Вельяминовых, — семья высадила первые в городе каштаны. Они и сейчас украшают центр города... Но ушла из жизни Мария Павловна, умерла в сибирской ссылке в 1932 году, и уже некому было смотреть за могилой матери. Ирина, Ольга, Наталья, Сергей — дети Марии Павловны, праправнуки Пушкина, воспитывались в детских домах и колониях. На родину не возвратился никто... Как же тут не воскликнуть: о время, ты немилосердно! Но только ли время?..

По крутой гранитной лестнице взбираемся на верхотуру церковной колокольни. Там, на продуваемой сырым ветром площадке, вовсю орудуют топорами двое реставраторов. Они-то и дополнили наши познания относительно участи, постигшей имение и церковь Воронцовых-Вельяминовых.

Трехэтажный помещичий особняк находился в Дубовке. С колокольни она хорошо просматривалась, благо туман рассеялся даже в низменности, разделяющей Телушу и соседнюю деревню. От дома не осталось даже фундамента. “Приедет новый председатель — тут же начинает строиться... Вот и тащат с усадьбы”, — процитировали нам слова местных жителей мастеровые люди. Так все и растащили. Пруд заглох, аллеи одичали, дорожки заросли. Красное кирпичное здание сахарного завода, мощное и крепкое, поставленное на века, стоит теперь в окружении хилых хозяйственных построек из жердей и шифера... Ну а церковь, церковь-то уцелела.

— Да уж, уцелела, — вздыхают мужики. — И на том спасибо Господу, что не позволил нехристям изуродовать храм. А ведь покушались...

В 1937 году была вывезена вся утварь, удалось спасти одну-единственную иконку. Храм был поруган, но устоял. А ретивые комсомольцы, уже после войны, вознамерились снести купола вместе с крестами. Один даже взобрался на центральный купол, но сорвался, окаянный, и нашел здесь свою смерть.

С памятником-надгробием Натальи Александровны, как выяснилось, обошлись новые устроители жизни примерно так же. Только в 70-е годы, с приездом в Телушу Софьи Павловны, местные краеведы с помощью добропорядочных старожилов восстановили могилу.

— Да что тут скажешь, — грустно заметил старший, — жили-то люди как в угаре. Сами не ведали, что творили. Может, и страдаем оттого?..

Слушая доброго человека, по всему видать совестливого, я не мог оторвать взгляда от чудесных перелесков, еще не тронутых осеннею позолотою, от зеленых холмов, убегающих к самому горизонту, от всей этой благости, подаренной человеку Всевышним. А может, и жили мы

так неправедно, что в непрестанной своей борьбе с самими собой не сумели разглядеть эту красоту?..

— Ничего, друг мой, — оживился тем временем мастеровой. — Вот восстановим колокольню, водрузим последний купол, и зазвучат колокола как прежде, позовут народ к заутрене. Звучали-то они ой как давно... Сделаем, обязательно сделаем. Может, нам и воздастся...

— Дай-то Бог, — ответил я, и мы начали спускаться вниз по лестнице на грешную нашу землю...

Возвращаясь тою же дорогою на разъезд Савичи, подумалось: храм-то люди восстановят, да только найдут ли в себе силы встать на путь истинный, ведущий к этому храму? Уж слишком долго блуждали в стороне... И вспомнились мне слова Александра Сергеевича Пушкина, однажды написанные им на полях книги “Собрание древних русских пословиц”: “В кабак далеко, да ходить легко — в церковь близко, да дорога склизка”. Хоть бы в этом ошибся гений русской поэзии.

1998

KAMUNIKAT.ORG